

ТАБЛАНА КРЪСА

АЛЬФРЕД
БЕСТЕР
РОДЖЕР
ЖЕЛЯЗНЫ

«БЛЕСТЯЩАЯ
ИМПРОВИЗАЦИЯ
ДВУХ ЛУЧШИХ
МАСТЕРОВ
ЖАНРА».

Грег БИР

ПСИХОЛАВКА

ПСИХОЛАВКА

АЛЬФРЕД
БЕСТЕР
РОДЖЕР
ЖЕЛЯЗНЫ

★

ТАДЫНДЫҢ ПЫСА

ТАДЫНДЫ КҮТСЭ

АЛЬФРЕД
БЕСТЕР
РОДЖЕР
ЖЕЛЯЗНЫ

▼▼▼
ПСИХОЛАВКА

▼▼▼
КСМ
1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Б 53

Alfred BESTER & Roger ZELAZNY
PSYCHOSHOP

Разработка серийного оформления
художника *С. Курбатова*

Серия основана в 1997 году

Б 53 **Бестер А., Желязны Р.**
Психолавка: Роман. / Пер. с англ. — М.: ЗАО Изд-во
ЭКСМО-Пресс, 1999.— 320 с. (Серия «Стальная Крыса»).

ISBN 5-04-003711-2

Центром коварных интриг вселенского масштаба становится не-
приметный домик в старом квартале Рима. В нем разместил свою Лавку
знаменитый Меняля Душ Адам Мазер, на время приостановив скольже-
ние по оси времен. Этот дом должен стать колыбелью Идроида, могу-
чего киборга, сознание которого синтезировано из самых мощных пара-
нормальных свойств избранных представителей человечества разных
эпох. Но Идройд необходим не только Меняле Душ, и потому по следу
удачливого авантюриста уже несколько столетий неотвратимо идет луч-
ший из Расы Охотников далекого будущего.

Роман впервые публикуется на русском языке.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

Copyright © 1998 by the Alfred Bester
Estate and the Amber Corporation, Inc.
Introduction copyright © by Greg Bear
© Издание на русском языке. ЗАО
«Издательство «ЭКСМО», 1999 г.
© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс», 1999 г.
© Перевод. И. Тогоева, 1999 г.

ISBN 5-04-003711-2

«ПСИХОЛАВКА»: ФАНТАСТИКА В ДЖАЗОВЫХ ТОНАХ¹

Без Альфреда Бестера и Роджера Желязны сегодня не были бы возможны ни Уильям Гибсон и Нил Стефенсон, ни даже Тэрри Пратчетт и Дуглас Адамс.

Бестер и Желязны были величайшими писателями-фантастами своего времени. Каждый из них, подобно смерчу, ворвался в мир научной фантастики, разрушая привычные представления о ней, рождая неожиданные сюжеты и создавая новый стиль. Их творчество потрясло поклонников этого жанра и спровоцировало немыслимое число подражателей. Кое-кому из этих подражателей удалось даже отчасти постичь секреты их мастерства и сочинить более или менее талантливые имитации, но ничего столь же захватывающего и оригинального никому создать так и не удалось.

Альфред Бестер начал писать в сороковые годы, но имя себе создал только в пятидесятые. Это было начало золотого века научной фантастики, когда на смену солидным фолиантам в твердых переплетах пришли всем доступные издания в мягких обложках. В шестидесятые и семидесятые имя Бестера достаточно часто всплывало; затем его популярность резко пошла на убыль. К тому вре-

¹ Перевод предисловия выполнен Юлией Новыш.

мени, как ассоциация американских писателей-фантастов провозгласила его в числе лучших мастеров всех времен, массовый читатель успел основательно позабыть его имя. И даже несмотря на яркие вспышки, его карьера была не из слишком удачных — во многом она напоминает истории тех виртуозов джаза, которые получили официальное признание лишь после того, как навсегда покинули сцену.

К сожалению, очень многих писателей-фантастов постигла похожая участь. Я назову лишь некоторых: Стэнли Вэйнбаум, Фриц Лейбер, Генри Каттнер, Кэтрин Мур, Теодор Старджон, Фредерик Пол, Сирил Корнблат, Эдгар Пэнгборн, Роберт Шекли. Полагаю, что к этому списку можно добавить и Рэя Бредбери, несмотря на некоторые нюансы, его по праву можно тоже отнести к недооцененным виртуозам джаза.

Роджер Желязны был одним из лидеров данного «джазового» направления в фантастике в шестидесятые годы, наравне с Сэмюэлем Дилэни и Филипом Диком. Однако за последующие четверть века он сумел добиться впечатляющих успехов. Желязны много и продуктивно писал, работы его издавались и переиздавались, принося автору награду за наградой. Его творческий путь был долг и весьма успешен в финансовом плане. Он бесконечно импровизировал, генерировал новые идеи, использовал все преимущества соавторства и в результате подкидывал читателю сюрприз за сюрпризом. Короче, это была карьера, достойная всяческого восхищения. К сожалению, она

продлилась недостаточно долго, чтобы Желязны официально успел войти в число великих, но это не имеет значения: такое признание — часто лишь дело случая.

После смерти Бестера Желязны неожиданно получил интересное предложение. Бестер оставил незавершенным один из своих лучших романов. Почему бы Желязны не завершить его? Писатель бесстрашно принял вызов. Результат оказался беспрецедентным — «*Психоловка*», посмертный дуэт мастеров научной фантастики, подобный смелой джазовой импровизации; удивительный поток фантазии и тонкая игра полутонов, доносящихся до читателя сквозь десятилетия.

Как и в современном джазе, акценты здесь часто смещены, а гармония порой нарочито нарушена. Герои книги воздушны и практически лишены эмоций, они как будто сошли со страниц бульварного чтива, столь популярного в пятидесятые. Иногда они говорят нам о своих чувствах, но мы никак не можем проникнуться их переживаниями. Книга исполнена в мажорной тональности, полна веселья и динамики, но все это не может заретушировать мрачного пессимизма. Авторы заставляют читателя улыбаться, но это не радостная улыбка, скорее — смех сквозь слезы. Бестер задал темп и тему, Желязны же с легкостью подхватил и блистательно развил их. В конце концов, Желязны был одним из литературных учеников Бестера, и то, что учитель лишь обозначил, ученик довел до совершенства. Результат — абсолютно цельное произведение.

Изучение рукописи этой книги — занятие поистине захватывающее. Жаль, что нельзя отпечатать ее факсимильного издания с комментариями. Видно, что манускрипт многократно переходил из одной пишущей машинки на другую, на полях там и сям встречаются исправления и пометки, сделанные от руки. Чья это была рука?.. Возможно, Бестера, но вероятнее, что Желязны; а может, это просто редакторская правка? Временами попадаются фирменные бестеровские эскизы и замысловатые завитушки. Филологам, занимающимся творчеством этих писателей, следовало бы заполучить копию этой рукописи любым путем. Она стоит того, чтобы потратить время и изучить ее более детально.

Такие мастера, как Бестер и Желязны, бесспорно, способствуют обогащению литературы и дают импульс для вдохновения писателям всех жанров и направлений. И хотя мой стиль можно скорее назвать классическим с некоторым уклоном в авангард, я не могу не признаться в любви к великим «джазменам» научной фантастики. Их творчество не только воспитывает вкус, оно вносит резкую, насмешливую ноту в это ставшее, увы, чересчур правильным, слащавым, слезливым и претенциозным литературное направление.

«Психоловка» — книга филигранного качества, свежая, динамичная, едкая и запоминающаяся. Это блестящая импровизация двух лучших мастеров своего жанра.

Грег БИР

ГЛАВА 1
ПСИХОБРОКЕР

Я сидел и озирался в полном отчаянии, когда мой шеф, Джерри Иган, просунул голову в дверь и спросил с мягким вирджинским акцентом:

— Можно мне войти, Альф?

Примостившись у дальнего конца моего огромного обеденного стола (ненавижу письменные столы!), он некоторое время наблюдал за мной, потом спросил:

— Ты что-нибудь потерял?

— Да чертов паспорт никак не могу найти!

— В карманах хорошо смотрел? А в плаще? А в саквояже?

— Да господи! По три раза!

Он принялся методично перебирать различные предметы, беспорядочно разбросанные на столе, потом вдруг замер и решительно двинулся к низким книжным полкам под окном. Из-за них он выудил мою фуражку с эмблемой Английского клуба автомобилистов. В ней-то паспорт и оказался!

— Но скажи, ради всего святого, как ты догадался, что он именно там?!

— Умение искать у меня от отца: он может воду с помощью ивового прута под землей найти.

— Да благословит его Господь! И тебя тоже!

— Знаешь, Альф, а я ведь хотел еще одно заграничное дельце тебе подсунуть... В Риме. Но довольно темное. Точнее, загадочное. Пospрашивай там насчет Черной Дыры, где некий Меняла Душ обитает, ладно?

— Звучит диковато. А что это за «дыра»?

— Да никто толком не знает. Одна моя девушка там побывала, но говорить об этом не желает ни в какую. Вроде бы стесняется.

— И что ты предлагаешь?

— Ну, допустим, копать ты и сам умеешь. Если обнаружишь, что это какой-нибудь очередной салон великосветских бездельников, которые только и делают, что порхают с одного курорта на другой, сразу брось и забудь. Но если там действительно происходит нечто невероятное и творятся новые смертные грехи, тогда дадим материалу полную раскрутку.

— А хоть какую-нибудь наводку ты от этой чересчур стеснительной особы получил?

— Да, одно имя она обронила: Адам Мазер. Но больше ни слова.

— Мазер? А это случайно не аббревиатура какого-нибудь квантового усилителя¹?

— Вот это ты и выясни, Альф. Ты же у нас гениальный янки с Севера. А я всего лишь неотесанный южанин.

¹ От начальных букв английских слов Microwave Amplification by Stimulated Emission of Radiation — усиление микроволн (СВЧ) в результате вынужденного излучения; общее название квантового усилителя и квантового генератора СВЧ.

Наш мир на 99 процентов состоит из обычных людей и 1 процента элиты. Обычные люди вечно чего-то боятся, опасаются собственного нонконформизма. А вот те, кто принадлежит к элите, пребывают в добрых взаимоотношениях не только с самими собой, но и со всем окружающим миром. На все им плевать, ничем их не испугаешь. И когда по Риму разнеслась молва, что я прилетел делать материал для роскошного журнала «Ригодон», меня тут же приняли в самом изысканном обществе, обласкали и направили в нужную сторону.

Так я и оказался за столиком в «Ла Коррутеле» с Адамом Мазером. Мы выпивали и вели легкую светскую беседу. Мне уже сообщили, что Мазер и есть тот самый таинственный Меняла Душ, и, естественно, я предвкушал встречу с таким Франкенштейном, графом Дракулой или совсем уж театральным персонажем в карнавальной маске. О, как я заблуждался!

Мазер был с ног до головы рыжий, точнее рыжевато-коричневый, отчего напоминал шкуру леопарда — рыжие волосы его были чуть темнее загорелой, несколько красноватой кожи, казавшейся просто обожженной солнцем и ветром. А вот прищуренные глаза его были абсолютно черными. Заостренные длинные ногти цвета слоновой кости напоминали когти зверя, зато прекрасные зубы сверкали белизной. А все вместе это производило просто потрясающее впечатление!

Когда мы сели за столик, он сперва нетороп-

ливо смерил меня взглядом и только после этого представился. Я тоже назвал себя. Он сказал, что слышал обо мне. Я ответил, что тоже о нем слышан.

Он был само очарование и обходительность; прямо-таки представитель великосветского общества. Он много смеялся, но негромко, точно мурлыча, и речь у него была легкой, непринужденной. Но почему-то несколько неуверенной, точно ему приходилось постоянно подыскивать нужное (или более точное?) слово. А в общем, он был удивительно приятен в общении и совершенно открыт для собеседника — такими, с душой нараспашку, всегда кажутся те люди из одного процента элиты, которым на все наплевать. Я прикинул, что с ним может получиться очень симпатичное интервью, если, конечно, эта его Черная Дыра хоть чего-нибудь стоит.

— Адам Мазер — какое странное имя... — молвил я.

Он кивнул:

— Да. Это имя-компромисс.

— Между чем и чем?

— Мы ведь сейчас где-то в конце двадцатого века, не правда ли?

— Странный вопрос...

— Понимаю. Мне следовало бы осторожнее обращаться со словами. Вы ведь знаете о существовании временных поясов — ну тех, которые пересекаешь, путешествуя, скажем, на самолете?

— Да, разумеется.

— Ну так вот, я тоже путешествую — сквозь различные времена и территории, заселенные различными народами, пересекая различные культурные зоны, — так что мне совершенно необходимо быть уверенным, что в данный конкретный момент я говорю на том языке, на каком нужно. Ну согласитесь: нельзя же говорить по-ацтекски с друидами? Когда-нибудь я расскажу вам об этом подробнее, если вам интересно.

— А пока что расскажите мне об этом компромиссе...

— О моем имени? На самом деле оно должно звучать как Магфазер.

— Вы меня разыгрываете?

— Ничуть, Магфазер — это акроним.

— От каких слов?

— От английских. Maser Generated Fetal Amplification by Stimulated Emission of Radiation. Что примерно значит: «Мазерное ускорение созревания эмбриона в результате стимулированного облучения».

— Господи!

— Вот именно. Но об этом имени только мои самые близкие друзья знают. А Адамом меня называли потому, что, как говорится, «первый блин комом». Так еще говорят в конце двадцатого века?

— Говорят, но довольно редко.

— Меня первого подвергли стимулированному облучению еще в кладке. Я правильно говорю? У яйцеклеток бывает «кладка»? У меня временные трудности с лексикой последних десяти-

летий двадцатого века. Дело в том, что я только что вернулся с семинара, который ведет Левенгук¹. Там эти голландцы страшно долго, в стиле семнадцатого века, обсуждали устройство микроскопа.

— В таком случае вам необходимо немного согреться. — Я подозвал официанта. — Мне, пожалуйста, двойную порцию, а моему лучшему другу Магфазеру или Maser Generated Fetal Amplification by Stimulated Emission of Radiation — все, что он сам захочет.

Адам явно был тронут:

— Вы тонкий человек, Альф. Настоящий знаток ригодона!²

— Да вы и сами, Адам, парень не промах. И что эти неведомые мне друзья с квантовым усилителем от вас хотели?

— Да если б я знал! Черт побери, вряд ли и сами они отчетливо себе это представляли! Тоже мне знатоки! Они и до сих пор пытаются установить, чего же, собственно, добились, почему и взяли меня под постоянное наблюдение, точно в террариуме...

Я покачал головой. Он, кажется, начинал по-настоящему сердиться.

¹ Левенгук, Антони ван (1632—1723) — нидерландский натуралист, один из основоположников научной микроскопии. Впервые наблюдал и зарисовал ряд простейших сперматозоидов, бактерий и эритроцитов.

² Ригодон — старинный французский танец, исполняемый в паре и характеризующийся живым темпом и сложными фигурами и прыжками.

— Они полагали, что осуществляют некое линейное увеличение, — презрительно заметил Мазер. — Как если бы сунули меня под увеличительное стекло.

— Увеличение в размерах?

— Да нет, увеличение моего мозга! Хотели увеличить, а на самом деле умножили. И у них получились четыре точных моих копии. Я в четвертой степени!

— В чреве вашей матери?

— Да нет же, черт возьми! Я был всего лишь опытным клоном, зарожденным в пробирке — так сказать, во чреве моего мазера.

— Тогда о каком же «террариуме», в который якобы вас поместили «добрые доктора», идет речь?

Он замурлыкал, совершенно как кот.

— О, это мой дом! Если хотите, приходите ко мне в гости, и я все вам покажу.

— Очень хочу! Это место ведь называется Luogo Nero? Черное Место?

— Да, местные жители так его называют. Хотя точнее было бы говорить Buoso Nero, Черная Дыра.

— Как в Калькутте?¹

— Нет. Просто «черная дыра». Астрономическое понятие. Тело погибшей звезды. А также проход из этой галактики в соседнюю.

— Проход в другую галактику? Здесь? В Риме?

¹ «Черная дыра» — тюрьма в Калькутте, куда индийцы в 1756 г. посадили 146 европейцев, из которых к следующему утру в живых осталось только 23 человека.

— Конечно. Звезды совершают свое движение в космосе до тех пор, пока у них не кончается «топливо» и не останавливается «двигатель». Эта вот остановилась именно здесь.

— И давно?

— Никто не знает. Она была тут за шесть веков до Рождества Христова, когда этруски только еще захватили небольшой городок под названием Рим и принялись превращать его в столицу мира. Если бы вы стали искать в Риме пресловутое «Черное Место», где занимается своими грязными делишками хитрый Меняла Душ, вам бы указали, что это напротив дворца царицы Танакилы¹, и, сказав это, три раза сплюнули бы через левое плечо, отгоняя Зло.

Я улыбнулся и спросил:

— А когда вас-то в эту «черную дыру» занесло?

— Примерно тысячу лет назад — по вашему летосчислению. А по нашему — десять ротаций назад.

Так. Пора все-таки положить этому конец!

— Адам, — сказал я, — мне кажется, один из нас явно не в своем уме.

— И вы, разумеется, уверены, что это я, — рассмеялся он. — Между прочим, именно поэтому-то мне никогда ничего и не грозило, хотя я всем честно и открыто обо всем рассказываю! Никто мне просто не верит!

— У меня задание написать о вас материал...

¹ Полулегендарная этрусская пророчица, жена 5-го царя Рима Тарквиния Приска (VII—VI вв. до н.э.).

— Еще бы! Я уже и сам догадался. И готов вам помочь. Я все вам расскажу, вот только ваш «Ригодон» никогда этого не напечатает. Они вам никогда не поверят! Вы просто потеряете со мной время, Альф. Зато у вас будет в заглавнике несколько весьма диковинных историй. Ну что, идете со мной?

На улице мой рыжий знакомец поймал такси и сказал водителю:

— Il Foro etrusco. — А когда мы сели, пояснил мне:— Так здесь называют руины дворца Танакилы, форум этрусков. А я помещаюсь как раз напротив. Если бы я назвал водителю свой настоящий адрес, он бы непременно стал клясться, что о таком месте и не слыхивал, а в итоге послал бы нас куда подальше.

Этрусский форум представлял собой обычные древнеримские развалины — площадка в несколько акров, заваленная всяким хламом и обнесенная оградой со всякими дурацкими надписями:

Здесь всегда кушали
ДиДи и Джо Смитфилды
из США.

Режь их, рви их,
сдирай с них кожу живьем!
Пенсильвания, 1935.

На той стороне улицы Виа Регина, прямо напротив дворца, и находилось пресловутое Черное Место. Выглядело оно как самый обыкновенный римский домишко, разве что стоявший чересчур

обособленно и окруженный пустырями, которые заросли сорной травой. Никому, по всей видимости, так и не захотелось селиться поблизости. Дом был трехэтажный, построенный из плоских римских кирпичей, с окнами и балконами; кое-где даже висело выстиранное белье.

— Окна, балконы, белье — все это для отвода глаз, для пущей реалистичности, — сказал Адам Мазер. — Как и эти кирпичи. Они ведь не из глины; это подвергнутый термической обработке борт, дешевая алмазная крошка — материал, сами знаете, вечный. Ну что ж, как сказал мухе паучок, милости прошу ко мне в гости!

Мы поднялись на крыльцо.

Над дверью был изображен не обычный логотип подобных заведений — меняльных лавок, ломбардов и т.п. — три золотых шара, считавшиеся тремя «руками» семейства Медичи, а на самом деле изобретение менял и ростовщиков, имеющее целью привлечь внимание клиентов. Нет, данный символ скорее являл собой некую фантастическую экстраполяцию: три золотые восьмерки, расположенные горизонтально, — тройной символ бесконечности. Изящная композиция. А девиз был *Res Ullus* — Все Что Угодно.

— Окаменевшее эбеновое дерево, — молвил Адам, постучав по двери костяшками пальцев. — Тоже вечный материал. — Он дернул за ручку, и дверь поехала вбок.

— И никаких замков?

— Открыто днем и ночью! Для всех желаю-

щих. Те, кто за мной наблюдают, хотят видеть мою реакцию на каждого, кто здесь появляется. Возможно, так им легче разобраться в моей умноженной на четыре сущности. Именно поэтому они и устроили мне террариум в виде меняльной лавки. Это же универсальный перекресток всех дорог и путей.

— Вас, должно быть, не раз пытались ограбить?

— Ни разу! Воришки, видно, считают, что здесь штаб-квартира мафии, и побаиваются даже поблизости появляться. А жаль. Впрочем, не так давно — уже в ваше время — эти придурки-террористы попытались забросать мой дом бомбами, хотя кирпичам из алмазной крошки и эбеновому дереву их бомбы нипочем. Бог знает, что они после столь неудачных покушений могли обо мне подумать...

Прихожая была очень симпатичная, с разнообразной формы вешалками — для шляп, для пальто и для всего прочего; там, например, стояло огромное бронзовое ведро, из которого торчали трости и разноцветные зонты от дождя и от солнца, по всей вероятности, забытые посетителями. Адам провел меня в гигантских размеров гостиную или приемную, убранную так роскошно, что хранители музеев и торговцы предметами искусства просто позеленели бы от зависти. Изысканная редкая мебель, дивные светильники, роскошные книги, гравюры и картины, хрусталь ручной работы, масса всяких безделушек — настоящих произведений искусства. Там стояли старинные

клавикорды, а на полу лежал старинный обюссонский пестрый ковер плоскостного плетения 20х30. Деревянные панели стен были обиты плотной льняной материей, а на верхние этажи вела потрясающего литья чугунная лестница. Вокруг также было немало совершенно не понятных мне предметов, как бы пришедших из далекого будущего; во всяком случае, в мое время такое явно еще не было ни изобретено, ни сделано... Но самое главное!.. Посреди комнаты стояла женщина невысказанной красоты!

Великолепные блестящие черные волосы, чуть заостренное книзу лицо, тонкие черты, крошечные ушки — вот что я успел заметить сразу. И еще глаза — золотистые, огромные, чуть удлинненные к вискам... Она смотрела на меня совершенно спокойно и ни разу не моргнула. Ее дивные глаза были так широко расставлены, что она, по моему, могла видеть и позади себя. Меж тонких губ красавицы то и дело мелькал кончик языка — видимо, от волнения она их все время облизывала. Кожа у нее была смуглая, как у квартеронки, и странно поблескивала — так поблескивают в горной породе чешуйки слюды.

— Это Альф, мой новый приятель, — сообщил Мазер, когда женщина двинулась нам навстречу. — Альф, это моя няня.

— Няня?!

— Ну да, — кивнул он, — я ведь еще ребенок.

— Но... я не... Нет, это уж слишком! А у вашей няни есть имя?

— Я зову ее Медуза.

— Медуза? Господи!

— А что?

— Вы, должно быть, шутите!

— Конечно! — Рыжий снова засмеялся-замурлыкал. — Я называю ее так в шутку. Она ведь из змеиного рода. И мне, видимо, не надо объяснять, почему она называет меня то Магнетроном, то Загадочным Котом, а попросту Закотом?

— Пожалуй, нет. Добрый вечер, мадам. — Я изысканнейшим образом поклонился очаровательнице. — А нет ли у вас настоящего имени, каким и я мог бы называть вас?

— Сссс.

Я вопросительно уставился на Мазера.

— Это ее настоящее имя, — подтвердил он.

— Добрый вечер, мисс Сссс.

Он зашелся от смеха; на устах красавицы тоже сверкнула улыбка.

— Я что-то опять сделал не так?

— Вы сказали: «Glory Hallelujah!»

— Ничего подобного!

— Да. Сссс. Сссс. Разве вы не слышите: типичная «Глори Аллилуйя!»? Неужели не слышите?

— Нет. Звучит, по-моему, совершенно одинаково.

— Да, у нас действительно галактики почти одинаковые. Вам бы послушать, как бормочут в созвездии Рыб! Скажи-ка ему что-нибудь на двадцатом янке, нянюшка! — Красотка снова ослепительно улыбнулась, но так ничего и не сказа-

ла. — Нет, нет, моя дорогая! Альф УВЧ не воспринимает! Попробуй пониже.

До меня донесся ее голос — мелодичный, слегка напоминающий звук гобоя, когда на нем играют в басовом ключе:

— Добрый вечер. Рада с вами познакомиться... — Она протянула мне руку. Рука была очень холодной, но рукопожатие оказалось достаточно крепким. — Право, мне было бы очень приятно, если бы вы впредь называли меня Глорией, Альф.

— Аллилуйя! — пробормотал я.

— Осторожней! Не зря же я прозвал ее Медузой — вот и вы уже превращаетесь в камень! — рассмеялся Адам и приблизился к одной из обтянутых льняным полотном панелей, которая оказалась потайной дверью. Он отодвинул панель в сторону и озабоченно посмотрел на меня: — Стеннело, боюсь, Альф, вы не сможете делать записи.

— И не надо. Я могу впадать в состояние «вспомнить все» примерно на час. Так что сразу после вас я отправлюсь к себе в гостиницу и быстренько все наговорю на диктофон, пока не забыл.

— Ах вот как? Знаете что, я, пожалуй, сделаю вам небольшой подарок: поменяю эту вашу временную память на постоянную. Чтобы вы всегда все помнили. Бесплатно, разумеется. За счет фирмы.

— Вы можете это сделать?

— Конечно, если вы сами хотите. Это легко. У меня, кстати, есть отличная память — она мне

досталась от одного ученого идиота. Я думаю, вам хорошо этот тип известен: Ай-Кью¹ по нулям, зато в памяти сохраняется любая мелочь. Он мне эту память в обмен оставил.

— В обмен на интеллект?

— В том-то и дело, что нет! Вы просто не поверите... Он сменял свою память на инструменты для человека-оркестра! И отправился в большое турне. Няня, побудь, пожалуйста, пока здесь!

Я думаю, большая часть людей когда-нибудь да видела ломбард, меняльную лавку или заведение ростовщика. Что до меня, то я даже как-то написал большую статью о таких лавках для «Ригодона». Главный лозунг владельцев подобных заведений таков: «Если предмет неодушевленный и проходит в дверь, то в дело его пустить, безусловно, можно!» А внутреннее убранство таких лавчонок можно охарактеризовать одним-единственным словом: бардак. Там выставлено и можно купить или обменять все — от старинного перегонного куба до цитры. Но такой лавки, как эта «Черная дыра», этот приют психостарьевщиков, я не видел никогда в жизни!

За обтянутой льняным полотном панелью мне открылась некая бездонная черная пропасть, полная самых разнообразных материальных предметов и сверкающих облаков чего-то такого, что

¹ Intelligence Quotient — коэффициент умственного развития (КУР).

очень напоминало новогоднюю мишуру или конфетти. Причем это были не вульгарные кусочки разноцветной бумаги, а вполне материальные части того, что здесь некогда было выменяно или продано.

Например, частички живых душ, обладавшие собственной энергией и старавшиеся сделать себя доступными и нашему восприятию, которое, к сожалению, осуществлялось нашими довольно примитивными органами чувств — зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, кинетикой... Этот существующий как бы вне Времени и Пространства обмен либидо представлял собой калейдоскоп человеческих эмоций — презрения и страстного желания, неудовольствия и глубокого удовлетворения.

Преобладали, правда, сексуальные образы: пенис, вагина, ягодицы, груди — большие, маленькие, остренькие, округлые, — а также великое множество эрогенных зон. Мелькали варианты самых различных половых актов: гетеро, гомо, ското, нимфо, сатиры; всевозможные эротические позы, отражавшие желание, страсть, сладострастие, любовь и просто удовольствие.

Определенный набор образов был связан с Красотой и Силой — мускулистые торсы, статные фигуры, дивная спортивная форма тел, грация движений, прекрасная здоровая кожа, густые волосы, красивые глаза и губы, загар... — а также с Властью — над мужчинами, над женщинами, над ходом событий, над самим собой... Осо-

бое место занимали Успех — в любви, в жизни, в карьере, на отдыхе — и Блеск: интеллектуальный, политический, артистический, общественный. А также такие вещи, как Общественный Статус, Общепризнанная Известность, Популярность, Постоянство Принципов и т.д.

И все это кружилось в хаосе самых разнообразных страхов, заиклостей, ненавистей, верований, суеверий, последних соломинок, маний, а также — фрагментов немисливо далекого Будущего и подернутого туманной дымкой Прошлого, которые для меня, впрочем, не имели ни малейшего значения. И всю эту мешанину я видел, ощущал, пробовал на вкус... Меня буквально изрешетило этой шрапнелью — осколками от столкновения устремлений Человека с реальной действительностью. Я был ошарашен, сбит с ног...

— Феерическое зрелище, не правда ли? — донесся до меня голос Адама.

Я с трудом различал его в этом невероятном круговороте странных предметов и образов — да и то исключительно благодаря ярко-рыжей шевелюре, которая как бы светила. Слов у меня не нашлось; я лишь восхищенно крякнул в ответ.

— С вами все в порядке, Альф?

Я по-прежнему не отвечал. Не мог. Что-то там, внизу, в глубине, привлекло вдруг мое внимание, и я непроизвольно двинулся в этом направлении.

— Это совсем не то реальное пространство, которое известно вам, — заметил Адам. — Здесь

мы окружены несколькими слоями разных хитрых штучек, призванных нас защищать. Но несмотря на это, вас все равно влечет в сторону сингулярности. Если зайдете слишком далеко, это может стать опасным. А если зайти за определенную черту, возврата не будет.

— Угу, — буркнул я, продолжая идти вперед.

— Вы все еще достаточно далеко от роковой черты, — заметил Адам, — иначе я непременно остановил бы вас. На самом деле вы только приближаетесь к «раздевающему» полю, с помощью которого я удаляю у клиентов все те таланты или черты, от которых они хотят избавиться. А «одевающее» поле значительно левее — я все старался устроить согласно законам симметрии. То есть всегда что-нибудь одно: либо выгоду получаю я, либо кто-то другой. Теперь нам, пожалуй, следует сместиться чуточку влево, чтобы спокойно пройти между полями. Не волнуйтесь и следуйте освещенным отметинам, оставленным когтями. Послушайте, неужели вам хочется, чтобы вас совершенно равнодушно раздели до нитки? Пусть даже это сделает просто некое поле?

Я, точно ничего не слыша, пер вперед.

— Воздействие поля тем сильнее, чем глубже вы заходите, — продолжал увещевать меня Адам. — По правде сказать, я и сам не особенно ясно представляю себе, что там, за этой роковой чертой...

Я резко остановился. Прямо-таки застыл как вкопанный. И шумно сглотнул.

Они действительно висели там. Мое подсо-

знание подсказывало мне это задолго до того, как я к ним приблизился. Человеческие тела, подвешенные на мясницких крюках, покачивались передо мной, поворачивались, точно под воздействием слабого ветерка, безвольные и безжизненные... Всего их было семь.

— Кто это? — хрипло прокаркал я. — Кто они такие?

— Эти семеро продали все, что имели, — пояснил Мазер.

— Но как это случилось? Почему?

— В каждом отдельном случае по-разному, но всегда каждый старался прихватить для себя что-то дополнительно, стоило только мне отвернуться. А потом он попадал в «раздевающее» поле — вы же видели, как это легко сделать! — и оно снимало с него все, что он добавил к своей личности с тех пор, как появился на свет. То, что вы видите, всего лишь жалкие остатки людей; впрочем, они дышат — хотя и очень медленно, — и сердца у них тоже бьются, только едва слышно. Благодаря временным особенностям этого поля жизнь в них еще теплится. Но, как говорил Шелли, «больше не осталось ничего».

— Когда же это случилось?

— Первый из них, Ларс, жил очень давно, когда здесь еще всем заправляли этруски. Марк появился на несколько веков позже. Эрик был германским наемником. Затем там есть один вандал и один гот, а еще — нормандский крестоносец

из тринадцатого века. А последний, Пьетро, из шестнадцатого века. Уверял, что он художник.

— А почему все они так вели себя, как по-вашему?

Он пожал плечами:

— Возможно, просто из любопытства. Любопытство я понять могу. Но более вероятно, они хотели получить больше, чем, по их мнению, могли себе позволить, и рассчитывали, что все же сумеют ободрать меня как липку. Ну что, вы по-прежнему хотите заполнить память получше?

Ближайшее ко мне тело покачивалось и чуть вращалось в такт дыханию веявшего здесь волшебного ветерка, постепенно поворачиваясь ко мне в профиль...

И тут я пронзительно вскрикнул. Повернулся. Побежал...

— Альф, в чем дело?

Его рука легла мне на плечо, надежно удерживая меня в безопасном коридоре между полями. Тот его вопрос так и звенел у меня в голове. Но я уже стирал из памяти... страх перед возможными последствиями такого шага.

— Да что с вами такое?

— Это тело... меня ошеломило. Оно было так... словно... Я просто не знаю!

— Ага! В первый раз здесь всегда нелегко. Ничего, вы привыкнете.

— Не уверен. Пожалуй, я чересчур, черт меня побери, впечатлителен.

— Впечатлительность — та цена, которую и должен платить настоящий художник.

— А это действительно черная дыра?

— О, еще бы! Вы же прямо в ней оказались, как только порог переступили! Просто прихожая и гостиная убраны соответственно, чтобы не смущать посетителей. Но это самая что ни на есть настоящая черная дыра, уверяю вас!

— Да уж, дыра так дыра! Хотя, по-моему, она больше похожа на адские врата.

Свет чуть мигнул — это открылась и закрылась входная дверь. До нас донесся голос Глории:

— Дамми, у нас посетитель!

— Но это же великолепно, дорогая нянюшка! Альф сможет понаблюдать нас в действии. Откуда клиент? Из каких времен?

— Студент колледжа, из США. Начало девятнадцатого века.

— А в чем его проблема?

— Что-то насчет астмы.

— Я, конечно, не доктор медицины, но посмотрим все же, что можно сделать...

Клиента, разумеется, уже усадили, но, как только мы вошли в приемную, он из вежливости встал — худющий студентик лет двадцати, темноволосяй, бледный, большеголовый, с глазами типичного меланхолика, одетый по американской послевоенной моде 30-х годов прошлого века.

— Здравствуйте, сэр! Как поживаете? — ласково осведомился у него Мазер. — Чрезвычайно мило с вашей стороны было ПОЖЕЛАТЬ посетить нас! Кстати, мы здесь все друг друга по именам

называем. Знакомьтесь: это Няня, моя ассистентка, а это Альф, мой помощник. Самого меня зовут Адам. А вас?

— В колледже все называли меня Старичок, — сказал юноша. Говор у него был необычный и довольно приятный: явного южанина, но с легким английским акцентом.

— Вы хотели бы у нас что-нибудь купить или заложить?

— Я хотел бы обменять свои астматические хрипы на что-нибудь более терпимое.

— Ах, так у вас хрипы? А почему они, собственно, для вас так уж нестерпимы, Старичок? Слишком громкие? Слишком затяжные? Или болезненные? Что именно вас волнует?

— Они разговаривают со мной, причем на языке, которого я понять не в состоянии!

Глаза Адама расширились.

— Ах так? Это что-то новенькое... И вы уверены, что это действительно язык?

— Не уверен. Но они звучат как слова, сложенные в предложения.

— Чрезвычайно интересно, Старичок! Позвольте-ка, я послушаю... — И не ожидая разрешения, Адам нагнулся и прижался ухом к груди студента. — Так... дышите глубже, пожалуйста, и выдыхайте помедленнее...

«Старичок» подчинился. Мазер внимательно выслушал его легкие, выпрямился и улыбнулся.

— Вы совершенно правы, мой дорогой! Это действительно язык. Среднеперсидский. Самое

начало XI века. — Адам обернулся ко мне. — Поистине нет конца всяким фантастическим феноменам, Альф! Хрипы нашего клиента — это отрывки из «Шах-наме», эпической фантазии, созданной великим поэтом Фирдоуси. Именно она послужила источником для сказок Шехерезады и вообще «1001 ночи».

Я так и уставился на него. Студент тоже.

— Итак, поскольку я не медик, сделать так, чтобы вы перестали хрипеть, я не могу, — довольно резко заявил Адам. — И менять их на что-либо я тоже отказываюсь! Ведь это такая ценность, что впоследствии вы непременно оцените этот дар и еще будете мне благодарны. Но вот что я могу для вас сделать: я кое-что продам вам — а именно знание персидского языка! И тогда вы сможете понимать то, что слышите. Хотя бы для собственного развлечения пока что. Пройдите, пожалуйста, внутрь.

Да, сейчас передо мной был действительно самый настоящий Магнетрон и Загадочный Кот в одном лице. Причем настроение у него было абсолютно наполеоновское. Любые возражения он отметал сразу. И налицо был его поразительный магнетизм — он называл это «силой личности». Когда юноша, точно загипнотизированный, последовал за ним в Дыру, я вопросительно посмотрел на Глорию.

— Но если Мазер сейчас считается всего лишь ребенком, то каким же он будет, когда вырастет? — спросил я, совершенно потрясенный.

— Возможно, тогда он станет богом? — предположила она совершенно невозмутимо. — Пока что ему еще ни разу не удалось окончательно сбить меня с толку. Но скажу честно, Альф: в последнее время он меня несколько подавляет.

— А вы не думаете, что эта невообразимая сила его личности как-то связана с тем, что он был как бы умножен на четыре?

Она не успела ответить: вернулись Мазер и студент.

— Как? — воскликнул я. — Так скоро?

— Всего лишь несколько мгновений — в реальном времени, — улыбнулся Адам. — Собственно, в том, что касается психики, отсчитывать нечего. В области либидо и интеллекта нет ведь ни времени, ни пространства.

— Зирандазан пахлави, — произнес вдруг юноша и просиял. — Это же значит «пехлевийские ковры»!

— Нет, нет и нет! — Рыжий Адам опять прямо-таки источал энергию. — Мы же условились: никто не должен знать, что вы понимаете по-персидски! Посыплются вопросы, и как вы, интересно, станете на них отвечать? Постарайтесь-ка лучше держать язык за зубами! — Парнишка покорно кивнул. — Вот то-то. Деньги у вас при себе какие-нибудь имеются?

— Только бумажные, сэр. Один федеральный доллар и еще два доллара пятьдесят центов ричмондского банка.

— Хорошо, я возьму с вас за услуги пятьдесят

центов. У меня нет ни малейшего желания работать даром. Но учтите: в следующий раз это будет стоить куда дороже!

— Благодарю вас, сэр.

— А теперь внимание. Когда будете выходить на улицу, как следует вспомните то место, где вас осенила идея отправиться сюда. И тотчас же снова окажетесь там. Время практически не изменится. Само место вашей отправки — тоже. Вы меня поняли?

— Да, сэр. — Юноша торжественно вручил Мазеру пятьдесят центов и направился к выходу.

Но тут Глория остановила его:

— Хотите расписку, мистер Старичок?

— Нет, спасибо. — Он поколебался было, но все-таки сказал: — Старичком меня в колледже прозвали. И я, если честно, это прозвище ненавижу. А настоящее мое имя Эдгар. Эдгар По. — И с этим словами он гордо удалился.

Мы трое так и остались с разинутыми от изумления ртами. Потом дружно расхохотались.

— Так вот откуда у него вдохновение! — воскликнул я.

— И вы думаете, «Ригодон» это напечатает? — недоверчиво хмыкнул Адам.

— Сомневаюсь. Сомневаюсь я теперь и насчет стихов самого По. А они случайно не подделка?

— Ни в коем случае! Вам ли этого не знать, Альф. Одно дело обладать вдохновением, и совсем другое — уметь использовать его правиль-

но. Фирдоуси переводили на десятки других языков. Один и тот же источник — для всех. Но разве кто-нибудь другой стал вторым По?

— Да уж, Господь свидетель: многие пытались! И я тоже. Но — никто и никогда!

— А мне совсем другая мысль в голову пришла, — задумчиво сказала Глория. — Что, если он именно поэтому так пристрастился к спиртному и наркотикам? Ведь, должно быть, чертовски трудно жить с таким огромным потенциалом и все время пытаться воспроизвести то, что слышишь внутри себя и так хорошо помнишь...

— Ах да, память! — воскликнул Адам. — Давайте-ка вернемся в наш «лимб», Альф, и я заменю вам ваши временные просветления типа «вспомнить все» отличной постоянной памятью, которую мне оставил тот человек-оркестр. Как я и обещал, за счет заведения. Бесплатно.

— Мы и сами с усами. И нам денежки карман жгут, — вдруг начал выпендриваться я. — У меня, может, полсотни лир имеется!

— Да ведь это ж целый американский «никель», дружище! Ничего себе! Ты поистине последний из великих мотов, скажу я тебе! — тут же включился в игру Адам.

— Ну вот еще! Скажешь тоже! Денежки, они счет любят! А за меня, как ты сказал, фирма платит!

Но не успели мы подойти ко входу в Дыру, как нас снова окликнула Глория:

— Еще один клиент, Дамми!

— Вот как? Откуда и из какого времени?

— Из созвездия Бета Прометея. Туманность номер 25.

— Господи! — вырвалось у меня. — А у него случайно не две головы?

— Заткнись, Альф. И по какому он делу, ты спросила?

— Его зовут Тигаб. Он хочет избавиться от одной мании. Говорит, что его преследует стойка, к которой лошадей привязывают. И будто бы эта стойка... в его жену влюблена!

Когда мы вернулись в гостиную, Глория занимала клиента. Я шепнул Адаму:

— А если я сейчас пройду в дверь, я смогу оказаться в этой 25-й туманности?

— Ты окажешься там и тогда, где и когда действительно захочешь оказаться, — прошептал он в ответ. — И отнюдь не в мечтах. Ладно, детали мы обговорим попозже. — Он повернулся к посетителю и громко сказал: — Добрый вечер, сэр. Как мило, что вы пожелали посетить нас и прибыли из такого далека! Вы, кажется, уже познакомились с Няней? Это моя ассистентка. А вот это Альф, мой помощник. Самого меня зовут Адам. Я психоброкер.

Голов у нового клиента было не две, а одна, и притом поразительно напоминавшая классические портреты и бюсты Шекспира. Две руки, две ноги. Одет во вневременной спортивный костюм.

— Итак, — продолжал между тем Адам, — расскажите-ка нам поподробнее об этой замечательной влюбленной коновязи, мистер Тигаб?

— Ну, случилось примерно... следующее... Мы с женой... собрали... целую кучу и... решили... что пора немножко... потратить. Мы купили... большой... особняк у одного... торговца... антиквариатом, меблированный и... элегантный, как эта... комната...

— Благодарю вас, мистер Тигаб!

— И снаружи он был... тоже... красив. Знаете — сад... лужайки... деревья, подъездные аллеи... а... вдоль всего крыльца... старинная... коновязь...

— Простите, мистер Тигаб, но почему вы так странно говорите?

— Как — так?

— Три слова ровным тоном, затем пауза, затем еще слово совсем тихо.

— Ах это... Мы в нашей... туманности... такими родились. Знаете... как... дети рождаются правшами... или... левшами? А мы... вот рождаемся со... врожденной... склонностью к модуляции.

— Понятно. И все у вас вот так модулируют?

— О нет! Все... по-разному... Однако позвольте, я... дорасскажу... об этой негодной... коновязи... Мы уже устроились... и... все было прекрасно... пока... однажды, когда мы... сидели... в гостиной, моя... жена... не подскочила вдруг... и... не закричала: «Вон... там... человек к нам... в окно... смотрит!» Я тоже... подскочил: «Где? Где?» Она... указала: «Вон там». Я... посмотрел... Ничего. «Да тебе... показалось!» — сказал я... Она... поклялась, что видела... его... и он был... похож... на

привидение, потому... что... она могла сквозь... него... видеть деревья.

Ну что ж... воображение у нее... есть... — ей всегда хотелось... стать... поэтессой — так что... я... не обратил на... этот... случай особого внимания... Но... ей продолжали видеться... подобные... вещи, и черт... меня... побери, если она... и... меня не заставила... тоже... думать, будто и... я... вижу его.

— Да? И как же вы его увидели?

— Мы сидели у... камина... в моем кабинете... беседовали... и вдруг я... увидел... как... этот коротконогий урод... входит... и садится себе... рядом... с моей женой!.. Собственно, это была деревянная... фигура... с той самой... коновязи...

— И что дальше?

— Я продолжал воображать... будто... я вижу, как... эта фигура сидит... рядом... с моей женой... и... смотрит на меня... так... словно хочет стать... мною!.. И представьте, я... поверил-таки... в возможность такого... превращения!.. И теперь вам... необходимо... вышибить эти мысли... из... моей головы. Сам... я... не могу с этим... справиться.

— Вы уверены, что это действительно деревянная фигура с коновязи?

— Да. Это он.

— Он? А как этот «он» выглядел?

— Настоящая древность! Много... сотен... лет. Черт возьми... да... я сейчас вам... его... нарисую! Листок бумаги... найдется?

Глория подала ему большой лист бумаги и карандаш.

— Нет, — сказал Тигаб, — мы не... пользуемся пищащими предметами... Мы... проецируем. Просто подержите... листок так, чтобы... вы... могли его видеть.

Он ткнул в листок пальцем, и на нем возникло изображение старинной коновязи, украшенной коренастой человеческой фигурой в одежде восемнадцатого века; правая рука у деревянной скульптуры была поднята, а левая заложена за спину; шляпа сдвинута на затылок, высокий воротник сорочки расстегнут, узел галстука распущен, полы длинного сюртука разлетаются, физиономия явно сердитая...

Мы с Адамом переглянулись, засмеялись и разом заговорили быстро и бессвязно.

— Что тут смешного? — спросил Тигаб.

— Да ваше привидение с коновязи, — сказал Адам. — Нет, мистер Тигаб, это не галлюцинация и не обман зрения. Это самый настоящий дух, только он и не думал влюбляться в вашу жену. Он очарован тем, как ВЫ с нею разговариваете.

— Я вам не...верю... Привидению... нравится то, что... я... говорю моей жене?

— Нет, ему нравится, КАК вы это говорите. Ему нравится ваша способность модулировать. Если вы соизволите пройти со мной, я постараюсь разрешить вашу проблему. Я могу продать вам совершенно иной способ модуляции. И тогда ни один наглец не осмелится сидеть рядом с вашей женой и подслушивать вас.

Несколько ошалев от такого предложения, Ти-

габ все же последовал за Адамом в Дыру, а мы с Глорией, улыбаясь и качая головой, уставились друг на друга.

И тут в гостиную вошел смутно знакомый мне человек в темных очках-хамелеонах, тренировочных штанах и белой рубашке-поло. Я увидел его, глядя в зеркало. Он был примерно моего роста и похожего телосложения; его рыжеватые волосы были коротко острижены; на нем были такие, знаете ли, мокасины... точнее, такие туфли для бальных танцев... А на запястьях кожаные ремешки со множеством заклепок.

Он подошел к Глории и спросил:

— Хозяин дома?

— Да, но он занят, — ответила она. — Не могу ли я чем-нибудь помочь вам?

— Нет, спасибо, — сказал он. — Я его в другой раз поймаю. — Повернулся и вышел — причем совершенно беззвучно.

Когда Мазер и Тигаб вышли из Дыры — буквально через несколько секунд после ухода этого незнакомца, — Тигаб казался настолько потрясенным, что едва мог говорить. И тем не менее новая особенность его речи была налицо. Я не скрывал улыбки.

— Теперь расплачусь — и домой! Жене еще привыкнуть надо. Да и мне тоже.

Он вытащил из кармана кошелек и высыпал на стол горсть зеленых камешков.

— Это у нас в галактике монеты такие. Честно! — буркнул он. — Берите сколько надо. Заработали! Очень обязан!

Это оказались необработанные изумруды. Адам выбрал самый маленький камешек, а остальные вернул владельцу.

— Это слишком щедрая плата, мистер Тигаб. Но раз уж вы сами сказали, что вам удалось кое-что скопить, то я не чувствую особых угрызений совести. Няня, ты его проводишь?

Мы вместе с Глорией проводили Тигаба до порога. Он что-то миролюбиво напевал себе под нос. Когда мы вернулись, то все трое подошли к «портрету коновязи» и уставились на него.

— Я не раз видел, как коновязи украшали фигурами негров или наездников, — сказал я, — но какой безумец решил использовать для этой цели Бетховена?

— Я же говорил тебе, Альф: нет в мире предела удивительному и прекрасному! Ну, и как, потвоему, «Ригодон» это напечатает?

Я пожал плечами, желая, чтобы он поскорее отвязался, и сказал:

— Между прочим, я догадался, чем ты заменил эти первые четыре ноты из Пятой симфонии, что тут были раньше изображены!

— Вот как?

— Да! Я их узнал. Это основная тема «Рапсодии в блюзовых тонах». Неужели теперь Тигаба будет преследовать призрак Джорджа Гершвина?

— Все зависит от коновязи, — засмеялся Адам.

— Если я правильно понимаю, должен осуществляться некий обмен? Но тогда почему же ты не можешь просто удалить некоторые неже-

лательные аспекты психики клиента, если она не в порядке?

— Опасность заключается в том, — пояснил он, — что в психике твоей могут незаконно поселиться этикие... сквоттеры! У меня как-то раз была женщина, одержимая совершенно дикой идеей: ей хотелось иметь в своем сердце свободное местечко для каждого из своих любовников. Я попытался проследить, как это будет работать, и что же? Проклятый паук Черная вдова притаился у нее за дверным косяком, и конец! О, разумеется, все на свете — все живые существа, люди, звери или овощи, имеют душу... Но больше — никогда! Борджиа — вот как ее звали! Люси Борджиа.

Входная дверь внезапно распахнулась, и в проеме возник столб атмосферного электричества. Светясь холодным светом, столб переместился на середину приемной, и из него показалась огромная, исполненная невыразимого достоинства фигура Мефистофеля.

Пришлось с радостной улыбкой приветствовать его.

Он грациозно поклонился в ответ.

— Merçi! Merçi! Merçi! Я десятый граф Александро ди Калиостро.

— Ну как же! — улыбнулся Адам. — Потомок того самого Калиостро, авантюриста, волшебника, лжеца и великого мошенника. Умершего в крепостной тюрьме Сан-Лео в 1795 году.

— Да. Имею честь, месье Мазер!

— Вы десятый граф Калиостро? Значит, вы должны были родиться где-то в конце двадцать первого века?

— В самом начале двадцать второго, месье. В Париже.

— Добро пожаловать к нам, граф. Мы сочтем за честь... А это моя...

— Да-да, это ваша ассистентка, она из змей, а зовут ее Сссс. — Он явно произносил это имя именно так, как надо. — Но вот этот джентльмен из *Etats-Unis* мне не знаком...

— Это Альф, он из журнала «Ригодон». Он помогает мне, а заодно готовит статью о нашей меняльной лавке «Черная дыра».

— Очень приятно, месье Альфред! Счастлив с вами познакомиться. Но вы, разумеется, понимаете, что ваши распрекрасные сочинения так никогда и не будут напечатаны? В это просто никто не поверит. Да и можно ли поверить волшебству, которое творит месье Мазер? И тем не менее он настоящий гений! Как и мой прапрапра... и так далее дед, знаменитый...э-э... Пардон, мэтр, как лучше перевести слово *simulateur*?

— Обманщик. Фальсификатор.

— Да-да, месье Мазер — такой же великий фальсификатор, как и мой дед!

— Благодарю вас, граф Алесандро. Надеюсь, это просто визит вежливости? Полагаю, нам будет приятно общество друг друга. Как-то раз к нам с визитом вежливости заходил доктор Франц Голл, так много давший для развития френоло-

гии¹. Но потом он сказал, что ему хотелось бы исследовать шишки на черепе какого-нибудь шарлатана. Мне это было очень приятно, а ему — не очень.

— Почему же нет? — спросил я.

— Он очень смутился, когда я предложил ему осмотреть мою голову. И сказал, что у меня вообще нет на черепе ни одной шишки, из-за чего может рухнуть вся его теория. Я начал подбадривать его с помощью... Как следует перевести слово *сгаце*, граф Алесандро?

— Небылица. Попросту вранье.

— С помощью одной небылицы насчет того, что у меня мозги там, где у всех прочих кишки, и наоборот. Он сказал, что в таком случае я урод, и попросил разрешения ощупать мой живот. Удалился он в гневе.

Мы посмеялись. Затем Калиостро сказал:

— Очень жаль разочаровывать вас, мэтр, но это не просто визит вежливости. Я пришел к вам по делу. Я очень хочу купить вот это. — И он протянул Адаму кассету.

Адам осторожно вытянул кончик пленки и стал пропускать ее между своим большим пальцем и указательным. Пленка, казалось, состояла из каких-то мерцающих искорок. Калиостро заметил, с каким любопытством я смотрю на это, и пояснил:

— Фонотакт XXII века. Там все ббб составляющих.

¹ Теория, согласно которой на основании размеров черепа якобы можно судить о психических особенностях человека.

Адам тихонько присвистнул.

— Число зверя в «Откровении» обозначено как шесть сотен, плюс три раза по двадцать, плюс еще шесть. Вы замышляете создание какого-нибудь чудовища, граф Алесандро? Или, может, всеведущего мага?

— Вы забываете, что там дальше: «Кто имеет ум, тот сочти число зверя; ибо это число человеческое»¹.

— Совершенно верно. В таком случае вы, значит, создаете человека?

— Точнее, некоего *inconnu*, «человека неслышанного».

— Ей-богу, все страньше и страньше!

— Я намерен синтезировать уникального андроида. Не какое-нибудь неуклюжее подобие тех моделей, какие выпекают в лабораториях, но само совершенство — он сможет не только общаться с вами, но и держать под контролем все свои чисто человеческие порывы, все свои врожденные инстинкты... Нет, это будет не андроид, друг мой!..

— Значит, Иддройд!² С большой буквы! — воскликнул Адам, сверкая глазами. — Но это же чудесно! Ваш дедушка, то есть ваш девять раз прапра, может, и был гениальным фальсификатором, но вы абсолютный гений!

¹ Откровение, 13:6.

² Возможно, Мазер образовал это слово от понятия «ид», обозначающего ту часть психики, которая, по мнению психоаналитиков, является источником инстинктивной энергии, источником либидо. Выбросы этой энергии контролируются эго и суперэго.

— Тысяча благодарностей, мэтр. Значит, вы мне поможете?

— Непременно! Я просто настаиваю на этом! И я так вам признателен — это же просто замечательный вызов науке, судьбе!.. А в какой степени вы оцениваете возможность успеха?

— *Chacun la moitié*. Пятьдесят на пятьдесят.

— Хм, вполне прилично... Ну что ж, поговорим о том, что вам может понадобиться для работы над вашим Иддройдом. У меня многое из вашего списка уже имеется, однако кое-чем придется заняться специально. Например, нужно где-то раздобыть шестое чувство, порожденную агрессивностью способность предсказывать будущее по волшебному кристаллу, патологическую суеверность, абсолютное невежество и — это самое трудное! — источник архетипов в сознании человека, то есть Коллективное Бессознательное.

— Все это чрезвычайно важно, мэтр, и я готов заплатить вам сколько угодно.

— Ни в коем случае, граф Алесандро! Я же с вами сотрудиначаю! Мы же с вами бросаем замечательный вызов науке! Итак, *est-ce que cela presse?* Вы торопитесь?

— Совсем не тороплюсь.

— Можете дать мне неделю?

— Я дам вам две недели и даже больше! *Au revoir*. — И Калиостро удалился в виде столба пурпурного дыма.

Не успел я открыть рот и выразить свое изумление, как наш рыжий Магнетрон уже фонтанировал энергией.

— Ты готова, нянюшка? — Глория кивнула. В данный момент он явно ее подавлял. — Вот и отлично! Мы только туда и сразу обратно, Альф. Немного поищем в разных временах и пространствах. Надеюсь, ты не откажешься немного посторожить нашу лавку?

— Эй! Погодите минутку! Что я тут с вашими психами делать буду? Я же не знаю, как...

— Ну конечно, не знаешь! — Он повернулся к Глории: — Дорогая, не забудь ту пленку! — И постарался успокоить меня: — Ни о чем не беспокойся. Просто попроси всех немного подождать — мы скоро вернемся.

— Попросить? Но как? Я же не лингвист, у меня вообще с иностранными языками неважно... А что, если сюда заявится какой-нибудь печальный друид?

— А ты обмани его, Альф! — рассмеялся Адам. — Придумай какой-нибудь прикол. Можешь оторваться на всю катушку!

И они исчезли.

И не успел я решить, то ли мне остаться в этой психоловочке, то ли смотаться отсюда к чертовой матери, как проклятый столб от коновязи в виде Людвиг ван Бетховена (1770—1827) влетел в лавку и сердито загремел на чистейшем немецком.

Боже мой!

— Моя не говорить по-немецки, — промямлил я, как полный кретин. — Пусть твоя лучше говорить по-английски.

Бетховен смерил меня сердитым взглядом, под-

бежал к клавикордам и ударил по клавишам, взяв аккорды сразу в трех октавах, — возможно, это как-то помогло ему прийти в себя, потому что он прорычал уже спокойнее:

— Dot verdammt Shakespeare. Его schatten призрак гонялся за мной und задал mir schoene прекрасную инспирацию. Это же... ist dein Пятая. С-с-соль-соль-соль-ми бемоль... Fuenste. А здесь ф-ф-фа-фа-фа-ре... И все в до-миноре! Wunder-schoen!

— И это ваша Пятая? Пятая симфония?

— Ja! Ja! Fuenste symphonie. Я слушал этого духа, ожидая продолжения, желая komponieren, сочинять, und неожиданно проклятый schatten переменял мою инспирацию.

— Как?!

— Никакой Пятой симфонии до-минор! Этот verdammt призрак Шекспира стал напевать мне вполголоса минорные терции, квинты... Блюзовый интервал! Синкопы! Mit synkopieren! Неслышанно! Auslaendish! Verrueckt! Symphonie in Blau!

В общем, полный гевальт!

ГЛАВА 2

АССОРТИМЕНТ ЛАВКИ МАЗЕРА

— Он вгрызлся в ваши алмазные кирпичи снаружи, — сообщил я им, — а когда я весьма бегло, надо сказать, осведомился на суахили, что ему угодно, он упал замертво.

— Возможно, не смог вынести твоего акцента, — усмехнулся Адам, осматривая тело. — Помоему, это вообще никто. Настоящий Джон Доу!¹ У него хоть какие-нибудь документы есть?

— Я как-то не искал. Просто оттащил труп подалее, с глаз долой, и стал ждать вашего пришествия на землю.

— Проверь-ка ему карманы, нянюшка. Тип, который способен жевать кирпичи из алмазной крошки, не может не быть интересным. — Мисс Сссс молча принялась за дело. — А ты, Альф, расскажи-ка мне все по порядку. С какой стати тебе понадобилось выбежать на двор? Ты что, слабительное принял? Или просто решил пренебречь своими прямыми обязанностями?

— Ничем я не пренебрегал. Хотя, если честно, такую возможность обдумывал. Но не успел я ее обдумать как следует, как сюда ворвался этот чертов столб от коновязи да еще с обвинениями в мой адрес.

— Что? Неужели сам покойный великий Людвиг ван пожаловал?

— Да-с, Бетховен во плоти-с! И ужасно злобствовал по поводу того, что этот дух заставил его сочинить «Симфонию в блюзовых тонах»!

Адам заржал.

— Ну, полный гевальт!

— Именно эти слова я и произнес.

— И как тебе удалось это уладить?

¹ Фиктивный персонаж в суде.

— Я на него воздействовал как психотерапевт.

— Ну-ну, ври дальше!

— Но я, честное слово, сумел на него подействовать!

— Только не говори, что там. — Адам указал на Дыру.

— А я и не говорю. Я воздействовал на него прямо здесь, возле клавиатур! И мне ужасно интересно, что на сей счет думают те, кто за тобой наблюдают.

— *Cela m'importe peu*. Это совершенно неважно. Давай все по порядку.

— В общем, воздействовать на него было нетрудно. Я просто напевал, выстукивая одним пальцем то, что смог припомнить из его Пятой, и вдруг он весь затрясся и заявил, что я вдохновил его на новый шедевр, и принялся как безумный набрасывать мелодию на каких-то клочках бумаги. А потом я его проводил до порога, и он благословил меня по-немецки. А за дверью я и обнаружил того типа, что жевал кирпичи...

— Да ты просто гений, Альф! Между прочим, этот великий покойник, Людвиг ван, не предложил никакой платы?

— Он был весь охвачен вдохновением. Но я все-таки умудрился кое-что с него содрать.

— Как же тебе это удалось?

— Я умыкнул часть его записей. — И я передал Адаму клочок бумаги с нацарапанными на нем нотными линейками, нотами и пометками *Allegro con brio* и *Andante con moto*. Внизу красовались инициалы: LvB.

— Господи Иисусе! Пресвятая дева Мария! — Адам был просто в восторге. — Это же стоит целое состояние! А не сделать ли мне тебя своим постоянным партнером, Альф?

— Нет, это уж совсем ни к чему. Но отчего это наша дорогая Глория не говорит со мной и не смотрит на меня? Неужели она за что-то на меня сердится? Может, я снова что-то сделал не так?

— Нет, дело совсем не в этом. Она просто готовится менять кожу, а это всегда повергает ее в депрессию.

— Менять кожу? Вылезать из собственной шкуры?

— Вот именно. Она ведь змеиного племени, если ты помнишь. И никогда не знает, как будет выглядеть в новой коже. Вот и волнуется.

— Но ведь змеи, меняя кожу, не меняют окраски; они просто становятся больше, и...

— Ты совершенно прав, и она все прекрасно понимает сама, но ничего не поделаешь — волнуется!

— Я просто не представляю, чтобы она согласилась утратить хотя бы часть своей привлекательности!

— Ага! И ты к ней в плен попался!

— А у вас, в вашем кошачьем племени, тоже бывают проблемы, связанные с вашим естеством?

— Господи, конечно! И еще какие! Да с ними все наши непристойные любовные песни связаны! — И Адам запел:

Коты на крышах, коты — герои,
 Пораженные сифилисом и геморроем,
 Кошки с поднятыми кверху задками
 Празднуют славный разврат вместе с нами...

— А что, и Глория в этом участвует? — ревниво осведомился я.

— Няня? Моя дорогая хранительница? Да ты с ума сошел! Никогда в жизни! К тому же меня всегда привлекали исключительно женщины-кошки.

Мне сразу стало легче.

— Ну тогда расскажи, где, в каком времени и как долго вы пробыли? — попросил я его. — Здесь-то всего часа два прошло.

— Мы были в Нью-Йорке. В XXV веке. Неделю.

— Так, значит, Нью-Йорк в XXV веке все еще существует...

— Более или менее.

— Добыли что-нибудь для этого Иддроида, которого создает граф?

— Да, будь я проклят! Шестое чувство. Это что-то вроде дара предчувствия.

— Если только такой дар существует. Я, правда, знаю, что многие женщины уверены в том, что обладают какой-то там интуицией...

— Да, и они правы, Альф. У меня есть в запасе несколько таких красоток. Из-за одной, между прочим, Дока Холлидея убили.

— Того ковбоя? А что же он ее предсказаний не послушался?

— Сказал, что и без того понимал, что скоро умрет, и просто не хотел знать точное время и

место. Но то шестое чувство, о котором я упоминал, — это некое всеобъемлющее чувство времени и пространства, этакое омнихроночувство, дающее возможность окинуть взором всю временную ось и разом увидеть прошлое, настоящее и будущее.

— Не может быть!

— Может. Именно поэтому Калиостро так хотелось раздобыть это чувство.

— Где ж ты его обнаружил?

— Как ты выражаешься, «во плоти-с».

— А теперь, как ты выражаешься, «давай все по порядку»!

— Лет пять назад, — покорно начал Адам, — тот парень явился ко мне с собственным портретом, нарисованным одним модным американским художником по имени Ван Рин. Парень этот был из самого начала двадцатого века и жутко боялся за свою жизнь, потому что этот Ван Рин изобразил его как «Le Pendu», то есть «Висельника», из карт Таро — знаешь, на которых предсказывают судьбу? И мой клиент был изображен болтающимся на перекладине вверх ногами, то есть он был подвешен за ногу, а руки у него были связаны за спиной! И был он абсолютно мертв.

Ну и, разумеется, ему хотелось, чтобы я его обследовал и выяснил, за какое невероятное преступление ему в будущем могла бы грозить столь страшная кара. И, если это действительно его ждет,

он желал, чтобы я его от подобной перспективы избавил. Полнейшее безумие! Но я все-таки его всесторонне изучил и не нашел ничего страшного, кроме страстной затаенной жажды приключений. В общем, я отослал его обратно в 30-е годы двадцатого века и выкинул всю эту историю из головы.

Пока через несколько лет не узнал (от его современника), что он погиб в результате несчастного случая. Страшная смерть! Он увлекся скай-дайвингом — вот она, жажда приключений! — и однажды умудрился запутаться в стропах уже раскрывшегося парашюта и камнем полетел вниз. И прямо головой врезался в землю. Ну откуда Ван Рин мог знать об этом заранее? Хотя он, конечно, изобразил несколько иную сцену гибели этого несчастного...

В общем, увидев шестое чувство в списке, составленном Алесандро, я подумал, что оно, возможно, есть у этого Ван Рина. Я стал просматривать каталоги музеев, галерей, художественных школ и обнаружил следующее: Виктор Ван Рин был, есть и будет замечательным и вполне удачливым художником. Родился он, правда, с именем Сэм Кац, но что это за имя для модного художника? К тому же Виктор страдал когнитивным астигматизмом...

— А что это...

— Об этом потом, Альф! Потом. Физический астигматизм — это искажение изображения оптической системой глаз, в результате чего свето-

вые лучи, отраженные предметом, проникают в глаз неравномерно и создают уродливые образы. Именно поэтому Эль Греко, например, изображал все лица и тела такими удлинёнными.

Однако самая лакомая цель художника-портретиста — возможность увидеть сущность изображаемого им объекта сквозь личину, эту сущность скрывающую, короче — рассмотреть истинное лицо своего героя, а потом все это — и личину, и суть — изобразить на холсте, то есть показать одновременно и внутренний, и внешний мир человека. Такое видение требует глубочайшего чувственного проникновения в предмет творчества. Ван Рин такой способностью обладал, однако был еще и когнитивным астигматиком, то есть видел прошлое, настоящее и будущее всего того (или всех тех), что изображал на холсте. В итоге он совершенно запутался и не знал уже, чему верить, вот и решил так или иначе постараться отразить в своих полотнах все то, что подсказывало ему его восприятие.

Поэтому в портретах заказчиков было отражено порой их прошлое, настоящее и будущее одновременно. Клиенты, правда, очень обижались, когда их изображали в виде дряхлых старцев или набальзамированных трупов, лежащих в гробу. А одного Ван Рин «увидел» как маленького мальчика, который занимается тем, что китайцы называют «похотливостью рук». Ну и, естественно, клиенты в итоге отказывались ему платить!

Конец его карьеры художника пришел, когда Ван Рин получил тайный заказ от одного кандидата в президенты нарисовать портрет его тайной любовницы в потаенном саду купленного им втайне имения. Ван Рин изобразил очаровательницу совершенно нагой, хотя и украшенной драгоценностями, купленными на деньги кандидата, в том самом потаенном саду, но только... в пылких объятиях совершенно другого мужчины. Никогда не стоит путаться в дела могущественных политиков и их прелестных куколок-любовниц!

В общем, в итоге мы этого Ван Рина выследили. Что было нелегко, потому что он вернул себе свое прежнее, настоящее имя и снова переехал в Бронкс, который оказался настоящим гетто. Он поселился на верхнем этаже многоэтажной развалюхи для бедняков, с трудом зарабатывая на хлеб тем, что малевал для магазинов объявления о распродажах, а также писал лозунги для различных манифестаций. Ужасно грустная получилась картина!

Глория тихо прервала его:

— Я закончила, Дамми.

— Прекрасно. Какие-нибудь документы при этом пожирателе кирпичей нашла?

— Ничего, и у него только две отрицательные черты. Сколько-нибудь выраженные.

— И какие же?

— Во-первых, у него даже снять отпечатки

пальцев нельзя: пальцы абсолютно гладкие, никакого рисунка!

— Но это же невозможно! — заспорил я. — Даже у обезьян примитивный рисунок на пальцах имеется!

— А у этого типа — нет! — Она отвечала как бы не мне; она вообще разговаривала исключительно с Адамом. — Он вообще никакой.. пустышка какая-то! Ты сам посмотри.

Мы посмотрели. Глория была права. Никогда в жизни не видел более обезличенного лица! Ни одной выдающейся черты. Он весь был такой бежеватый, тестообразный... Так мог бы выглядеть недоделанный андроид перед выходом из автоклава.

— И одежда тоже... — продолжала Глория. — Совершенно новая, очень дешевая, купленная не по размеру... какая-то неопределенная!

— Может, краденая? — предположил Адам. — Или из благотворительного фонда? А вторая отрицательная черта какая?

— У него в карманах абсолютно ничего нет, кроме списка покупок.

— Но это же может послужить отличной зацепкой, Глория! — воскликнул я.

— Никоим образом. — Она по-прежнему обращалась исключительно к Адаму. — Да ты сам убедишься, как только этот список увидишь. — Она протянула ему список. На полоске пергамента — честное слово! я мог бы в этом поклясться! — было напечатано:

КУПИТЬ:	ПОЖАЛУЙСТА:
¢	.35
\$i	.25
Mn	.25
W	11.00
¢r	3.00
Fe	85.15

Под списком были изображены шестиугольный жареный пирожок и шарик для пинг-понга.

— Черт возьми! — поразился Адам. — Все чудесатее и чудесатее. Разве ты не говорил мне, Альф, что относишься к типу «ученых янки»?

— Угу. Один из лучших выпускников «Браун университети».

— Да? Ну я так и думал, что ты из «Айви Лиг»!¹ И какие же выводы вы сумели сделать путем дедукции, дорогой мистер Холмс?

— Во-первых, кто бы ни составлял этот список, у него явно сложности с написанием букв С и S.

— Но что это вообще за буквы?

— Это обозначения химических элементов, дорогой Ватсон. Углерод, кремний, марганец, вольфрам, хром, железо. А цифры обозначают проценты.

— И все вместе это...

— ...составляющие вольфрамовой стали, самой твердой инструментальной стали из ныне известных.

— Вот это да, Холмс! Инструментальная сталь,

¹ Группа университетов и колледжей на северо-востоке США, пользующихся особым престижем: Йейл, Харвард, Принстон, Корнелл, Дартмут и др.

чтобы испечь пирожок и сделать шарик для пинг-понга?

— Не совсем так, мой дорогой Ватсон. Этот тип должен был сделать закупки для изготовления гаек и подшипников из инструментальной стали. Возможно также, что он не говорил ни на одном из земных языков и этот список должен был все сказать за него. К тому же он, видимо, не знал, что за все это ему придется платить — ведь при нем не было вообще ничего, что можно было бы считать деньгами. Итак, скорее всего это инопланетянин, причем из таких мест, о которых мы и понятия не имеем.

— Великолепно, мой дорогой Холмс!

— Не забывайте еще и о том, что он грыз ваши кирпичи, Адам! Вот вам загадка, которую разрешить в состоянии разве что Сэм Кац.

— Вы правы. И, несомненно, он может узнать его славное прошлое, а также настоящее и будущее!

— Когда вы его сюда доставите, мы сразу попросим его нарисовать нам этого типа, и тогда все станет ясно.

— Кроме одной маленькой детали.

— Это какой же?

— Он ни за что сюда не приедет!

— А почему?

— Ему очень не понравилось то, что я ему предложил в обмен.

— И что именно?

— Видение мира, каким обладал любой — по выбору — известный ему художник.

— Ой, как это неудачно, Адам! Как бестактно!

— А почему, собственно?

— Вот послушай. Я ведь немало имел дела с художниками и фотографами, будучи журналистом, и знаю, что больше всего на свете им хочется одного: произвести на свет то, что обычно называют «самым пискком», и продемонстрировать «свое собственное, абсолютно новое видение мира»! СВОЕ СОБСТВЕННОЕ, Адам! Зачем художнику ЧУЖОЕ видение мира? Чтобы повторить то, что уже кто-то когда-то сделал до него?

— Продолжай, Альф. Только осторожно, не торопись.

— Отправляйся назад и постарайся увлечь его каким-нибудь иным предложением. Неким СОВЕРШЕННО НОВЫМ восприятием действительности, например.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, например, способностью воспринимать вещи в более широком контексте...

— Но это уже было! Так делали Пикассо, Шагал, Джексон Поллок, и...

— Ну и что? Можно иметь в виду более широкий спектр зрения — чисто физически, вплоть до восприятия невооруженным глазом ультрафиолетового и инфракрасного излучения. А может, и еще что-нибудь покруче — если у тебя найдется в запасе что-нибудь этакое.

— Найдется, найдется! У Адама Мазера есть

все! Прав твой шеф, Альф: у тебя абсолютно научный склад ума. Нет, тебе просто необходимо к нам присоединиться! А пока что не забывай присматривать за лавкой. Няня, за мной!

— Я не могу. — Голос Глории звучал еле слышно, и она была чрезвычайно бледна.

Адам ласково ей улыбнулся и сочувственно покивал:

— Я вижу, у тебя грядут перемены? Не стоит так волноваться, дорогая! Подожди нас. Мы мигом. Пошли, Альф. Ты мне понадобишься, чтобы перетащить сюда Ван Рина. Если не боишься, конечно. Просто пожелай быть вместе со мной — и все.

— Конечно же, я отправлюсь с тобой, старина! — И я пропел: — Альфы на крышах, Альфы — герои...

Когда мы с Адамом уже шли по пустынной улице Бронкса, мимо нас прошел человек, сперва внимательно поглядевший на Адама, а потом — и гораздо внимательнее — на меня. На нем были темные очки-хамелеоны, изящные мокасины, тренировочные брюки и зеленая с белым рубашка-поло. Запястья у него были перетянуты кожаными браслетами, утыканными острыми заклепками. Волосы рыжие, очень коротко стриженные. Я тут же вспомнил: это он приходил в лавку, когда Адам с мистером Тигабом были в Дыре! Сперва мне показалось, что незнакомец хочет нам что-то сказать, но он еще раз вниматель-

но рассмотрел меня — мою аккуратную бородку и усы, мою любезную улыбку и все остальное — и, похоже, разговаривать с нами раздумал. И рванул мимо нас. Я хотел было указать на него Адаму, но тот сказал:

— Ну вот мы и пришли!

Хотя Адам кратко описал мне этот вонючий квартал, я все же не представлял себе, что человеческое жилище может быть таким ужасным. Жилой комплекс буквально пропитался ароматами экскрементов и помойки, а пока мы карабкались по лестнице на верхний этаж жуткого многоквартирного дома, я то и дело видел трупы людей, собак, которых поджаривали на костре, голых детишек, лежавших на земле и тоже, вполне возможно, мертвых... И этот шум! Это же просто кошмар какой-то!

Так что, войдя в квартиру этого Каца-Ван Рина, я испытал истинное облегчение. Во-первых, в его квартире была настоящая, запирающаяся на замок дверь с глазком, а когда он наконец эту дверь перед нами распахнул, то за ней оказалось вполне чистое и аккуратно прибранное жилище, и пахло там свежестью. Стены квартиры были расписаны яркими абстрактными сюжетами, а разбитые, видимо предыдущим хозяином, плитки пола были искусно сложены в виде некоего пазла, прелестного лабиринта-загадки.

— Опять вы! — мрачно прорычал художник.

— Да, но на этот раз с новым и весьма выгодным предложением! — От Адама исходил магне-

тизм красавца-леопарда. — Кстати, разрешите представить: Альф, мой партнер. Альф, это мэтр Ван Рин.

Мы обменялись беглыми, но внимательными взглядами. Интересно, думал я, что этот тип видит во мне с помощью своего шестого чувства? Каков я в прошлом, настоящем и будущем? Во всяком случае, в настоящий момент ничего, кроме презрения к самому себе, я не испытывал. Ведь, судя по его настоящему имени, я предполагал увидеть типичного обитателя отелей «борщ-белт»¹. Но он был скорее похож на генерала Де Голля — усатый, высокий и крепкий. Лет сорока на вид.

— Как мне лучше вас называть? — дружелюбно осведомился я. — Сэм или Ван?

— А вам что за дело, черт побери?

— Просто хотелось бы познакомиться поближе... Я большую часть жизни был интервьюером и очеркистом и обнаружил, что с человеком гораздо легче сойтись, если называть его тем именем, которое он сам предпочитает. Я писал очерк о самой известной и прославленной рыцарственной даме Британской империи — о леди Джудит. Она была со мной чрезвычайно корректна и холодна, пока я не задал ей тот же самый вопрос, что и вам. И тут она вдруг рассмеялась и сказала, что в детстве все звали ее Фрэнки. После чего мы с ней окончательно поладили.

¹ Очень популярные у американских евреев отели курорта в Кэтскил-маунтейнз (по названию кушанья, которое считается почему-то «еврейским»).

Художник улыбнулся:

— А меня в детстве звали Ринсо.

— Вот и договорились. Значит — Ринсо!

— А мне вас как называть?

— В колледже меня прозвали Блэки.

— Значит — Блэки! — Похоже, он действительно несколько успокоился. — А что это за новое предложение, с которым он теперь ко мне явился?

Еще одна уловка. Когда берешь интервью, постарайся найти общего врага. В данном случае «врагом» пришлось стать бедняге Адаму.

— Не обращайтесь на него внимания, — сказал я. — Понять состояние творческого человека, да еще профессионала, ему просто не дано. Я ведь с огромным трудом убедил его отправиться сюда, чтобы познакомиться с вами! Я знаю, что вы здесь как в западне, знаю, как тяжело вам приходится... Я и сам не раз бывал в таком положении...

— Тяжело приходится?! Нет, черт возьми, со мной все кончено! — вскричал он.

— Ну да, ну да, творческим натурам свойственно впадать в крайности, все мы порой так думаем, именно поэтому художники (и вообще артистические личности) должны держаться друг друга, именно поэтому я и хочу поддержать вас! Ваш талант слишком значителен, чтобы тратить его на пустяки, и мы с вами прекрасно знаем, сколь многие считают себя гениями — «Ах, я мог бы написать великую вещь, да только времени не хватает!» — но сколь малое число людей действительно обладают талантом.

Он кивнул:

— Да, Блэки, многие в этом отношении заблуждаются.

— Моя первая девушка, Вероника Ренахен, рыжая и вся в веснушках, пролила по ночам немало слез, в итоге засыпая от усталости, потому что была гениальна, только никто не хотел этого признавать! Ведь ей тогда было всего двенадцать...

Он засмеялся, взял меня за руку и усадил рядом с собою на скамью, по-прежнему полностью игнорируя присутствие Адама, который тихонько взял стул и тоже уселся в уголке.

— Ну и что же дальше, Блэки? Ты ее трахнул?

— Нет, хотя мне ужасно хотелось. Черт возьми, я тогда совершенно не представлял, как это делается!

Он снова засмеялся.

— Вот и я так. Мне ужасно хотелось стать грубым и безжалостным наемником, да только не знал, как это сделать!

Рядом стоял небольшой столик, где аккуратно расставлены были чистые стаканы и графины с напитками. Он чего-то плеснул в стаканы, и мы с ним выпили. На «врага», то есть на Адама, он по-прежнему внимания не обращал. Это было что-то очень крепкое, вкусное и с запахом персика.

— Старый Ренахен владел ближайшим к нам гастрономом, — продолжал болтать я, — и больше всего любил рассказывать об одной еврейской даме, которая как-то раз зашла к нему в магазин

и попросила взвесить ей кусочек кровяной колбасы. Ренахен достал из холодильника изрядный кусок, взял острый большой нож и принялся нарезать колбасу. Нарезав с десятков ломтиков, он спросил: «Хватит вам?» «Нет, — сказала она, — еще немного отрежьте». Он нарезал еще с десятков ломтей и снова спросил: «Хватит?» «Нет, еще, еще», — велела она. Нарезав половину куска, он остановился: «Ну, теперь-то уж хватит, наверное?» И тут она говорит: «Да, теперь достаточно. И взвесьте мне, пожалуйста, на десять центов».

Кац-Ван Рин взревел от смеха.

— Ну еще бы! Какая замечательная особа! Она же просто хотела убедиться, что колбаса свежая! Типично! Ах как типично!

— И вы знаете, какая мысль пришла мне в связи с этим в голову? — сказал я. — Это удивительно похоже на нас! Ведь мы с вами — художники! — видим всего десять процентов всего богатейшего спектра, этакий кусочек из серединки — на десять центов! Скажу вам честно: разве не мечтаете вы видеть всю «колбасу» целиком? От одного ее конца до другого?

— Боже мой, Блэки! Что за мысль?!

— Однако такую возможность я и намеревался вам предложить!

— Не может быть!

— Правда, в обмен на ваше шестое чувство.

— Вы это серьезно?

— Абсолютно. Абсолютно серьезно, Ринсо.

И мы действительно можем это сделать. Подумайте, приятель! Какие перспективы открываются у вас с вашим талантом, если вы обретете способность видеть весь спектр — от ультрафиолетового излучения до инфракрасного! И вам не будет больше мешать чужое прошлое, настоящее и будущее! Никаких неожиданных вспышек гнева со стороны заказчиков, никаких феодальных междуусобиц! Вы сможете вернуться к настоящей работе и создать нечто такое, от чего весь мир придет в восхищение. Нечто доселе невиданное!

— Боже мой! Боже мой! — бормотал он, уставившись в пространство. — Увидеть и изобразить ауру различных людей и вещей, разглядеть колебания их поля, бессознательное восприятие ими... Понять их ощущения, экстрасенсорику... Пикассо, конечно, пытался это сделать, но то были всего лишь догадки...

— А вам и догадываться не придется!

— Вы меня не обманываете, Блэки?

— Посмотрите на меня, Ринсо. Вы же можете прочесть мои мысли, верно? Вот и читайте внимательно, читайте то, что написано на скрижалях моей души! Я весь перед вами — нараспашку. Загляните в мою душу — и решайте!

С минуту мы пристально, не мигая, смотрели друг другу в глаза; глаза у него чуть не вылезли из орбит. Наконец его крупное тело несколько обмякло.

— Вы говорите правду... — прошептал он. — Хотя... в вашей жизни очень много неясного, туманного... Но мне кажется, вы пришли, чтобы

спасти меня. Вот только не знаю, смогу ли я когда-нибудь расплатиться с вами... Это ведь сделка, правда? И что от меня требуется теперь?

— Теперь нам нужно только нырнуть в черную дыру, — сказал я. — И поведет нас этот проходимец, уже известный вам Адам Мазер!

Уже входя в знакомую дверь из эбенового дерева, я вдруг так крепко задумался о том, Кто-Что-Когда-Где и — Почему сделал этому несчастному пожирателю кирпичей (тайну которого Ринсо Ван Рин, возможно, сумеет для нас раскрыть), что происходившее в этот момент в гостиной настолько меня шокировало, что я чуть с катушек не слетел.

В кресле с подложенной под голову подушечкой из шитой золотом парчи восседал труп пожирателя кирпичей, точно некий мифический правитель на своем троне, а у его ног возлежала чернокожая нубийская девушка-рабыня! Однако мгновение спустя выяснилось, что это не нубийка, не рабыня, не девушка и вообще не живое существо! А старая, только что сброшенная кожа Глории Сссс. Нижняя часть была совершенно целой, а на верхней имелись разрывы. Совершенно очевидно, обновленная Глория выползала из своей кожи именно с этого конца.

Адам-Магнетрон одним махом преодолел гостиную, подошел к чугунной лестнице, ведущей наверх, и громко крикнул:

— Няня, мы вернулись!

Сверху донесся ее голос, заглушаемый звуками душа:

— Сейчас я спущусь, Дамми! — Голос звучал чуть выше того, к которому я привык, и походил теперь скорее на кларнет, чем на гобой. Интересно, подумал я, а как в новом исполнении будет выглядеть все остальное?

— Не задерживайся, дорогая! Альфу, нашему мастеру подачи, удалось вернуть нам нашего художника.

Ринсо, с любопытством осматривавший чудесную комнату, с изумлением посмотрел на меня и спросил:

— Что, черт возьми, здесь такое? Музей?

— Расскажи ему, Блэки, — шепнул мне Мазер.

— Итак, условия сделки прежние, — сказал я. — Никаких «если», «и» или «но». Ваше шестое чувство в обмен на ультравидение. Честно, не правда ли?

Он кивнул.

— Однако мы хотели бы попросить вас об одном одолжении, прежде чем наш специалист Закот удалит ваше шестое чувство.

— О каком одолжении?

— Воспользуйтесь вашим видением еще один лишь раз.

— Воспользоваться?.. Но для чего?

— Опишите нам природу этого трупа.

— Святой Моисей! Вы тут, право, с ума посходили! — зарычал он. — Я немедленно уйду прочь!

— Погодите, Ринсо. Позвольте мне объяснить вам. — И я рассказал ему о пожирателе кирпичей и о загадочном списке покупок. Не хочу хвастаться — но я все-таки профессионал и знаю, как надо подавать материал! Ван Рин, разумеется, клянул. И в итоге даже одобрительно хлопнул меня по плечу.

— Ну ты даешь, Блэки! — И он направился к величественно восседавшему в кресле трупу.

Мы с Адамом довольно долго ждали, пока он сконцентрируется. Наконец он обернулся и обескураженно покачал головой:

— Ничего, Блэки! Абсолютно ничего!

— Это потому, что он мертв?

— Нет, потому что он какой-то совершенно нереальный. Не из нашего мира. И этот тоже. — Он указал на Адама. — Я заодно попытался и его классифицировать. Еще один выродок неизвестно откуда! У тебя тут, надо сказать, довольно диковатая компания.

И тут еще одна представительница диковатой компании проворно сбежала по лестнице и присоединилась к нам — это была совершенно новая Глория, еще более ослепительная, чем прежде! Пожалуй, кожа у нее стала чуть светлее, словно негритянской крови в ней теперь стало не более одной восьмой. А пятнышки, похожие на блески слюды, стали странно светиться розовым, особенно когда она двигалась. В волосах стали заметнее серебристые нити, а взгляд огромных золотистых глаз прямо-таки гипнотизировал...

И я всей душой поддался этому гипнозу! Адам,

конечно, тут же это заметил и засмеялся-замурлыкал от удовольствия. А потом принялся снова всех представлять друг другу самым изысканным образом, словно мы только что впервые встретились. Обменявшись самыми теплыми приветствиями с совершенно ошалевшим художником, Глория повернулась ко мне.

— Моя младшая сестренка все рассказала мне о тебе, Альф. — Она жестом указала на свою старую кожу.

— Glory Hallelujah! — только и вымолвил я в ответ.

— Между прочим, она станет боа у тебя на шее, она удушит тебя, Блэки! — взорвался вдруг Ринсо.

— Что?

— Я видел ее — в твоём будущем, когда классифицировал тебя.

— Все ясно, — засмеялась Глория. — Вы видели, как я превратилась в боа из перьев и украсила его плечи? — Она снова засмеялась. — Не могу пожелать себе лучшей доли!

— Нет, леди! Вы превратились в настоящего боа-констриктора! — Ван Рин повернулся ко мне. — Я видел вас с нею — вы тесно сплетались телами и душили друг друга...

— «И возгордились они, и делали мерзости пред лицом Моим»¹, — пробормотал Адам. — Ну все, довольно, мэтр. Пойдемте же в мое гнездо порока и освятим заключенную нами сделку. —

¹ Иезекииль, 16:50.

Он посмотрел на меня озабоченно, чуть приподняв бровь. — А в конце двадцатого века говорят «освятим», Альф?

— По-моему, тебе больше хочется ее ЗАВЕРШИТЬ, верно?

Мы не слышали ни звонка, ни скрипа двери, но точная копия покойного, его абсолютный двойник, вдруг оказалась прямо перед нами, каким-то образом проникнув в лавку. Этот фантастический тип был в потрепанном тренировочном костюме, а на груди у него болталась на шнурке какая-то черная коробочка. Он быстро огляделся и нажал на какую-то кнопку в стенке коробочки.

— *Parlatta Italiano?* — донесся оттуда скрипучий голос. — Сипански? Инглизи? Френези? Данск? *Germanisch?*

— А по-этрусски слабо? — спросил я.

— Заткнись, Альф! — Адам повернулся к пришельцу: — Нам удобнее всего было бы по-английски, сэр! Рады вас приветствовать. Добро пожаловать к нам!

Незнакомец нажал на другую кнопку.

— Мне очень вам признательно. Мне видно, что наш брудер попал на вас чересчур поздно...

— Могу я спросить, откуда вы оба и почему здесь оказались? — спросил вежливый Адам.

Глаза пришельца сверкнули; он оглядел Адама с головы до ног и разразился радостным смехом:

— Какая интересная параллелограмма! А ваше место в пространстве?

— Мы из далекого будущего.

— А мы из далекого прошлого! Мы называемся Улей. А вы?

— А мы называемся Зоопарк! Как вам удалось сюда проникнуть?

— Такая же дыра, как здесь.

— Дыра? Где это?

— Планета номер четыре.

— Ах вот как! Значит, на Марсе есть еще одна черная дыра и оттуда — выход в другое пространство! Опять становится все страньше и страньше... А как вас зовут? Как ваше имя?

— Имя? Мое имя? — Он явно понятия об этом не имел.

— Термиты! — воскликнул вдруг Ринсо. — Это же термиты! Вот почему я не мог сканировать их мозг и почерпнуть там хоть какую-то информацию! Они всего лишь часть огромной колонии.

— Ясно... Улей!... Спасибо большое, мэтр! — Адам снова повернулся к инопланетянину: — А скажите мне, пожалуйста, сэр: почему ваш собрат по Улью явился сюда в поисках разных стальных предметов?

— Большая потребность! Для пищеварения.

— Господи! — вмешался я. — Это же примитивно! С той же целью земные птицы заглатывают камешки! Так вот почему он грыз кирпичи! Ведь алмазный борт прочнее даже, чем инструментальная сталь...

— Просвети меня на сей счет, Альф, — попросил Мазер.

— Понимаешь, некоторые животные и птицы специально глотают мелкие камешки, чтобы с их помощью измельчать в желудке проглоченную пищу, делая ее удобоваримой. Такие камешки находили, например, в окаменевших экскрементах динозавров, дронтов и гигантских страусов. Да и в наши дни существуют отдельные виды живых существ, которые перерабатывают пищу подобным способом.

— Верно, верно, — подтвердил черный ящичек на шее у пришельца. — У брудера нет камешки. Смертельно голодал. И в Улье ни одного не осталось. Пришел за помощью.

— И, к сожалению, опоздал, — сказал Адам. — Что же вы будете с ним теперь делать?

— Должен уносить назад.

— Да? Чтобы там его похоронить?

— Не похоронить. Съесть!

И этот «термит» удалился, унося с собой свой будущий обед и оставляя позади оглушающую тишину.

— Ничего удивительного, что для пищеварения им требуется глотать камешки, — наконец промолвил я.

— Ты думаешь, он мог бы попробовать и нас съесть?

— Только если пожевал бы твоего алмазного борта.

— Господи, Блэки, перестань! — умоляюще простонал Ринсо. — И помоги мне поскорее убраться отсюда! Мне осточертели все эти шар-

латанские штучки! Разве здесь место порядочному еврейскому мальчику из Бронкса?

— Ты прав, дорогой Ринсо! Ступай же с этим Свенгали¹, и пусть он сделает свое черное дело. Но предупреждаю: как только ты увидишь его кладовые собственными глазами, художник, что сидит в тебе, вззоет и не позволит тебе так просто отсюда уйти!

Адам повлек Ван Рина за обитую льняной тканью панель. Дверь в Дыру он старательно за собой прикрыл. Глория подобрала свою старую кожу, аккуратно ее свернула и понесла куда-то наверх. Вскоре я услышал стук молотка. Потом она вернулась, присела рядом со мной на кушетку и взяла меня за руку. Руки у нее были по-прежнему холодные. Я весь дрожал. Она не выпускала моей руки и не говорила ни слова. Ну а я и вовсе не мог говорить!

Наконец она промолвила:

— Знаешь, Альф, твое очарование отчасти связано с тем, что ты не позволяешь себе обращаться с женщинами как грубый самец...

— Верно, я всегда с девушками кроткий, как ягненок.

— Но не с мужчинами! Дамми успел рассказать мне, как ты очаровывал этого художника...

— Он рассказал тебе? Когда? Я не слышал.

¹ Персонаж романа «Трилби» английского карикатуриста и новеллиста Джорджа дю Морье (Дюморье) — злоредный гипнотизер, который стремится заставить всех остальных исполнять свои приказания.

— Ты и не мог. Это УВЧ.

— Ах вот как!

— А теперь ты пытаешься очаровать меня.

— Что ты, Глория, я даже и не пытаюсь! Господи, мне бы очень этого хотелось, но я понимаю, что не пара тебе.

— Вот-вот. Теперь-то я понимаю, как ты это делаешь! Ты предоставляешь возможность сделать первый шаг твоему собеседнику. Или собеседнице... В этом и кроется твое странное очарование...

Я уже собирался было спросить, кто же из нас тот боа-констриктор, что в итоге удушит другого в объятиях, но тут из Дыры показали наш рыжий психоброкер и совершенно ошалевший художник. Кац-Ван Рин умоляюще блял:

— Еще минутку, пожалуйста! Еще чуть-чуть! Видения, явившиеся мне там...

— Их более чем достаточно, дорогой Ринсо, чтобы ты снова мог вернуться к занятиям живописью! — Закот опять был неумолим и источал потоки энергии. — А снова начав работать, ты сможешь в любое время заглянуть к нам и, так сказать, подзарядиться художественными образами. Только тогда уж тебе придется за это платить.

— Отдам все, что угодно! Все на свете отдам! — Ван Рин чуть с ума не сошел от благодарности. Потом вдруг уставился на нас немигающим взором и завопил: — Пресвятая дева! Да над вами обоими такая аура, что... И такое удивительное смешение нейронов обоих северных полушарий мозга... и...

— Перестань нести эту ахинею и пытайся словами передать собственные новые ощущения! — велел ему Адам. — Лучше рисуй. Давай-ка, нянюшка, отправим нашу «сверхновую» звезду в области живописи домой, в Нью-Йорк, — пусть поражает тамошний мир искусства! Ты присмотри тут за лавочкой, Блэки... — Он вдруг умолк и озадаченно посмотрел на меня. — А откуда у тебя, интересно, такое прозвище? Ты же совершенно коричневый человечек, типичный «брауни». Разумеется, я не девушек-скаутов имею в виду¹.

— Это из-за моей фамилии. Noir. По-французски — «черный». Вот и вышло «Блэки».

— Ах да, понятно! А у тебя дома ее произносят на французский манер? Нуар?

— Нет, «нуайе»; они ее рифмуют с «фойе».

— C'est dommage². Ну хорошо. Ко взлету готов, Ринсо? Avanti, artista!³

Глория как раз в этот момент легонько коснулась моей ладони губами, и, хвала небесам, наша «сверхновая» не заметила, какое впечатление это произвело на меня! Когда они уже выходили на улицу, Адам обернулся и крикнул мне:

— Мы, возможно, немного задержимся! Помоему, там есть еще кое-что интересное для Ид-

¹ Коричневый человечек, «брауни», — шотландский фольклорный персонаж, добрый темнокожий (в отличие от светлокожих фей) домовый. Также «брауни» называют (по цвету формы) младшие отряды девочек-скаутов.

² Жаль! (*фр.*)

³ Вперед, артист! (*итал.*)

дроида. Кстати, в верхнем ящике валлийского комода есть лупа...

— Ну и что? Зачем она мне?

— Кто-то оставил тут на крыльце маленький презент. Ты бы взглянул, а? Ну все, пока!

И все трое мгновенно исчезли, а в приемную, крутясь, вкатилась крошечная бутылочка шампанского. Очень точная и очень маленькая копия настоящей бутылки — пробка, этикетка и все остальное, — только сама бутылочка не больше пузырька с лекарством. На этикетке крохотными буквами было написано: «Олд Бонд лтд.», но сколько я ее ни осматривал, смог определить лишь, что никакой жидкости она не содержит, а сквозь темно-зеленое стекло видна лишь крошечная записка, свернутая в трубочку.

ГЛАВА 3

SOS В ПУЗЫРЬКЕ

Я достал из комода увеличительное стекло и выудил из узкого горлышка крохотный клочок бумаги. Вот что мне удалось прочесть:

«Лондон, 18 дек.1943 г. Все еще стоим лагерем на берегах Круглого пруда в Кенсингтон-Гарденз. Боюсь, что, кроме нас, никого больше не осталось. Разведчики, которых мы послали для установления контактов с теми, кто, возможно, выжил в Сент-Джеймском парке, в Эрлз-Корте и Бромптонской молельне, так и не вернулись.

Декстер Блэкистон III только что принес дурные вести. А его приятель, Джимми Монтгомери-Эшер, наудачу отправился на свалку в Хаммерсмит, что на западе Лондона, надеясь отыскать хоть какие-то спасительные средства, но был схвачен пылесосом марки «Хувер».

20 дек. 1943 г. Электрокар, развозивший прежде игроков в гольф, облюбовал берега Круглого пруда. Мы, разумеется, тут же попрятались. Но он все равно повалил и порвал наши палатки. Ситуация весьма тревожная. Некоторые из нас обгорели по неосторожности у костра. Интересно, передано ли сообщение 455-му?

21 дек. 1943 г. Очевидно, сообщение передано. Сегодня, среди бела дня, к нам явился эмиссар, жнец и молотильщик из Степни, лондонского Ист-Энда, и принес с собой одного из адъютантов 455-го — сверкающий Миксер, который сообщил, что мы действительно остались последними и премьер-министр 455-й готов проявить в отношении нас определенное великодушие. А именно: он хочет оставить нас в назидание потомкам в зоологическом саду лондонского Риджентс-парка. Иначе говоря — посадить в клетки. Мужчины, конечно, заворчали, а женщины, схватив в охапку детей, лишь тихо заплакали. У нас двадцать четыре часа, чтобы дать окончательный ответ.

И неважно, каким будет наше решение — мне-то все ясно! Вот допишу этот дневник и постараюсь его где-нибудь спрятать. Возможно, кому-то

он послужит предостережением. А кого-то, может быть, и к оружию призовет!

Все началось, когда газета «Санди Таймс» с юмором описала случай САМОСТОЯТЕЛЬНОГО — то есть БЕЗ МАШИНИСТА! — выезда черно-оранжевого дизель-локомотива номер 455 с грузовой станции Миддлсекс, соединяющей сам Миддлсекс и Западный район Лондона. Локомотив выехал оттуда в 5.42 утра. Специалисты говорили, что, возможно, в локомотиве просто остался открытым дроссель или не в порядке тормоза, и потому его не смогли удержать, но, так или иначе, этот 455-й сам по себе пробежал не менее пяти миль, прежде чем железнодорожники умудрились остановить его, отключив подачу топлива и направив на запасной путь, прямо на стоявшие там старые вагоны третьего класса. В редакции «Таймс» почему-то сочли данное происшествие весьма забавным и озаглавили статейку так: «Где же нянька нашего маленького непослушного локомотива?»

И чиновникам миддлсекской железной дороги даже в голову не пришло этот локомотив уничтожить! Но, с другой стороны, с какой стати его уничтожать? Кто мог представить себе, что в результате некоторых странных генетических пертурбаций 455-й превратится в воинствующего активиста, твердо намеренного отомстить за многочисленные оскорбления, нанесенные машинам людьми с момента наступления эры технической революции?

455-й вернули на грузовую станцию, к прежним обязанностям. Но там у него было предостаточно возможностей предупредить различные грузовые составы и те механизмы, которые ехали в этих составах в качестве груза, о якобы грозившей им со стороны людей опасности и призвать их к прямому неповиновению. «Убивайте, о мои механические братья, убивайте их!» — таков был выдвинутый 455-м лозунг.

Через полгода пятьдесят человек погибли «в результате несчастного случая» от рук электрических тостеров, тридцать семь — от рук кофеварок и девятнадцать — от рук электродрелей. Собственно, все это были убийства, совершенные машинами, но никто этого пока не понимал. И лишь в конце года одно вопиющее преступление привлекло наконец внимание общественности и заставило людей задуматься о реальности мятежа машин. Джек Шанклин, фермер и торговец молочными продуктами из Сассекса, спокойно наблюдал за дойкой своих коров гернзейской породы, когда вдруг доильные аппараты, словно взбесившись, набросились на него, зверски его убили, затем ринулись в дом и изнасиловали миссис Шанклин!

Заголовки всех газет вопили об этом, но публика серьезно данное сообщение не восприняла: все считали это обычной газетной уткой. Би-биси посмеялась и отказалась посылать своих репортеров в Сассекс. Но, к несчастью, сведения о случившемся привлекли внимание нескольких

телефонных и телеграфных аппаратов, которые поспешили распространить эту информацию по всему миру машин. И уже к концу года ни один мужчина и ни одна женщина не чувствовали себя в безопасности, находясь как среди кухонных бытовых приборов, так и среди обычного офисного оборудования.

И вот под предводительством решительных британцев человечество встало на борьбу с машинами, вернувшись к использованию карандашей, копирки (копировальная техника отличалась особой жестокостью), кисточек и прочих ручных приспособлений. Тема этой безумной конфронтации не сходила с повестки дня, пока к восставшим не присоединилась могущественная клика автомобилей, согласившаяся признать своим лидером все тот же 455-й. И все было кончено.

Приятно сообщить, что отдельные автомобили, из числа самых роскошных, все же остались верны людям. Лишь благодаря их самоотверженным усилиям некоторым из нас удалось выжить. Так, например, моя собственная горячо любимая «Лагонда Эл-Джи» поплатилась собственной жизнью за попытку передать нам тайком кое-что из еды.

25 дек. 1943 г. Пруд окружен. Мы совсем пали духом после трагедии, случившейся вчера вечером. Маленький Дэвид Хейл Брукс-Ройстер придумал рождественский сюрприз для своей мамы. Он раздобыл (бог знает где и как!) искусственную елочку, украшенную игрушками и гирлян-

дами лампочек, работающих от батареек. И вот лампочки-то эти его и доконали!

1 янв. 1944 г. Нас посадили в клетки в зоологическом саду. Обращаются с нами хорошо, кормят тоже хорошо, но в еде всегда чувствуется запах бензина и привкус машинного масла. А сегодня утром случилось нечто весьма любопытное. Перед моей клеткой пробежала мышь, на голове которой красовалась тиара с бриллиантами и рубинами от «Харродз»!¹ Меня просто оторопь взяла! Во-первых, такие украшения неприлично носить среди бела дня! Они годятся ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО для вечера. Пока я качала головой по поводу столь грубого нарушения этикета, мышка остановилась, огляделась, приветливо мне кивнула и... подмигнула. Я думаю, она сможет привести к нам помощь...»

Рыжий Адам-леопард и Глория-змея так и взвыли от восторга. Наш Закотик выглядел в точности как герой мультипликации по имени, скажем, «мистер Симпатьяга» или «профессор Скромник».

— Это же настоящий Етаоин Шрдлу! — заявил он.

— Не морочь мне голову, — отмахнулся я. — Я прекрасно понимаю, что ты назвал самые употребимые буквы английского алфавита.

— Нет, Альф, это вымышленное имя такое, — пояснила Глория. — Этот человек скрывает свое

¹ Один из самых дорогих и фешенебельных магазинов Лондона.

подлинное имя, потому что совершил преступление.

— А что он такого сделал? Плюнул на тротуар?

— Он совершил кражу со взломом! — гордо заявил Адам. — Вторгся на чужую территорию, как тать в ночи.

— И графу Алесандро для его Иддроида нужно подобное качество?

— Нет, ему нужно то, что Етаоин выкрал.

— А что это такое?

— А вот что. — Адам протянул мне на ладони три желтенькие почтовые марки.

— «Кто эти иссохшие и дикие созданыя? — процитировал я. — Нет на земле таких, хотя на ней они стоят...»¹

— Стыдись! Эх ты, Банко! А еще ученым считаешься! Ты что, микрочипы не узнал?

— Так это микрочипы? Правда?

— Да лопни мое сердце!

— И они тоже для этого Иддроида?

— Скорее то, что у них внутри.

— А что там?

— Тысячи книг!

— Господи, велики деяния Уильяма Кэкстона!² А теперь весь сценарий с самого начала, пожалуйста.

— Мой Етаоин работает в каталоге Библиотеки Конгресса. Он ни разу не получал повышения

¹ У. Шекспир. «Макбет», акт I. Перевод Ю. Корнесва. Одна из реплик Банко (см. далее).

² Английский первопечатник.

по службе, потому что не имеет ни университетского диплома, ни ученой степени. Вот он и решил заполучить диплом и ученую степень по филологии обманным путем.

— Ясно...

— Под покровом ночи он проник в библиотечный компьютер и снял на эти микрочипы всю информацию по гуманитарным наукам, содержащуюся в его памяти. В каждом чипе два миллиона ячеек, то есть всего их шесть.

— Ничего себе!

— Вот именно. Большая часть произведений всемирной литературы, множество работ по философии и истории, а также многое другое — и все это в крошечных кладовых размером с почтовую марку! Добро и зло оптом! Короче: если та или иная книга имелась в Библиотеке Конгресса, Шрдлу ее не пропустил.

— И он готов продать все это за парочку фальшивых дипломов?

— Нет, он хочет настоящие. Причем не только дипломы, но и рукописи «своих» научных работ.

— И тебе удастся это устроить?

Он только засмеялся.

— Несколько лет назад один молодой доктор наук, тоже из «Айви Лиг», предложил мне свои степени и дипломы. Я послал его в прошлое — пообщаться с самим собой в молодости. И посоветовал ему вернуться назад уже под другим именем.

— Каким?

— Я сказал, что это мы сообщим ему особо. Теперь ему как раз пора возвращаться. Вот мы и скажем ему, что теперь его имя будет Шрдлу. И никаких проблем.

— А что он хотел получить за свои степени?

— Некую статистическую аномалию — то есть, попросту говоря, удачу. И чтобы ему никогда больше не нужно было работать. Ведь тогда ему не были бы нужны никакие степени. Дело в том, что, по его признанию, преподавать ему не очень-то нравилось.

— И ты сумел ему все устроить?

— Конечно. Здесь все условия для работы с Невероятным. Он теперь проводит половину времени в круизах, играя в покер, а в остальное время играет на тотализаторе, делая безопасные для себя ставки и радуясь выигрышам. Кстати, никогда не садись играть в карты с человеком, который настаивает, чтобы его ни в коем случае не называли «доктором»!

— И весь этот связанный с желаниями бизнес...

— Нам же нужно что-нибудь в этом роде, чтобы завлекать посетителей, правда? Мы ведь не можем просто дать объявление! А если дадим, нас буквально завалят всякого рода непристойными просьбами. Нет, мы хотим, чтобы наши посетители были исключительно серьезными людьми.

— Понятно, котеночек. Но как же все это работает? Как ты воплощаешь эти их желания в жизнь? Ты обещал рассказать.

— Все дело в силе собственного желания человека. И в его воле. Обычно наши потенциальные клиенты узнают о нас от кого-то из тех, кто уже успешно посетил нашу лавку. Человек начинает как бы прикидывать: «А хорошо, если б в действительности существовало такое место, где я...» Ну а дальше ему остается лишь пожелать заключить с нами определенного рода сделку — она должна послужить основанием как для исполнения желания клиента, так и для выработки у него тяги к такой вещи, как собственная сингулярность, уникальность. Все остальное — вульгарная постэйнштейнова физика. А потом стоит только пожелать — и ты дома. И то же самое наоборот — если снова захочешь к нам.

— Так... Скажи, а почему так много клиентов из отдаленного прошлого или не менее отдаленного будущего? Почему они не попадают в твою лавку... в свое собственное время?

— Но это же все равно что в карточном фокусе! Загадайте любое число и так далее... Для меня самое главное то, что именно интересует клиента и что в нем может заинтересовать меня. А прошлое и будущее постоянно меняются местами, как, кстати, и настоящее. Отчасти за счет наших же собственных поступков. А порой бывает и так: кто-то начинает желать и вдруг передумывает — и в итоге падает замертво. Дело в том, что видимое нашими клиентами и нами — это всего лишь конечный результат: вот они пожела-

ли здесь оказаться и оказались! И мы должны их обслужить. Быстро. Эффективно.

Глория зашипела и сунула мне в руку бутылочку.

— Слушай, а как же те записки в миниатюрной бутылочке? — опомнился я. — Они же не могли сами «пожелать» быть доставленными к тебе?

— Безусловно. Их должны были доставить чисто физическим способом. Их передал кто-то разумный и способный чувствовать. Однако — и, похоже, во имя занимательности сюжета — автор записок хотел бы, чтобы мы поверили, будто в данном случае главным действующим лицом была некая мышь в драгоценной тиаре. Но не верьте! Мышка — это для отвода глаз. Автор с той же легкостью мог бы пожелать попасть сюда, сидя в железной клетке, как и будучи на свободе. Как известно, «железные решетки — мне не клетка и каменные стены — не тюрьма»¹. Меня хоть в ореховую скорлупу засунь, я и там себя королем бесконечного пространства сумею почувствовать!..

— Черт знает что! — пробормотал я. — Но что, если эта мышь действительно послужила почтальоном?

— Возможно. И в таком случае она была бы не первым зверьком, пожелавшим попасть сюда. Итак, 1943/44 годы. Лондон в период массированных бомбардировок. Интересно, почему об

¹ Известнейшие строки из стихотворения английского поэта-лирика XVII века Ричарда Лавлейса (1618—1657) «Альтея из тюрьмы».

этом в записке ни слова?.. Франция оккупирована нацистами. Как же этой бутылочке удалось попасть в «Олд Бонд лтд.»? И еще этот бунт машин? Какой великолепный абсурд!

— Тогда, может, это розыгрыш?

— Даже если это и так, нам все равно необходимо встретиться с автором столь экстравагантной выдумки. В общем, вы с Няней отправляетесь искать автора записки. Он скорее всего находится в 1944 году и...

— Но почему, мой дорогой наставник, ты посылаешь меня?

— Потому что самому мне некогда: мне предстоит длительная беседа с доктором Шрдлу. Не имею возможности даже приблизительно сказать, когда мы закончим.

— Как это? Обычно не успел ты влететь в Дыру, как уже вылетаешь обратно!

— Мэри Шелли¹ и ее потомки виноваты.

— А они-то какое имеют к этому отношение?

— Она породила Виктора Франкенштейна, который воплотил ты сам знаешь что, в результате чего возникло бог знает сколько разнообразных подражаний. Прямо-таки не к чему подключить замечательного еврейского Идроида из Бронкса. В общем, мне нужно время, чтобы все необходимое идентифицировать и ненужное отсеять.

¹ Мэри Шелли (1797—1851) — английская писательница, жена поэта-романтика Перси Биши Шелли. Самое известное ее произведение — роман «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818).

— Ты прав, черт побери! Нельзя допустить, чтобы всякие глупости болтались под руками при создании его гениального мозга. Слушай, а ты не боишься, что он будет похож на голливудский вариант «чудовища Франкенштейна»?

— Черт меня задери, если я знаю, что было у графа на уме! А вообще-то, конечно, — Идронид в итоге может выглядеть как угодно. Быть как точной копией Фрейда, так и любой разлюли-малиной.

— Ну уж нет! — рассмеялся я. — Только не психомалиной!

— Серьезнее, Альф! Вот, смотри: в этом кошельке несколько сотен английских фунтов. Это вам на мелкие расходы, но постарайтесь сперва удостовериться, что попали в нужное время, то есть в начало 1944 года. И не забывайте о бомбежках! Особенно будьте осторожны при возвращении назад — никаких шуточек, никакого бахвальства! А ты, няня, при малейшей опасности тащи его оттуда хоть за уши! К чертовой матери! Ни одна, даже самая лучшая, шутка ваших двух жизней не стоит!

Это была довольно-таки скучная охота за человеком. И лишь благодаря присутствию очаровательной Глории она превратилась в весьма удачную охоту за сокровищами. Я буду краток.

Лондон, Пикадилли-Серкус. Июнь 1944 года.

На заднем плане спешащие по своим делам местные жители. Вдали и даже поблизости в небо

поднимаются столбы дыма. Над головой слышится вой пикирующих бомбардировщиков. Никто не обращает на это особого внимания, пока не наступает внезапная тишина — это значит, что бомба уже падает. Тогда практически все останавливаются и ждут, пока взрыв не прогремит где-нибудь в другом месте и ввысь не взвоется очередной столб дыма. Затем возобновляется деловая активность, сопровождаемая почти непрерывным воем сирен.

Риджентс-парк: сейчас здесь сплошные зенитные батареи и зенитчики. Здания зоосада используются как казармы. Никаких признаков людей, посаженных в клетки машинами. Очень странно!

Компания «Олд Бонд лтд.» уничтожена бомбой.

Поиски в Государственном архиве имени и адреса владельца компании.

Хаф-мун-стрит: здесь находится дом владельца компании, но его самого сейчас нет. Он в плену, в Германии. Служанка, присматривающая за домом, ничего не знает ни о делах компании, ни о бутылочке из-под шампанского. Она даже спрашивает, не шпионы ли мы. Мы говорим: да, шпионы!

Отель «Кадоген» на Слоан-стрит: приходится снять номер люкс, чтобы переночевать. Номер шикарный, но нам его сдают под мое честное слово (я сказал, что наш дом разбомбили и мы выскочили, в чем были, ничего не успев взять с со-

бой). Мы регистрируемся как мистер и миссис А. Нуар. Десять фунтов.

Древний коридорный ведет нас наверх (лифты, разумеется, не работают) и с гордостью сообщает, что мы сняли тот самый номер, в котором в 1894 году был арестован Оскар Уайльд. Лжец! Уайльда доставили в суд «Олд Бейли» в 1895 году.

Слоан-сквер: мы заходим в Мидлэнд-банк, чтобы разменять золотые, которые весят черт знает сколько, на бумажные деньги. Затем направляемся в универмаг «Питер Джоунз» — нам нужно кое-что купить: макияж для Глории и свитер для меня. Июнь выдался на редкость холодный. Слышу исполненные неискреннего негодования замечания в свой адрес по поводу того, что я не в армии и даже не в военной форме. Глории удастся сразу охладить пыл недоброжелателей — она заговорщицким тоном сообщает им: «Он из Эм-Ай-5» (т.е. из контрразведки).

Итон-террас: некогда постоянное место встреч богатых коллекционеров редких машин. Теперь же от бывшего великолепия остался только роскошный, похожий на корабль двухместный «Роллс-Ройс», припаркованный перед домом. Милая старая дама в частном баре сообщает нам, что этим автомобилем пользовался Лоуренс Аравийский¹ во время одного из своих визитов в Лондон. Охотно ей верю.

¹ Томас Эдуард Лоуренс (1888—1935) — английский разведчик, а также археолог и писатель; с 1916 г. вел разведку в арабских странах, в 1925—1929 гг. — в Карачи, Пешаваре, на афганской границе.

* * *

Несколько порций бренди оживили грустный обед. Глория нарочно поставила маленькую бутылочку на стойку бара, когда мы пили аперитив, — она вытаскивала ее повсюду, но пока что безрезультатно. Однако на сей раз нам повезло.

Молодой и весьма привлекательный майор Королевских военно-воздушных сил подошел, сел рядом с Глорией, улыбнулся и сказал: «Ну-ну. Как я вижу, еще один сувенир от мадам Туссен? А я и не знал, что у нее все еще открыто!»

Глория тут же повернулась к нему и с улыбкой попросила: «Прошу вас, майор, помогите нам! Наш отец — знакомьтесь, это мой брат — подарил мне на счастье эту бутылочку, уезжая в армию Монти¹. Но я так и не успела спросить у него, что это за бутылочка и откуда она взялась».

Господи! Какой там брат! Однако, уверен, подобная находчивость — существенная часть очарования нашей прелестной Глории!

Мы с очаровашкой майором вежливо поклонились друг другу, и он с улыбкой пояснил: «Похоже на экспонат выставки миниатюр мадам Туссен в здании вокзала «Виктория-стейшн». Но мне почему-то казалось, что они закрыты. Впрочем, возможно, так и есть, и она распродает все по-

¹ Виконт Бернард Лоу Монтгомери (Монти) Аламейнский (1887—1976) — английский фельдмаршал; во Вторую мировую войну командовал армией в Северной Африке, которая под Эль-Аламейном нанесла поражение итало-германским войскам. В 1951—1958 гг. — первый заместитель главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе.

штучно. Жаль. У нее весьма забавное шоу, разок посмотреть вполне стоит. И выставка тоже познавательная. — Он взял крошечную бутылочку, покрутил ее в руках и поставил на прежнее место перед Глорией. — Спорить готов, ваш отец купил ее именно там».

Он помолчал, поднял глаза и уставился в бездонный омут прекрасных очей Глории.

«Могу ли я надеяться, что сегодня вечером — попозже — вы согласитесь составить мне компанию?» — спросил он.

Она покачала головой:

«К сожалению, я занята. У меня вечером деловая встреча».

«Дело в том, что сегодня мой последний вечер. Завтра мы грузимся на корабль и выходим в море. Вряд ли у меня в ближайшем будущем представится возможность провести вечер в обществе очаровательной дамы».

«Вечер еще только начался, — возразила она, вставая. — От всей души желаю вам удачи. И спасибо большое!»

«А вы постарайтесь все же посмотреть шоу мадам Туссен и развлекаться».

* * *

После обеда мы поспешили вернуться на Слоан-стрит, чтобы успеть попасть в гостиницу до начала затемнения. Прохожие на улицах тоже торопились, часто поглядывая на небо. В спину дул

влажный ветер, точно намекая, что скоро начнется дождь.

Поднимаясь по лестнице, мы держались за руки, а у дверей номера я скользнул по губам Глории легким поцелуем, и мне показалось, что в ответ губ моих быстро коснулся тут же исчезнувший раздвоенный змеиный язычок.

Мы заперли дверь, и она, вытащив из своего ридикюля бутылку коньяка, протянула ее мне и сказала:

«Вот. Можешь напоить меня до бесчувствия. Или, если хочешь, выпей все сам. Но лучше напьемся вместе!»

Я, разумеется, подчинился, совершенно очарованный нашей Медузой. Мы с удовольствием выпили несколько бокалов коньяка, поздравляя друг друга с удачной охотой и чувствуя, как отпускает напряжение. Потом еще выпили. В номере было полутемно, лишь неярко светил маленький ночник в углу. Уже началось затемнение, и нам не хотелось зажигать верхний свет, хотя занавеси на окнах были вроде бы достаточно плотными. В общем, лучшей обстановки и желать было нельзя.

Мы лениво валялись поперек кровати. Розоватые блески на новой коже Глории сверкнули, когда она неторопливо потянулась и принялась развязывать мой галстук, расстегивать рубашку и вообще — раздевать меня. Я лишь старался не разлить оставшийся в бутылке коньяк, но отнюдь не сопротивлялся прикосновениям ее нежных хо-

лодных ручек, которые отчего-то удивительно меня возбуждали. Вскоре мне пришлось заткнуть бутылку пробкой и вступить в игру более активно.

Она была странно прекрасна и прекрасно странна! Грудей у нее не было вовсе, не было даже сосков. И пупка тоже. От шеи до бедер ее ровное тело струилось, точно живая вода, и было гладким, округлым, податливым, а кожа посверкивала розовыми блестками. Она, казалось, меняла свою внешность каждую секунду, словно разговаривала со мной на неведомом мне — к сожалению! — языке.

Самое интимное место у нее напоминало бутон цветка, который чуть пульсировал во время наших страстных объятий, когда мы, сливаясь воедино, ласкали друг друга губами и языком, лгнули друг к другу всем телом, буквально пожирали друг друга, задыхаясь от наслаждения... Глория тихонько мелодично шипела — словно пела что-то на своем языке любви. Вдруг она охнула, выкрикнула что-то, и бутон раскрылся, превратившись в алый цветок, и я погрузился в самую сердцевину этого цветка, а тело Глории и ее голос запели еще громче, в унисон нашей страсти и любовной игре, высоким и чистым голосом, и голос ее плоти заставлял и меня подпевать этой дивной песне любви. Увы, слишком скоро, как мне показалось, мы оба одновременно испытали высший восторг.

Но так и остались лежать, не расплетая рук и ног, — она была по-прежнему прохладна, а я —

чрезвычайно разгорячен, в полном упоении ею... Не сразу нашел я в себе силы прошептать: «Любимая... Дорогая... Никогда прежде... никогда...»

«Ш-ш-ш. Ш-ш-ш. Ш-ш-ш. Не двигайся. Подожди».

И я умолк.

А потом вдруг понял, что вокруг делается черт знает что: выли предупредительные сирены, слышались тяжелые взрывы, громы и молнии... В здании гостиницы хлопали двери, слышался топот ног, и все ближе и ближе к нам раздавался скрипучий голос: «Воздушная тревога, дамы и господа! Воздушная тревога! Самое глубокое бомбоубежище, если пожелаете, на станции подземки Саут-Кен».

Наконец этот глашатай достиг нашего номера и двинулся дальше. Мы не обратили на его призывы внимания: то, чего мы оба так страстно желали, находилось здесь. Кончик осторожного язычка Глории медленно обследовал мои глаза, уши, лицо, рот... Ее гибкое тело словно ходило волнами, а гладкая блестящая кожа была как шелковая. Лепестки того алого цветка снова задрожали, легонько покалывая меня, заманивая обратно, возбуждая желание и давая силы... И на этот раз мне показалось, что наступило вечное блаженство...

Когда же наконец мы расцепили объятия, то шепотом пожелали друг другу спокойной ночи, уютно угнездились в теплой постели и крепко уснули.

Проснувшись, мы сперва решили, что неплохо было бы снова заняться любовью, но тут зазвучал сигнал отбоя, напоминая нам, зачем, собственно, мы оказались в Лондоне 1944 года. Мы посмеялись, пожали плечами и стали собираться с мыслями, намереваясь непременно отыскать того шалуна, который послал столь нелепый призыв о помощи. Я полагал, что все дело в странно образованной мышке с драгоценной тиарой на голове и явно развитым чувством юмора. А Глория — что это один из тех шутников, которые способны написать молитву на булавочной головке. И она оказалась права.

Такси в такую рань мы, разумеется, поймать не смогли и пошли пешком — вышли на Слоансквер, спустились по Слоан-стрит, свернули на Пимлико-роуд, дошли до Букингем-Пэлэс-роуд (местные жители называют ее еще «Бак-хаус-роуд») и наконец оказались на вокзале Виктория, мрачном, помпезном памятнике дурному вкусу викторианской эпохи.

В залах ожидания было довольно темно, свет горел лишь кое-где, однако уже царил оживление — с раннего утра начали прибывать владельцы сезонных билетов, которые, казалось, и без света ориентируются прекрасно. Во всяком случае, не хуже, чем при свете. Лондонская толпа действительно довольно-таки суетлива, так что нам пришлось побегать, пока мы не нашли то, что искали, а именно вывеску:

ЛИЛИПУТСКИЙ ЛОНДОН
МАДАМ ТУССЕН
мадам Туссен
и ее Лондон лилипутов

Вывеска красовалась на двери, выкрашенной золотой краской, и в центре этой двери была нарисована еще одна дверь, поменьше, а на ней — еще одна и т.д. Стены вокруг были покрыты толстым слоем белой штукатурки. На двери висел замок.

Мы разочарованно посмотрели друг на друга и засмеялись. Потом подошли к дверям камеры хранения и задали одетой в военную форму женщине несколько вопросов.

«Уй, точно! — залопотала она. — Туточки все заперто с тех пор, как электричество отключили да так и не включили больше, хотя генератор-то вроде как снова заработал... Мадам Тус? Чтой-то давно ее не видать. Небось, как всегда, топит свое горюшко в «Пим-Пинт-энд-Пайни-Эппл». Да вы и сами можете туда заглянуть. Это туточки, за углом. Небось не заблудитесь!»

И мы заглянули за все углы — улиц Бельгрейв, Эклстон и Элизабет, — пока не обнаружили гостиницу «Пимлико Пинт энд Пайнэппл» по адресу: Семли-плейс, 1, Вестминстер. Вот так. Нет, я не жалуясь. Даже хорошо: ведь если бы мы не потратили на поиски этого заведения столько времени, то оно наверняка оказалось бы еще закрыто. Ох уж эти идиотские законы англичан насчет торговли спиртными напитками! Зато теперь в

пивном зале гостиницы царило оживление, и нам тут же указали мадам Туссен — она сидела одна у дальней стены и топила свое горюшко в большой кружке некрепкого горького пива.

Больше всего она была похожа на двухсотфунтовую леди Макбет, одетую во что-то черное и чудовищно размалеванную. Возле пивной кружки на столике лежали аккуратно сложенные в столбики шиллинги и шестипенсовики. Когда мы сели напротив, я незаметно сунул фунтовую купюру между этими столбиками.

«Зачем кинжалы здесь? Их место там»¹, — естественно воскликнула она хорошо поставленным голосом актрисы-неудачницы. Ну еще бы! таких я узнаю сразу! — А вы кто такие?»

Я решил подыграть ей: «Мы ваши коллеги, мадам. Моя фамилия Нуайе, я продюсер из США. А это моя помощница Глория. Мы слышали о вашем замечательном шоу и специально приехали, чтобы его посмотреть».

«Увы, все закрыто! Закрыто, дорогой мой продюсер!»

«Потому что электричества нет?» — спросил я.

«Да нет, не поэтому. Электричество-то снова включили. Давно уж все починено... Вы разве сами не видите?»

«Значит, вы теперь сможете восстановить и свое замечательное шоу лилипутов?»

«Разумеется. Могла бы... Но нет! Никогда!»

¹ «Макбет», акт II. Перевод Ю. Корнеева.

Я просунул между столбиками монет еще одну фунтовую купюру. Мамаша Туссен заглотнула еще добрую порцию горького пива и тупо посмотрела на меня.

«Почему же нет, дорогая мадам?»

Она наклонилась вперед, навалившись гигантской грудью на столик, и тихим голосом, каким актеры подают «реплики в сторону» в пьесах из времен Реставрации, молвила: «Никогда не допускайте, чтобы Враг, имени которого мы называть не будем, подслушал ваши речи... Но когда то проклятое орудие нанесло удар по электростанции, полностью выведя ее из строя, осталась еще одна, последняя... — Мадам Туссен глотнула еще пивка. — Последняя, но, заметьте, очень мощная вспышка энергии, тысячи и тысячи вольт, лебединая песнь умирающей электростанции Воксхолла... Она-то и прострелила мое шоу насквозь! Сколько-то минут все двигалось и крутилось с безумной скоростью, а потом стало останавливаться, замирать, и вот наступила пора петь песню смерти... Теперь все стоит и никогда уж не оживет вновь!»

Я сочувственно поцокал языком: «Какая жалость! Проклятые любители тушеной капусты непременно за это ответят!»

«Я же просила вас имени Врага вслух не произносить!»

Я подсунул ей еще одну купюру и сказал: «Не будет ли с нашей стороны слишком большим нахальством, мадам, попросить вас показать нам

ваше шоу? Живо оно или мертво, но мы чувствуем, что могли бы многому у вас научиться — в общетеатральном, так сказать, смысле. Кто знает? А вдруг в Америке под вашим руководством это шоу сможет возродиться снова? Как вы на это смотрите?»

Она смела деньги со столика в расшитую бирсером сумочку, быстро допила пиво и решительно встала: «Идемте».

Мы двинулись за ней следом. Я успел внимательно посмотреть на свою возлюбленную — интересно, читает ли она мои мысли? А думал я о том, что последний всплеск энергии умирающей электростанции каким-то образом, видимо, наделил миниатюрные существа некоей псевдожизнью, превратив их в подобие роботов. Я уже видел перед собой крошечные автомобильчики, автобусы и поезда, которые движутся по привычным маршрутам, тогда как крошечный народец лилипутов-автоматов заперт в клетки и один из его представителей передает на волю сигналы SOS...

На вокзале Виктория «леди Макбет» отперла дверь своего театра, и мы вошли. Она включила свет: мы находились в небольшой прихожей; туда же выходило окошечко офиса, надпись над которым гласила: «Вход с 2-х до 6». Далее виднелась дверь, которая вела в просторную галерею, огибавшую по периметру огромный круглый стол, диаметром по крайней мере футов двадцать. Вокруг стола амфитеатром располагались места для

зрителей. Мы влезли туда, прошли в последний ряд и посмотрели вниз.

Это была замечательная и очень эффектная модель центра Лондона. Паддингтон, Сент-Мэриле-Боу, Кенсингтон, Вестминстер, Фулем, Челси; улицы, дороги, аллеи, конюшни, дома... Я узнал магазин «Питер Джоунз» и отель «Кадоген». На улицах было оживленно — машины, автобусы, трамваи, поезда, множество людей; люди даже высывали головы из окон... Но — увы! — все было неподвижным, застывшим, покрытым пылью... Не видно было даже мышинных следов.

Глория сжала мою руку, желая меня подбодрить, и взяла инициативу в свои руки.

«Какой великолепный театр, мадам! Нельзя ли узнать, кто был у вас декоратором?»

«Мой сын, Келли. Келли Таусер. Это он все придумал и построил».

«Но я думала, ваша фамилия произносится Туссен...»

«Да, но в целях рекламы я изменила фамилию. Это чисто профессиональное. Вы только представьте себе, как фамилия Таусер, ярко освещенная огнями, может смотреться над крышей театра в Вест-Энде!»

«Да, это мне понятно. Мы у себя в Штатах тоже так делаем, — сказала Глория. — А можно нам взять у вашего сына интервью?»

«Зачем это?» — Голос мадам звучал неприязненно.

«Но если мы договоримся с вами насчет переезда в Штаты, то нужно же нам знать, каково мне-

ние вашего сына по этому поводу. Захочет ли он с нами сотрудничать?»

«Ну...»

«В любом случае нам потребуется по крайней мере еще десяток таких бутылочек. — Глория вытащила пузырек из кармана. — В качестве подарков для потенциальных спонсоров. Люди должны видеть, во что они вкладывают свои деньги!»

Это все и решило.

«Идемте. — Мадам выключила свет, заперла зал и повела нас куда-то — прочь от вокзала. — Мы живем в Конюшне Пуле. Вот только общаться с моим мальчиком вам будет, пожалуй, трудновато».

«Вот как? Почему же?»

«Он хронически застенчив».

«Это не такая уж редкость среди артистов».

«У него особые причины».

«Да? И какие же?»

«Он у нас... Мальчик с пальчик!»

«Неужели карлик?!»

«Да. Ну вот мы и пришли». — Мадам отворила дверь небольшого конного двора и стала подниматься по лестнице. На самом верхнем этаже она особым образом постучалась.

Вскоре из-за двери раздался тонкий, писклявый голосок: «Это ты, мама?»

«Да, Келли, — сказала мамаша Туссен, — и я привела очень милых шоуменов из Америки, которые хотят с тобой познакомиться».

«Нет! Нет! Ни за что!»

«Они хотят взять нас на работу, Келли, и увез-

ти с собой, чтобы мы в Америке создали новое шоу лилипутов!»

«Нет, мама, нет!»

«Ну довольно, Келли, тебя же мать просит! Неужели ты, сынок, помешаешь мне завоевывать американскую сцену?»

Наконец дверь отворилась, и мы увидели прекрасную студию. Это было чердачное помещение без окон, зато окна были сделаны прямо в крыше, так что над головой сияли небеса! Прямо под этими небесами стоял огромный, заваленный всякой всячиной рабочий стол и возле него — высокий стул. Стены сплошь были увешаны полками, где было столько всего, что в глазах рябило: разные куклы с исключительно живыми лицами, куклы-марионетки, заводные автомобильчики и поезда, дома, мебель, замки, монеты — и все миниатюрное, крошечное!

Едва успев оправиться от первого ошеломляющего впечатления, мы получили не менее ошеломительный удар. Стоило нам войти в студию, как перед нами возник Келли Таусер. Он, возможно, и казался Мальчиком с пальчик своей шестифутовой двухсотфунтовой мамаше, однако был отнюдь не карликом. Действительно невысокий, чуть больше полутора метров ростом, и коротко подстриженный, он был одет в хлопчатобумажную рабочую рубашку и вельветовые узкие штаны. Лицо его я разглядеть не сумел — его скрывало хирургическое зеркало на лбу, которым он пользовался для работы.

Я протянул ему руку.

«Спасибо большое, что позволили зайти к вам, Келли. Мое имя Нуайе».

Он не пожал мне руку. Пожалуй, он действительно был хронически застенчив и судорожно стиснул руки за спиной. И тут нам все стало ясно! Резким движением заведя руки за спину, он распрямился, выпятил грудь и... стали ясно видны два отчетливых холмика под ковбойкой.

«Святой боже! — воскликнул я. — Так Келли — девушка!»

«Келли — мой сын! — заорала «леди Макбет». — У него чисто мужская ориентация! И всегда таковой останется!»

Мы не обратили на эту дуру внимания. Глория подошла к перепуганной девушке, издавая тихое успокаивающее шипение. Очень нежно она сняла у Келли со лба хирургическое зеркало, и стало видно ее лицо. Да, это была самая настоящая девушка, и даже уже не очень молоденькая — ей, видимо, было около тридцати. Она, пожалуй, была даже хорошенькой, но сейчас ее личико исказилось от смущения и страха.

Мамаша Гуссен продолжала вопить:

«И Келли обретет успех в театре, где всем управляют мужчины, а потому ни одна женщина успеха добиться не может! Он станет звездой и сыграет в новых спектаклях — чертенка Пака в «Сне»¹, Оливера Твиста, Тома Сойера. Его имя будет, будет светиться над крышами театров! КЕЛ-

¹ Имеется в виду пьеса Шекспира «Сон в летнюю ночь».

ЛИ ТУССЕН! А тогда и мое имя станет бессмертным!»

Но для нас ее вопли были просто звуковым фоном. Глория вытащила крошечную бутылочку из-под шампанского.

«Келли, дорогая, это вы сделали такой прелестный сувенир? — В ответ последовал молчаливый кивок. — И вы оставили его у нас на крыльце? — Еще один кивок. — И вы написали эту замечательно правдоподобную историю? И просили о помощи?»

Лицо Келли просветлело: «В-в-вам понравилось?»

«Очень! Но почему вы это сделали?»

«Чтобы привлечь внимание».

Я тихонько сказал: «А вот это уже слова настоящего профессионала! Это я понимаю! Сперва нужно завоевать внимание — неважно, как именно! А Келли наше внимание завоевать, безусловно, удалось! Примите мои поздравления».

«Спасибо. — Она даже сподобилась улыбнуться и тут же от смущения прикрыла рот ладошкой. — Было очень забавно сочинять все это».

«Но если вам нужна помощь, почему же вы не вошли и не попросили ее?» — спросила Глория.

«Я боялась. Все это было так странно и так отличалось от здешней жизни...»

«Но теперь-то вы скажете, какая помощь вам требуется?»

Ее ответ был последним сюрпризом. Келли вся так и вспыхнула. «Я хочу быть большой! —

выпала она, указывая на свою мать. — Больше, чем мама! И чтобы она наконец перестала торчать у меня за спиной!»

— Нет, — сказал Адам, — не хочешь ты становиться крупнее чисто физически, дорогая Келли! Так твоей проблемы не решить, да и в любом случае этого я тебе дать не могу. Придется тебе удовольствоваться тем, что ты так и останешься очаровательной крошкой, *petite fille*, так сказать, и будешь отлично сознавать, что столько женщин вокруг мечтают поменяться с тобой своим ростом.

Вот это да! Ах, коварный леопард-обольститель!

— Зато я могу тебе дать, — продолжал наш Магнетрончик, — силу мысли, и мысли твои будут куда более самобытными и прекрасными, чем у этой курицы, твоей матери, которая, по словам Альфа и Няни, обладает мозгами типичной провинциальной актрисенки. Ты будешь мыслить куда яснее и легко станешь находить ответы на любые вопросы, так что мадам Туссен останется только подавляться! — Он в очередной раз растерянно посмотрел на меня: — «Подавляться», Альф? Так можно сказать?

— Скорее «удивляться».

— Спасибо. Итак, дорогая Келли, знаешь, что мне от тебя нужно в обмен на все эти качества?..

Она, не шевелясь, сидела на диване, слишком смущенная, чтобы поднять на него глаза. Но услышав его последние слова, встрепенулась, затаила дыхание и пролепетала:

— Ч-что?

— Но это всего лишь одна небольшая услуга!

— В-вы хотите, может быть, чтобы я с-сделала вам какие-то макеты? Или кукол?

— Не совсем. У нас есть некий объем закодированной информации, которую мы никак не можем извлечь. А с вашим опытом работы с миниатюрными объектами и с вашей ТЕПЕРЕШНЕЙ гениальностью вы, вероятно, сможете нам помочь... Видите, этот микрочип поврежден, а нам совершенно необходима содержащаяся в нем информация, так что вы должны постараться его починить.

— Значит, у тебя ничего не вышло? Даже с помощью Шрдлу? — спросил я.

— Нет. Он безнадежен! Это как раз он и повредил чип.

— А где он сейчас?

— Отправился в Библиотеку Конгресса, на ходу декламируя стихи Кольриджа, Мэттью Арнольда, Артура Саймонса, Суинберна, Томаса Элиота, а также швыряясь цитатами из произведений всех известных литературных критиков. Он будет одним из самых больших зануд среди всех известных докторов филологии! — Адам повернулся к Келли: — Так вы попытаетесь помочь нам, дорогая? Это будет нелегко, и у вас может ничего не получиться, но это неважно. Победите вы или проиграете — все равно цена будет вами уплачена! И это будет ваше последнее занятие... э-э-э... миниатюрными делами. Я помогу вам сменить их на что-нибудь... побольше.

— Я попробую, мистер Мазер. — Я с трудом расслышал ее тихий голосок.

— Вам это покажется довольно странным, Келли, — сказал Адам, галантно помогая девушке встать с дивана. — То, что мы просим вас починить, в те годы еще не было даже изобретено. Это такая мини-память с огромным количеством ячеек, в которых хранится всякая информация. Вы внимательно обследуете микрочип и постараетесь найти поврежденные ячейки. А теперь пройдемте вот сюда. — И он повел Келли к Дыре, крикнув мне на ходу: — А тебе, Альф, возможно, кое-что и удалось, но на всякий случай все-таки постучи по дереву!

— Кому какое дело? Я способен оказать достойное сопротивление любому чудовищу — творению этого Калиостро!

— Ах-ха-ха! Ох-хо-хо! Значит, вы с ней окончательно спелись! — И скрытая панелями дверь захлопнулась.

— Это ты ему ультранула, Глория? — спросил я.

— «Ультранула»? Как это?

— Рассказала с помощью ультразвука.

— Нет! — засмеялась она. — Он заметил, как ты переменялся, и сам догадался.

— Я переменялся?

— Удивительно! Ужасно! Потрясающе!

— А ты?

— Удивительно! Ужасно! Потрясающе!

— Да. Я чувствую себя так, словно обнаружил истоки Нила.

— А я чувствую себя как обнаруженный тобой Нил!

Мы сели. Глория устроилась у меня на коленях, сцепив мои руки у себя на талии и тесно прильнув ко мне.

— Я люблю тебя, люблю, люблю, — шептал я. — Ты моя первая и единственная любовь!

— И ты моя первая. Моя САМАЯ первая!

— Не надо шутить.

— Но это так и есть.

— Может, ты еще и девственницей до меня была?

— Да, была.

— Вот как? А я думал...

Она закрыла мне рот поцелуем. Ее трепещущий раздвоенный язычок скользнул по моим губам... Мы все еще пылали страстью, когда из Дыры появились наконец Адам и Келли. Но мы и не подумали переменить позу, пока Келли не произнесла резковатым, чуть ломким голосом:

— Ну все, дело сделано. Можешь отдавать в проявку. — Мы с Глорией мгновенно разомкнули объятия и уставились на нее.

Она по-прежнему была в своих вельветовых штанишках и старой ковбойке, но внутри у нее теперь отчетливо чувствовалась такая сила, что мне даже стало страшно за судьбу ее матери. Да и всего остального мира тоже.

— Большое спасибо, Мазер, — сказала она. Теперь ее слышно было просто отлично. — Я была полной дурой, тратя время на такое дерьмо, как это ублюдочное лилипутское шоу. Ведь Вторая мировая война только и ждет, когда о ней начнут снимать фильм — документальный сериал!

На студии, принадлежащей компании «Таусер филмс». Я, пожалуй, сделаю три части — война в воздухе, на море и на земле. По часу каждая. Единственная проблема — первичное финансирование. Хотя я думаю, что сумею уговорить Би-би-си предоставить мне кредит и кое-какие скидки. «Годы, которые высекли мир» — неплохое название. Тысячи действующих лиц... Ладно, всем привет. Чао!

И она исчезла.

— Господи Иисусе! Ничего себе — «всем привет!» — Я прямо-таки ошалел.

— Да, недурная перемена! — усмехнулся Адам. — Я даже начинаю гордиться своей меняльной лавкой.

— Она сумела устранить повреждения?

— Угу. И теперь у нас есть отличная основа для создания искусственного интеллекта.

— Но каким «большим Я» ты заменил ее комплекс неполноценности? Запихнул в ее головку мозги и находчивость Сесила Б. Де Милля?¹

— Нет, Ф.Т. Барнума².

— Ничего себе! Тогда вполне возможно, что в список этой «тысячи действующих лиц» будет включено целое слоновье стадо.

— И все слоны будут носить кличку Джумбо³!

¹ Сесил Блаунт Де Милль (1881—1959) — американский кинорежиссер и продюсер, ориентированный на запросы массовой аудитории. Автор мелодрам, вестернов и комедий.

² Финеас Тайлор Барнум (1810—1891) — американский шоумен, владелец знаменитого цирка.

³ Кличка огромного слона в шоу Ф.Т. Барнума.

— Одного я понять не могу, — сказал я. — Ей ведь явно ничего не стоило с помощью одного-единственного желания добраться сюда, так почему же она ждала столько лет?

— Из-за страха, Альф. Это все страх Неведомого. Именно он чаще всего тормозит все сокровенные желания.

ГЛАВА 4

СЕМЕРО ОТЛИЧНО ПОВЕШЕННЫХ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ

Позднее, когда Адам отправился в Олдувайское ущелье¹, чтобы примерно за миллион лет до сегодняшнего дня попытаться отыскать там источник происхождения Коллективного Бессознательного, я спросил Глорию, где здесь главный Рубильник. Я понимал, что здесь просто должна быть какая-нибудь такая штуковина, иначе даже наш Магнетрон, наш великолепный Загадочный Кот вполне мог бы заблудиться в глубинах времени-пространства. Ведь и мы, мошенники, тоже должны иногда отдохнуть, верно?

Глория отодвинула стоявшую в нише изысканную бледно-голубую китайскую вазу, и за ней на стене оказался весьма простой выключатель. Я протянул руку и повернул его. Ничего вроде бы не изменилось... но изменилось все! Посто-

¹ Ущелье Олдувай (или Олдувайское) — в Танзании, где были обнаружены предметы древнейшей (ок. 2,5 млн. лет) культуры каменного века.

янное поле сингулярности в одну секунду породило идеальный «прерыватель Дедекинда»¹, который и давал нам возможность существовать как бы в безвременном пространстве, где можно было бездельничать, есть, пить, заниматься сексом, принимать душ, выманивать у клиентов деньги и снова делать все это без малейшего ущерба для клиентов — ни одному из них не пришлось ждать (да этого попросту и не могло случиться), пока мы пребывали в комнате Глории на самом верху, куда вела чугунная лестница и где по стенам были развешаны все ее прежние кожи.

— Целая галерея Глорий! — заметил я, погладив ближайшую ко мне кожу.

— И, между прочим, постоянно обновляющаяся, — заметила она, — на радость человеку и зверю. Ляг со мной в постель, о Альф тысячи звезд! Разве не ждала я терпеливо там внизу этих мгновений?

— О да! — сказал я, целуя ее снова и снова.

Несколько раз я пытался встать с нашего ложа, но опять падал как подкошенный в ее объятия, погружаясь в глубину ее глаз, и меня приветствовало ее тихое ласковое шипение, похожее на шелест волн какого-то древнего моря... приветствовало и увлекало — куда-то вниз, вниз...

...И мерещились мне чугунные ступени под моими босыми ногами, неясные, далекие, и сла-

¹ Юлиус Вильгельм Дедекинд (1831—1916) — немецкий математик, давший обоснование теории действительных чисел.

бо освещенная комната, которую я миновал и вышел в огромную дверь, ощупью продвигаясь по темным коридорам, где стены были украшены странными произведениями искусства, исполненными сексуальной агрессивности и насилия. Указателями мне служили отметины могучих когтей леопарда, и я старался не отступать от тропы, ведущей меня между «одевающим» и «раздевающим» полями...

...пока не пришел туда, где висели те семеро, колышемые неощутимым ветерком, — на самом деле, кажется, это было первым проблеском в осознании мною реальности, а все остальное... все остальное — лишь отпечатки в памяти первых впечатлений моего посещения этого странного места... Что-то было в этом поле такое... Не знаю, как оно работало, но лучше было туда вообще не входить!

Я сделал еще несколько шагов вперед. Нагнулся, коснулся чего-то и почувствовал смертный холод...

То была его рука. Я крепко ее сжал — не знаю, был ли то художник Пьетро или крестonosец, уверенным я быть никак не мог... — и повернул тело так, чтобы слабый свет впереди меня...

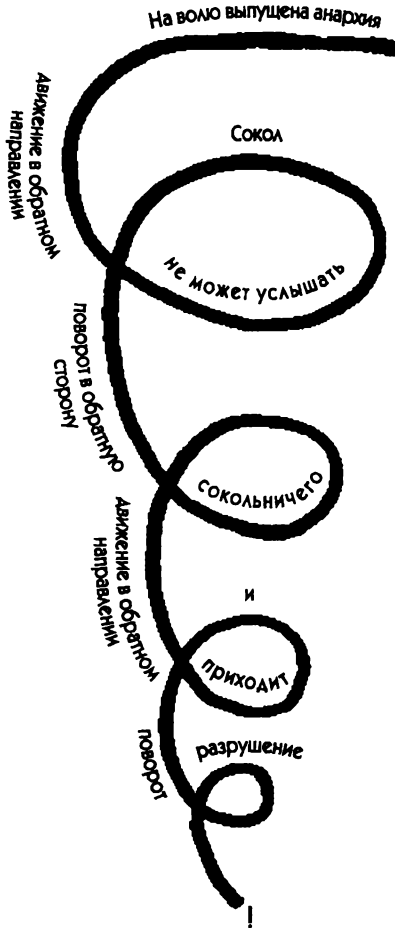
— С-с-с-с! Альф! Что ты здесь делаешь? — Я почувствовал на плече руку Глории. — Ты ходил во сне! Как лунатик! Пойдем скорее отсюда!

Она крепко вцепилась в мое плечо — как и я сам в руку своего повешенного приятеля. Благо-

даря нашим объединенным усилиям он наконец повернулся так, как нужно...

Я тут же выпустил его руку.

— Что это? Сон? — спросил я в ужасе, когда свет упал повешенному на лицо.

Это было мое лицо! У повешенного, вращавшегося передо мной в бледном свете, было мое лицо!

— Господи, Глория, с какой это стати наш дорогой Котик подвесил на мясной крюк моего двойника?!

— То, что он рассказал тебе об этих людях, чистая правда. Просто вот этот случайно оказался похож на тебя.

Я пробежал чуть дальше, понимая, что теперь вполне смогу еще некоторое время выдержать этот холод, и схватил за ноги следующего. Я резко повернул его, и передо мной вновь оказалось мое собственное лицо! Я перешел к третьему повешенному, перевернул... То же самое! И у четвертого тоже, и у всех остальных... Я упал на колени.

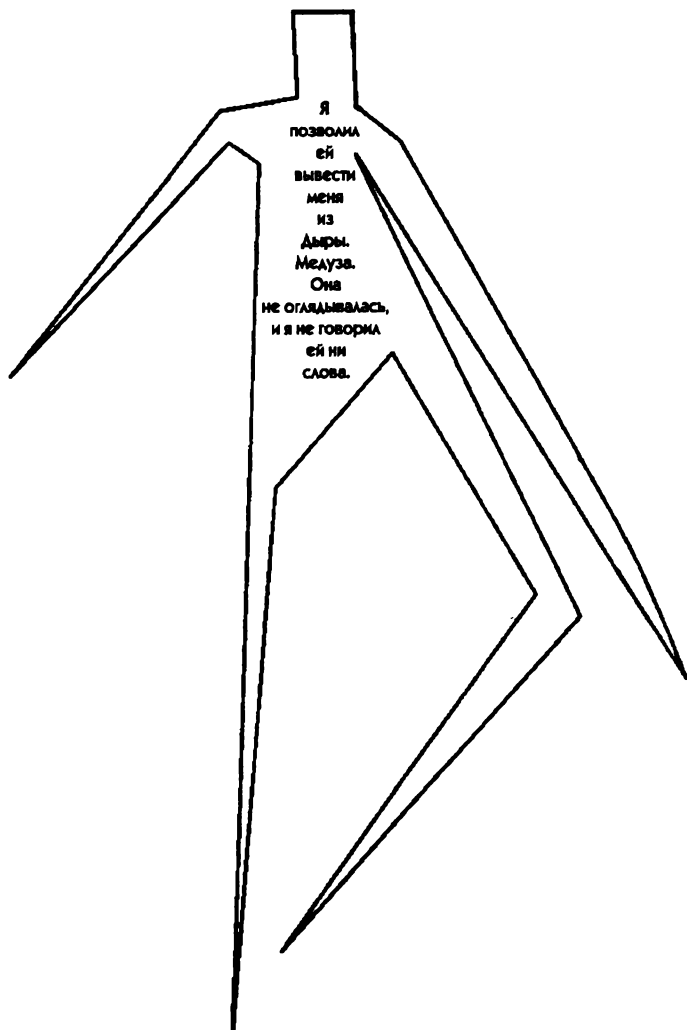
И почувствовал, что она обнимает меня за плечи.

— Все! Что это, Глория?! Он что, коллекционирует покойников, похожих на меня? Или ждет, не стану ли я номером восемь? Может, мне пора бежать отсюда, пока не поздно? Впрочем, разве сбежишь от человека, который может последовать за тобой куда угодно? Что ему нужно? Зачем они здесь?

— Прежде всего мне необходимо вывести тебя из этого поля! — Она крепко подхватила меня под мышки и поставила на ноги. — Пойдем скорее.

— Сперва скажи!

— Я все непременно расскажу тебе, если сейчас ты пойдешь со мной, хорошо?

* * *

— Мне очень жаль, Альф, что ты все это понял сам. Он собирался сказать тебе — когда узнает тебя получше.

— Значит, вы обсуждали мой случай?

— Да-с-с-с.

— И я полагаю, в моем присутствии? Общаюсь с помощью ультразвука?

— Да-с-с-с.

— Но что это все-таки такое — то, что я, как ты говоришь, «понял сам»? Я ведь по-прежнему ничего не понимаю!

— То, что ты являешься частью чего-то — и, возможно, очень опасного! — что воздействует на него и на все это место. Он хотел обследовать тебя, понаблюдать за тобой, узнать, не обозначишь ли ты как-то свои планы относительно нас. Только после этого он мог бы рискнуть поговорить с тобой.

— Рискнуть? Так что же, он меня боится?

— Это так и есть.

— Но извини, он ведь куда умнее, сильнее, старше и мудрее меня — если отвлечься от всей этой чепухи насчет четырех клонов-близнецов — и, возможно, обладает куда более развитой, абсолютно звериной, я бы сказал, хитростью. Возможно к тому же, он еще более безумен, чем я...

— У него нет возможности просто узнать, что именно у тебя на уме. Ведь ты можешь даже оказаться во всем ему равным, но умело это скрывать. Ты можешь также оказаться одним из тех

спецнаблюдателей, которые следят за его ростом и развитием... Или же — у тебя могут быть куда более мрачные цели... Вот почему он решил ввести тебя в курс наших дел — а он этого ни для кого другого раньше не делал! Ему просто необходимо было понаблюдать за тобой и попытаться найти разгадку к твоей возможной «легенде».

— И ты ему в этом помогаешь?

— Конечно.

— Ну и как? Узнала что-нибудь, чем стоило бы с ним поделиться?

— Пока нет. Ты меня совершенно сбил с толку! Ты мне кажешься именно тем, кем хотел бы казаться — способным журналистом с высокими и довольно дорогостоящими запросами, который сам себе выбирает задания по плечу, весьма любознательным, легким в общении, неплохо образованным и обладающим несколько абсурдным чувством юмора. Но только нам известно, что за этим, по всей вероятности, таится нечто существенно большее — если только (и только если!) вас действительно не восемь человек!

— Но это место действительно притягивает все сверхъестественное, Глория. А что, если я являюсь частью некой синхронной системы, которая повторяется на протяжении многих лет, обеспечивая тем самым фатальное вовлечение самых разных любознательных парней, которые и внешне на меня похожи?.. Послушай-ка, а ты случайно ни в кого из них не была влюблена прежде?

Она засмеялась.

— Кто знает?.. Возможно, много моих кож назад...

— Или много твоих девственностей назад, да? Мне, например, мысль о том, что я лишь временно удовлетворяю твои эмоциональные и физические потребности, довольно-таки неприятна. Мы, твои многочисленные любовники, похожи на череду важных гостей, по одному проходящих перед хозяйкой дома. Между прочим, такое положение вещей слишком многое раскрывает в нас обоих...

— С-с-с-с. Но это так романтично! Вечно возвращающиеся поклонники...

— ...И те, другие, видно, не лучше меня разбирались в особенностях этой вашей Дыры? Что также говорит немало о моей предполагаемой «суперинтеллектуальности».

— Ни о чем это не говорит. Мы еще ничего не знаем, Альф.

— Называй меня просто: Альф Восьмой.

Она снова, чуть присвистывая, рассмеялась, продолжая массировать мое правое плечо.

— Альф только один!

— Вот как?

— Вы все — это один и тот же человек!

— Не понимаю.

— Когда несколько наших клиентов уже качались здесь на крюках, Адаму наконец пришло в голову сравнить различные виды их тканей...

— И что?

— Все клетки оказались генетически идентичными! Это клоны, Альф!

— И я тоже клон?

— Да, нам удалось идентифицировать и твой тип. Ты такой же, как они.

— Ты уверена, что я клон?

— С-с-с-с. Ну, я не знаю... Возможно, ты оригинал, а все остальные просто принадлежат к твоей группе поддержки. Или являются твоими разведчиками. Возможно, каждый из них уже сумел извлечь достаточное количество информации, и ты каким-то образом контролировал данный процесс. Возможно, наконец, что теперь ты вполне готов действовать сам...

— Но это же сушая нелепость! Что значит «действовать»? Каким образом? Против кого? Ради чего?

— Откуда мне знать? Возможностей так много... Это место уникально. Оно представляет возможность обрести могущество, знания, осуществить любое свое желание... Однако никто не может сказать, какова твоя конкретная цель.

Я покачал головой:

— Чушь какая!

Она придвинулась ко мне, плавно обвила меня своим гибким телом и сказала:

— Тогда пусть эта загадка так неразгаданной и останется. Возможно, еще появятся и девятый, и десятый, и когда-нибудь все разъяснится. А пока, по-моему, лучше нам прислушаться к голосу плоти. — Ее язычок коснулся моей щеки, и мне этот аргумент показался чрезвычайно убедительным. Вскоре наши тела опять сплелись в тесный

узел, который, как мне было совершенно ясно, я уже никогда не сумею развязать без посторонней помощи. И это в значительной степени лишь делало наслаждение еще более острым.

Лишь позднее, уже почти засыпая, я осознал, что они держали все мои чувства и мысли как бы в постоянной осаде, пока я находился в их обществе. Мне хотелось на свободе обдумать эту мысль, однако волны усталости захлестывали меня...

А когда я проснулся, то в постели оказался один.

Спустившись по лестнице, я вышел в вестибюль. Рубильник, спрятанный в нише за китайской вазой, по-прежнему был в нерабочем положении, и я двинулся к двери, желая узнать, что произошло за это время. Если открывать ее в условиях абсолютного безвременья было довольно-таки рискованно, то, как я полагал, она, в связи с отключением Рубильника, должна оказаться запертой.

Но дверь отворилась.

Небольшой дворик перед крыльцом был окружен стеной густого белого тумана. Я вышел наружу и, озираясь, спустился с крыльца. Был ли то настоящий туман или же некий продукт мыслительной деятельности — не знаю. Такой туман

бывает порой в голове, когда мозг сталкивается с неким фундаментальным физическим парадоксом...

Я сделал шаг вперед, не чувствуя ни малейшего холода, хотя был совершенно наг.

— Глория? — окликнул я ее, чувствуя, как приглушенно звучит мой голос. — Ты здесь, моя дорогая змейка?

Ответа не последовало. Я сделал еще шаг, и мне показалось, что мимо практически над самой землей проплывает нечто огромное и темное.

— Глория! — снова позвал я ее. — Давай лучше вернемся в дом!

Я уже собрался это сделать, но тут кто-то схватил меня за лодыжку. Я споткнулся, посмотрел вниз и увидел, что за ногу меня держит чья-то тонкая бледная рука, вынырнувшая откуда-то из кучи тряпья, валявшегося у нашего крыльца.

— Нет! — донесся оттуда чей-то резкий окрик. — Не смеешь ты и шагу сделать, не зная, кто перед тобой!

— Но я просто ищу свою подружку, Глорию... Я думал, может, она сюда пошла...

— Никто не выходил отсюда с тех пор, как это место осквернено тобой было!

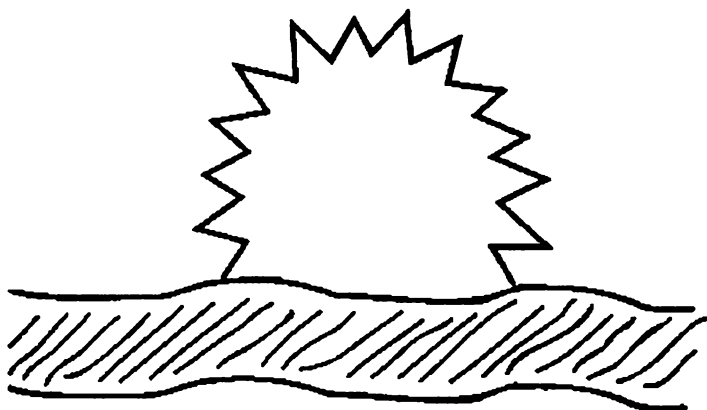
— Ну ладно вам! Может, все-таки выпустите мою ногу?

— Я не уверен, не уверен... Ведь ты, меня совсем не зная, мог бы пойти и дальше, верно?

— А что, если пойду?

— Ну, здесь тебе не просто улица, несчаст-

ный! — быстро возразил он. — Тут так просто дальше не пройти! — С этими словами из-под кучи вынырнула вторая рука, в которой оказалась бутылка. Затем оттуда же появилась заросшая волосами голова. Физиономия этого типа была мне совершенно незнакома. Пьяница выжал из бутылки несколько последних капель прямо в свою разверстую пасть, негромко рыгнул и поставил бутылку перед собой на землю. — Прикрой глаза рукой, — велел он, кривя рот. И как раз вовремя.

Какая-то беззвучная и невероятно яркая вспышка рассеяла туман, и я почувствовал мощный поток пронизавшего меня неведомого излучения.

— Какого черта!

— Поток фотонов, — пояснил пьяница. — Мы решили: да будет свет!

— Между прочим, я видел, как тут что-то черное пролетело. Очень низко, — буркнул я сквозь зубы.

— А, это старый Уроборос кружит.

— Что ты мне сказки рассказываешь!

— Человек — млекопитающее, способное создавать метафоры. В этом и заключается секрет его успеха.

Я поморгал — в глазах у меня вдруг потемнело. А когда это отвратительное ощущение прошло, спросил:

— А ты сам-то кто?

— Уртч.

Рука его казалась тонкой и немощной, однако по-прежнему сжимала мою лодыжку как кандалами.

— Может, все-таки отпустишь меня? Помому, ты достаточно ясно обозначил свою цель. Однако ты, похоже, слишком много знаешь для обыкновенного старого пропойцы.

— Уличная мудрость, купленная ценой страданий, — заметил он и отпустил мою ногу. — Но если ты признаешь, что кое-чем мне обязан, то ловлю тебя на слове.

— Чего же ты хочешь? — спросил я, наклоняясь и осматривая свою ногу.

— Сходи в дом и принеси мне полную бутылку вина вместо пустой.

— Черт побери, но ты же и сам можешь войти, взять любую бутылку и выпить ее прямо в доме! — сказал я. — Кстати, там будет куда удобнее...

— Нет, это моя улица, и по-настоящему я счастлив только здесь!

— Ну ладно, — согласился я. — Погоди минутку.

В легком фиалкового цвета тумане, заполвшем и в дом, я отыскал оплетенную бутылку «Руффино Кьянти», откупорил ее и вынес ему.

— «Кьянти» сойдет, Уртч?

— Вполне. — Он протянул руку и взял бутылку. — Как тебя зовут, малыш?

— Альф.

Он сделал добрый глоток и вздохнул.

— А теперь тебе лучше пойти и поискать свою милую, Альф.

— Да, пожалуй. Пожалуй, так будет лучше. — Я закрыл дверь и пошел в глубь дома, к Дыре, испытывая самые дурные предчувствия.

Открыв дверь, я вошел туда, спустился вниз, снова поднялся наверх, и вскоре мне показалось, что я отбрасываю не одну, а куда больше теней. Я прошел довольно далеко, но увидел Глорию, лишь когда оказался там, где висели семеро Альфов. Она стояла справа от них и чуть в стороне; руки ее странным образом двигались, словно она управляла неким невидимым устройством...

— Глория, зачем ты сюда вернулась? И что это ты делаешь?

Последовало громкое звяканье — точно поворачивали ключ в замке огромного шкафа. Я подошел ближе.

Глория медленно повернулась ко мне и сказала:

— Ты знаешь, из-за тебя я совершенно выбилась из графика! Вот проснулась и вспомнила, что совершенно пренебрегла некоторыми своими обязанностями...

Я метнулся мимо нее — туда, где только что двигались ее руки. Но ощутил одну лишь пустоту.

— А где же оно? — спросил я. — Где это обрудование?

— Мы держим его в кладовой — в других пространствах. Я вывела то, что мне было нужно, на свою рабочую подстанцию, а когда закончила, вернула на место.

— Но почему — именно сюда?

— Потому что я много об этом думала. — Она мотнула головой в сторону семи повешенных и пояснила: — Мне не давала покоя проблема восьми Альфов!

— Выяснила что-нибудь?

— Нет. А ты сам ничего не хочешь мне поведать?

— Нет.

Она взяла меня за руку и мягко повернула лицом туда, откуда я пришел.

— Что ж, в таком случае мы квиты. — И ее соблазнительное бедро скользнуло по моему бедру.

И снова меня охватила растерянность, но я постарался с ней справиться и сказал:

— Я, между прочим, сперва искал тебя на улице. И возле крыльца встретил одного старого пьяницу, очень интересного. Его зовут Уртч.

— Это невозможно! — покачала она головой.

— И тем не менее он там был. Продемонстрировал мне поток фотонов. И вовремя остановил меня, чтобы я в такой же поток не превратился.

— У тебя, должно быть, галлюцинации, Альф! Там снаружи ничего быть не может.

— Но он был — у самой двери, на крыльце. И я тоже там некоторое время простоял, все туманом любовался. Я абсолютно уверен, что все это было на самом деле.

— Но все же...

Мы как раз выходили из Дыры, и я, схватив ее за руку, решительно направился к входной двери.

— Идем. Я подумал, что мне еще кое-какие вопросы ему задать хотелось бы.

На крыльце никого не было, хотя клочья тумана умудрились просочиться даже в вестибюль. Теперь туман стал таким густым, что практически ничего в нем различить было невозможно.

— Не может быть! Он же был здесь буквально несколько минут назад!

— Уртч. Странное имя.

— Я также видел спину змея Уробороса.

Кончиками пальцев правой руки она быстрым спиралевидным движением провела вниз от точки между глазами к подбородку.

— Великий предок! — пробормотала она. — А этот... он что же... сказал что-нибудь особенное?..

— Нет, — отвечал я. — Просто заставил меня стащить у вас бутылку вина и сообщил, что ты на улицу не выходила.

— Интересно... А не мог ли он забраться в дом? — вдруг спросила она, нервно озираясь.

— Не думаю. Я приглашал его зайти и с большими удобствами посидеть и выпить вина, но он отказался, заявив, что предпочитает пить на улице, на СВОЕЙ улице.

Она покачала головой и что-то тихонько прошипела. Потом тщательно заперла входную дверь и принялась обыскивать дом. Я помогал ей — мы искали всюду, кроме самых дальних глубин Дыры.

— Уртч, Уртч, — словно звала она время от времени.

— Так ты все-таки видела его?

— Нет, дело не в этом... Это я так просто...

Мы проверили все шкафы и кладовые, осмелившись даже зайти в комнату Адама, — там было на удивление чисто и аккуратно прибрано; комната выглядела почти как монашеская келья. Но Уртч нам так нигде и не попался.

Наконец мы вернулись в комнату Глории и тут же полностью отвлеклись от мыслей об Уртче. Ну а потом я уже не в состоянии был ни о чем думать и что-либо замечать...

— Проснулся? — тихо спросила Глория, медленно скользя вдоль моего правого бока.

— Да. А знаешь, красотка, ты здорово мне подходишь!

Она захихикала. Потом погладила меня по голове и шепнула:

— Взаимно. Ну что, давай включим Рубильник и вернемся в лавку?

— Ни за что! Мы останемся здесь. Не знаю, готов ли я продолжать столь приятные занятия, но ведь можно и просто поговорить, правда? Пусть мое брненное тело отдохнет и само решит, готово ли оно вновь предаться плотским утехам.

— Поговорить? Хорошо. Конечно. Начинай.

— Вот только с чего начинать-то? Здесь столько всяких загадок...

— Так и должно было быть. Но это всего лишь интеллектуальный мусор — остатки разных несерьезных головоломок, скопившиеся за долгие годы.

— Тогда давай начнем... с этих «долгих лет». Насколько они «долгие»? Ведь лавка существует по крайней мере со времен этрусков, верно?

— Да.

— И Адам прибыл сюда из далекого будущего, чтобы устроить здесь нечто вроде меняльной лавки?

— Да. В точности как он тебе и рассказывал.

— И с тех пор вы живете здесь, двигаясь вдоль нашего вектора времени и заключая самые разнообразные сделки? В течение всей нашей истории?

— Да, это так.

— И Адама его создатели оценивают по тому, насколько хорошо он ведет здесь дела?

— И это верно.

— И его послали сюда, потому что у него не-

вероятно высокий коэффициент умственного развития, а также имеется множество иных, самых разнообразных и невероятных талантов?

— Ну да. И поэтому тоже. — Она медленно переползла через меня.

— Значит, ваш возраст исчисляется столетиями... точнее, тысячелетиями?

— Но мы же тебе говорили!

— Ну да, считается, что вы из двадцать пятого века и отправились назад по временной оси, открыли эту лавку, а теперь направляетесь домой по, так сказать, самой длинной, но весьма живописной дороге.

— Мы не из двадцать пятого века.

— Но Адам говорил, что вы прибыли сюда... или, точнее, отправились в древнюю Этрурию... именно из этого времени.

— Это правда. Мы остановились там на обратном пути, чтобы кое-что починить. Тот... корабль, в котором мы живем и работаем, во время полета был поврежден, а двадцать пятый век — самый первый пункт на временной оси, где такой ремонт еще возможен.

— Ах вот как? В таком случае откуда же — точнее, когда же вы в действительности отправились сюда?

— Этого я сказать тебе не могу.

— Почему?

— Я обещала Адаму. Еще когда ты впервые здесь появился.

— Но почему?!

— Из-за тех клонов. Если ты действительно среди них самый главный, это слишком важная информация для тебя.

— И чем же она для меня так важна?

Она снова переползла через меня.

— И этого тоже, дорогой Альф, я тебе открыть не могу.

— По-моему, я догадываюсь.

— Нет, не догадываешься.

— Ну и ладно. Расскажи мне лучше о своих генетических корнях.

— Охотно. Я из рода змей. Адам — кошка. Вот и все.

— Похоже, ученым пришлось проделать огромную работу по расщеплению генов, чтобы вывести оба этих вида на уровень человека — по внешности и по уровню умственного развития...

— Согласно старым проектам мы вовсе не должны были обладать таким разумом, как ваш. Скорее предполагалось, что будет развиваться наш собственный разум, со свойственным ему образом мыслей. И он должен был достигнуть весьма высокого уровня...

— Но, очевидно, этот план воплотить в жизнь не удалось?

— Да-с-с-с.

— Но вы способны по-настоящему размножаться? И представляете собой теперь совершенно самостоятельные расы?

— О да!

— В таком случае к чему же вся эта чехарда с

детьми в пробирках? И эта история с Адамом?.. В его изложении она звучала как описание неких первых опытов не сразу удавшегося крупного эксперимента.

— Это так и было. Вернее, есть... И Адам на самом деле является результатом все еще продолжающегося эксперимента по доведению каждой из созданных рас до наивысшего уровня развития. Ученые хотели узнать, как далеко может продвинуться каждый народ и какой из них сможет дать некое особое суперсущество благодаря «четырёхкратному клонированию». Правильный термин на языке этрусков звучит примерно как «калейдейон», то есть «прекрасные из пробирки». Или «божественные из пробирки». Если это действительно ваш язык.

— Ну конечно, наш. Земной. А почему ты так говоришь?

Она на мгновение прилегла мне на грудь вся целиком и затихла. Потом вдруг спросила:

— Ты ведь не стал бы лгать мне, правда, Альф? Ты ведь не участвуешь в заговоре против нас?

— Да я в заговорах ни черта не смыслю! И чего ради мне в нем участвовать? Слезь-ка, пожалуйста, а? — Но я уже и сам обнимал ее. — Да если бы я только попробовал, вы бы меня тут же вокруг пальца обвели! Значит, наш Адам — «калейдейон»?

Она покачала головой:

— Так нельзя сказать. «Калейдейон» — это множественное число. Хотя всего лишь раз за всю

долгую историю этой программы что-то действительно удалось и было создано одно такое существо. Наш Адам.

— Ну хорошо. Пусть будет множественное, — сказал я. — Просто для меня это термин, которым можно его называть. Я и без того знаю, что он необычайно умен и изобретателен.

— Но значение этого термина значительно шире... — начала было она и умолкла.

— Тебе нельзя говорить об этом? — догадался я. Она кивнула. — Я понял. Не расстраивайся, дорогая. — Я стиснул ее в объятиях. — А как они наблюдают за Адамом? Способны ли они оценить, насколько хорошо он справляется со своими обязанностями?

— Мы думаем, что они делают выводы на основе тех разрушений, которые мы вызываем, проходя сквозь время и его историю, — сказала она. — По всей видимости, у них нет возможности наблюдать за самим Адамом непосредственно. Если только ты и твои клоны специально с этой целью ими не посланы...

— Ты это себе окончательно в голову вбила, да? — Я покачал головой. — Послушай, а не опасно ли то, что он шныряет туда-сюда по временной оси и перекраивает историю по своему вкусу? Так ведь вам в вашем далеком будущем недолго и в тыквы превратиться!

Она рассмеялась и сказала:

— Ну что ты, Вселенной это вреда не причинит. Она достаточно велика и способна вобрать,

поглотить и скомпенсировать все. А ваша история — на самом деле всего лишь небольшой эпизод ее существования. И эпизод этот никогда не сможет стать настолько значительным, чтобы повлиять на развитие всей Вселенной. Однако в будущем кто-то, пристально этот эпизод изучая, сможет, видимо, сделать кое-какие догадки насчет того, как развивались «божественные».

— Но это будут всего лишь догадки, да и то весьма, как мне кажется, смутные. Ведь природа данного явления исключительно самобытна.

— Да, это, пожалуй, правда. — И она улыбнулась.

— Значит, я прав?

— Я этого не говорила.

— А тебе и не нужно говорить! Хотя мне и очень интересно почему?

— А ты подумай.

— Хочешь их обмануть?

— Возможно.

— Ясно! Ты хочешь, чтобы они недооценивали — точнее, оценивали неправильно действия своего «божественного» Адама, поскольку он сейчас готовит что-то такое, что ни в коем случае не должно стать им известно, чтобы они были совершенно к этому не подготовлены. Ах, хитрый дьявол!

Улыбка застыла на ее губах.

— Такая догадка достойна скорее народа мангустов или койотов! — сухо заметила она.

— Да ладно тебе! Ты же сама мне подсказала.

Ее язычок защекотал мне ухо.

— Верно. Но все-таки отдельные отвлекающие моменты...

— Слушай, я же не они, правда?

— Кто — «они»?

— Не мангуст, не койот!

— Вспомни, мы ведь уже исследовали ткани твоего тела и можем сказать совершенно определенно: ты самый обыкновенный человек.

— Рад это слышать.

— А мог бы и огорчиться. Между прочим, оба вида этих существ обладают массой достоинств. У людей многих из них нет и в помине.

— Надеюсь, ты не перестанешь меня из-за этого любить, а? — спросил я, и она вдруг расслабилась и потерлась о мою щеку.

— В отличие от некоторых, я верю в возможность межвидовой любви, — заявила она. — Но я уверена: ты смог бы завоевать мое сердце и будучи койотом! А вот если бы ты был мангустом... Не знаю.

— А какое отражение это могло бы найти в мировой литературе! Два благородных дома — Змеи и Мангуста — заклятые враги, разумеется... Сцена первая: входят прелестная девушка-змея и живой энергичный юноша-мангуст...

— Глория и Альф — две слившиеся звезды! — воскликнула она. — Слушай, мне прямо-таки видится трагическая сцена в гробнице, когда ты насильно открываешь мне рот и пытаешься поранить себе губы моими ядовитыми зубами. И смер-

тельный поцелуй этот длится бесконечно долго, пока аудитория не осознает, что ты лежишь со мною рядом мертвый. А я, проснувшись всего лишь на мгновение позже, подношу руку к губам и сама себя кусаю...

— Так у тебя действительно есть ядовитые зубы?

Она засмеялась свистящим смехом, переходящим в шипение.

— Альф! Да ты весь побледнел, дорогой! Позволь же своей милой иметь хоть какие-то секреты, а если тебе следует ее бояться — так бойся же ее!

Ее зубы впились мне в ухо. Я поморщился.

— Я ведь всегда был добр к тебе, не правда ли?

— Пока что да, — сказала она.

— Надеюсь, ты не просто подчиняешься приказу присматривать за мной, а?

— Мы давно уже перешли те границы, что были определены для меня приказом, — заметила она. — Сперва, правда, меня это немного беспокоило... но какого черта! Я же все равно выполняю данное мне поручение — так или иначе. Поцелуй же меня, человечек!

И уже через несколько минут стакан на столике у кровати зазвенел от ее страстных ультразвуковых воплей.

Я сидел в постели, со всех сторон обложенный подушками, и потягивал сарруссипо, не имея ни малейшего представления о том, сколько прошло времени.

— Между прочим, — сказал я Глории, — когда я упомянул о змее Уроборосе, ты сделала какой-то странный жест и пробормотала: «Великий предок». С чего бы это?

— У всякого народа свои тотемы, свои боги или богини, — сказала она. — Покровительница Адама — кошка Баст, египетская богиня радости и веселья. А мы считаем себя потомками — по крайней мере, духовными — этого первопредка. Все началось, насколько я знаю, вместе с зарождением видов и во имя того, чтобы у каждого нового поколения не прерывалось ощущение континуума, непрерывной связи настоящего с прошлым. Так, по крайней мере, принято считать. Однако старинные мифы и легенды успели претерпеть столько всяких изменений и порой так искажены...

— Но ведь каждому из ваших народов, должно быть, понадобились тысячелетия, чтобы оформиться как вид и достигнуть такой численности, чтобы иметь возможность создать и развить собственную культуру. Или я не прав?

— Ну да, конечно! Ты прав. Хотя культуры наши развивались очень быстро после того, как каждому из народов было предоставлено собственное жизненное пространство. Некоторые виды, разумеется, смешивались, а стало быть, пересекались и их жизненные пути. И все же наличие собственного мира, имеющего конкретные границы, очень помогало.

— И все равно — для такого процесса време-

ни требуется немало! Да еще и ваша невероятная продолжительность жизни... Кроме того, ты и сама говоришь, что культуры эти зародились в очень далеком прошлом. Значит, вы явились сюда совсем не из двадцать пятого века?

— Ну конечно!

— Я догадывался! И эта меняльная лавка с ее загадочной способностью исполнять любые желания тоже свидетельствует о невероятно высоком уровне развития, который для меня, например, граничит с магией... И все-таки объясни мне, какова цель столь значительного увеличения числа различных видов? Результатом какой программы явилось происхождение и твоего народа?

— Сперва мы были полезны всего лишь для решения различных конкретных проблем — например, на только что открытых планетах. Затем проявились и многие другие, в значительной степени уникальные, таланты, и нас всюду стали привечать.

— Но сперва, вероятно, возникли серьезные социальные проблемы?

— Возникли. Но вскоре мы обрели равные права со всеми, и нам были пожалованы собственные территории. А затем наши прежние хозяева добились нашего присоединения ко Всегалактическому Союзу в составе общего блока землян.

— Вот это да! И сколько же видов землян туда входят?

— Двадцать восемь. И наши с Адамом народы были одними из первых.

— Название «Всегалактический Союз» для меня звучит как нечто из области фантастики. Во всяком случае, из немыслимо далекого будущего.

— Для нас это далекое прошлое, — молвила она. — Точнее, его часть.

— А каковы были дела в это время у человеческой расы?

— Люди к моменту нашего вступления были в Союзе в отчетливом меньшинстве. И наше присоединение к этому блоку очень им помогло.

— Ну а в тот период, когда ты начала участвовать в эксперименте с Адамом?

— Видишь ли, Альф, к этому времени понятия «человек» уже практически не существовало — интеллект и плоть людей подверглись уже стольким воздействиям... Но если говорить о тех «людях», которые легко могли бы воспроизводить себе подобных, вступая в сексуальную связь с вашими людьми, то их там меньшинство — точнее, несколько меньшинств, и весьма интересных.

— М-да, несколько удручающая картина... Ну а сама-то Земля тогда все еще существовала?

— Вряд ли имеет смысл говорить об этом в отрыве от контекста. В общем, да, она существовала, хотя и в несколько ином обличье. Земля была чрезвычайно истощена, тем более что многие ее компоненты использовались для создания почвы на других планетах. Позднее, впрочем, она была реконструирована по инициативе группы ностальгирующих политиков. Причем не еди-

ножды. Теперь-то я понимаю, что все это делалось во многих отношениях неправильно... Возможно, мы с Адамом сможем как-нибудь взять тебя с собой и показать тебе один из вариантов. Впрочем, ты, возможно, и сам все видел.

— Прекрати свои инсинуации, Глория!

— Но разве нынешняя земная культура способна была бы обеспечить тебя семью клонами? Или с определенной целью отправить их в прошлое?

Я отхлебнул кофе.

— Честно говоря, я об этом как-то не думал, — признался я. — А что, если я просто был чем-то вроде фотомодели при создании всех этих Альфов?

— Все равно вряд ли это совершенно не связано с будущим. Весь вопрос в том, с каким именно будущим?

— Есть варианты?

— Ни одного такого, который я бы хотела обсуждать с тобой.

— А какие-нибудь мысли насчет того, как нам разрешить эту проблему, имеются?

— Вот у Адама время освободится, он этим пусть и занимается.

— Расскажи, как ты стала его няней?

Она улыбнулась.

— Это же совершенно логично, — сказала она. — Я была наиболее близка ему по типу — когда мой народ создавал нечто подобное «божественным».

— Ах вот как! Действительно разумно. Значит, ты и Адам из разных времен, верно?

Она издала на редкость продолжительное шипение и села совершенно прямо. Глаза ее сверкали, а волосы облаком окутывали лицо и шевелились как бы сами по себе. От нее, казалось, исходил некий жар, но ощущалась не столько высокая температура, сколько непонятное давление на каждую мою нервную клетку. Глорию словно окутало мощнейшее силовое поле. Она как бы постоянно увеличивалась в размерах, нависала надо мной, доминировала в замкнутом пространстве комнаты, заполняя его целиком... Когда же она заговорила, в голосе ее чувствовалась, хотя и в несколько меньшей степени, та неумолимая сила, что была свойственна Адаму-Магнетрону. Ее старые шкуры шевелились и шуршали на стенах. Во рту у нее вдруг стали очень заметны клыки. Раздвоенный язык так и метался меж губами, и я невольно отпрянул от нее, пролив кофе. Она явно была разгневана донельзя.

— Откуда ты об этом узнал? Ведь ты клянешься, что ничего о данном деле не знаешь?

— Спокойнее, детка! — вскричал я. — Спокойнее! Всего лишь обыкновенная журналистская смекалка. Ты же сама сказала, что создать «божественных» чертовски трудно, что на это ушли столетия, — а значит, просто статистически невозможно, чтобы вы были примерно ровесниками!

— Ты прав, — сказала она и буквально на гла-

зах стала уменьшаться. — Я погорячилась. — Она погладила меня по щеке. Итак, самое страшное было позади, и я тоже осмелился ее погладить.

— С-с-с-с, — сказал я.

— С-с-с, — поправила она. — Но твое произношение становится все лучше и лучше.

— С-с-с, — послушно повторил я и, извиваясь, подполз к ней. Ну, и она тут же, конечно, растаяла!

В очередной раз проснувшись — я то и дело буквально проваливался в сон, — я вдруг обнаружил, что стою рядом с Глорией на кухне. Она укладывала еду в корзинку для пикника.

— Тенистая роща у ручья? Заветная каменная скамья? — спросил я.

— Совершенно верно, — откликнулась она.

— И Выключатель трогать не будешь?

— Не буду, — ответила она, укладывая в корзину салфетки и скатерку в тон. — Ну вот, все готово.

Я поднял корзину:

— Тогда веди.

Она повернулась и повела меня через прихожую к задней двери. Я не отставал.

— Что-то я не припомню, был ли здесь лесной питомник, — удивился я и вспомнил, как мы искали Уртча.

Она тихонько засмеялась и остановилась перед незнакомой калиткой. Когда мы вошли в нее, то перед нами открылся небольшой двор, зава-

ленный грудями всякого хлама. Заперев за собой калитку, Глория повернулась ко мне. Мы сделали еще шаг, и двор сразу же исчез, сменившись бескрайним зеленым полем. Цвели цветы, вдали виднелись какие-то холмы, а прямо перед нами и чуть левее тянулась цепочка деревьев — там, должно быть, была речка или ручей. Среди деревьев порхали птицы. Мы подошли ближе, и я услышал тихое бормотание бегущей воды.

— Виртуальная действительность во плоти, — молвил я. — Отличный трюк!

— Здесь можно устанавливать различные уровни реальности, — сказала она. — Можно даже сделать действительность более реальной, чем та, что вокруг тебя. Стоит только захотеть. Я обычно называю это помещение просто «многоцелевой отсек».

— Более реальной, чем реальная действительность? Что ж, неплохо было бы попробовать! — И я принялся помогать ей распаковывать корзинку. — Ну, и насколько все это реально — вот сейчас?

— Если бы ты вдруг вознамерился свалиться в ручей, то запросто мог бы в нем утонуть, — ответила она.

— А для чего еще вы используете этот отсек, кроме пикников?

— Я же сказала: он имеет многоцелевое назначение.

— Это я понял. А что он может конкретно? Покажи.

— Пожалуйста.

Она посмотрела куда-то мимо меня, на дальний край поля, где вздымались невысокие горы. И вдруг сельский пейзаж исчез.

Мы оказались в каком-то очень странном месте, освещенном сероватым рассеянным светом. Куда ни посмотри — всюду виднелись сплетения разноцветных трубок, внутри которых проплывали желтые светящиеся шары, скапливавшиеся в местах соединений и выстраивавшиеся в очередь.

— Похоже на какую-то огромную схему... — неуверенно предположил я. — Только исключительно сложную. Может быть, это внутренность какого-то микропроцессора?

— Нет, я полагаю, это его далекие предки.

Кончиком пальца Глория нарисовала в воздухе маленький прямоугольник, и он повис прямо перед нею, испуская яркое металлическое сияние. Его поверхность была вся покрыта какими-то цифрами или буквами неведомого мне алфавита. Затем Глория коснулась маленького красного пятнышка в правом углу прямоугольного предмета, и символы на его поверхности стали меняться — в зависимости от того, какое движение совершала ее рука. При этом все вокруг нас тоже менялось, формы как бы перетекали одна в другую. Наконец Глория взяла прямоугольный предмет рукой и опустила его куда-то вниз. Все символы тут же исчезли. И все вокруг нас — тоже. Я решил не выдавать своего изумления — стис-

нул зубы, сжал кулаки и стал ждать. В конце концов движение вокруг нас замедлилось, потом совсем прекратилось. И я увидел перед собой совсем иную схему.

— Ну вот, — удовлетворенно сказала она. — Назови любой из цветов радуги, простой или сложный.

— Зеленый, — сказал я.

— Хорошо. Это и будет цвет его стен и спи-лей.

— Кого это «его»?

— Города, — ответила она.

И руки ее задвигались, как бы проникнув внутрь этих трубок и странным образом «подталкивая» сверкающие шары, скапливавшиеся на стыках. Глория без конца создавала также новые трубки и соединительные узлы — словно лепила их из теста — и направляла некоторые из шаров по этим созданным ею новым путям.

— Что это такое? — спросил я. — Что это за шары?

— Ты бы скорее всего назвал их электронами, — отвечала она, извлекая один и сунув его мне. Он почти ничего не весил, не был ни горяч, ни холоден и был упруг, как теннисный мяч.

Я вернул ей шар и спросил:

— А что ты, собственно, делаешь?

— Придаю семени нужную форму, — сказала она. — Я выбрала именно эту, потому что когда-то уже работала с такой моделью и еще помню некоторые простые способы, с помощью кото-

рых можно обойтись наименьшим количеством ходов.

Я покачал головой.

— Это всего лишь обман? Или все-таки что-то стоящее? — пробормотал я.

— И того и другого понемножку, но в целом — ни то ни другое. Мы можем воспользоваться этим по своему усмотрению. И когда этого захочется нам самим. Здесь у нас, помимо всего прочего, центр дизайна и изготовления продукции. В общем, многоцелевой отсек, я же говорила.

— Значит, ты просто воспользовалась некой уже существующей моделью дизайна?

— Ну да.

— И что из этого получится?

— Те самые штуки, о которых ты говорил...

— Микропроцессоры?

— Угу. Точнее, целый комплекс, состоящий из миллиардов таких процессоров, в котором каждый из них служит конкретной цели. Представь себе некий набор микроопераций, служащих для созидания еще большего количества микропроцессоров. Представь себе мастер-программу, которая их включает и выключает, заставляя работать в различном режиме и в зависимости от твоих потребностей. А теперь представь, что имеешь доступ к запасам сырья, необходимого, чтобы воплотить заданную программу в жизнь.

Я засмеялся.

— Звучит как расшифровка некоего генетического кода... Но поскольку ты сказала «город»,

то должен появиться неорганический артефакт, верно?

Она кивнула, подняла руку и снова извлекла из ниоткуда тот же прямоугольный предмет. На сей раз она нажала в определенной последовательности на несколько разноцветных кнопок, видневшихся на его поверхности, и прямоугольный предмет тут же сам собой распался, превратившись в яркое пятно, удивительно яркое в этом мрачном месте, освещенном серым рассеянным светом.

— Ты прав, — сказала она и как бы «подняла» с земли золотистое пятнышко. Распрямляясь, она легко коснулась моего правого кулака — руки мои, оказывается, все еще были сжаты в кулаки, хотя сам я этого совершенно не замечал. — Разожми, — велела мне она.

Я разжал кулак, и Глория положила мне на ладонь крошечное семечко.

— Не потеряй! — предупредила она. И я бережно сжал семечко в ладони. Глория взяла меня за руку и сказала: — А теперь иди вон туда.

Мы сделали несколько шагов по каменистой тропе, внезапно появившейся у нас под ногами. Над головой синело небо, в спину нам светило яркое солнце. Оглянувшись назад, я увидел внизу, под нами, ярко-зеленую равнину и примерно в полумиле от нас, на склоне пологого холма, цепочку деревьев.

— Это что ж там, наша лужайка для пикника? — спросил я.

— Да.

— Надеюсь, виртуальные муравьи не сожрут наши бутерброды? Если муравьи здесь такие же настоящие, как твоя скатерка...

— Выбирай место, — сказала она.

— Ты хочешь прилечь?

— Нет. Я хочу, чтобы ты опустил свое семя в землю.

— По этому поводу существует одно библейское предписание...

— Я имею в виду семя дизайна. Ты можешь посадить его где хочешь. Можешь даже просто бросить его на землю в каком-нибудь подходящем местечке.

— О'кей. — Я опустил на колени, разгреб землю, положил в ямку семя и засыпал его землей. — Ну, что теперь?

— Все. Больше ничего не требуется.

Я встал.

— А дальше что будет?

— Вернемся назад и позавтракаем на траве.

И мы, взявшись за руки, побрели назад.

* * *

С нашей лужайки не был виден тот каменистый склон, на котором я посадил это «семя». В том направлении вообще ничего не происходило — по крайней мере, в течение получаса, — так что я практически забыл о «зеленом городе».

— Ну что, вино откупорить?

— Да, было бы неплохо.

И тут вдруг — не успел я и глазом моргнуть! — склоны далекого холма совершенно переменяли свои плавные очертания.

— Черт побери! — вырвалось у меня.

— Давай я попробую, хочешь? — Глория протянула руку, желая взять у меня бутылку.

— Не в бутылке дело! Там, на холме, что-то происходит!

— Ах да! В первый раз это зрелище кажется действительно несколько необычным.

Прерывистая линия, пробиваясь сквозь холм, все время вытягивалась, росла в высоту, превращаясь в стены...

Мне наконец удалось открыть бутылку, и я наполнил наши стаканы.

Скорость, с которой рос город, все увеличивалась. Теперь он рос ввысь куда быстрее, чем опускалась вниз вершина самого холма. Вскоре его башни стали уже хорошо видны; они становились все выше и как бы покачивались, утолщаясь и продолжая расти.

— Теперь, видимо, происходит виртуальное прочтение заложенной в «семени» программы? — спросил я.

Глория отпила вина, подумала и посмотрела на меня:

— Это может быть все, что угодно, дорогой Альф; все, что я захочу; все, что мне придет в голову. Вспомни: ведь реальность состоит из множества множеств. Ее можно даже вывернуть наизнанку — и заставить город вновь превратиться в семя.

— Между прочим, города по большей части так и поступают. Только это относится скорее к характеристике их обитателей, а не самих городов.

Солнечные лучи сверкали на шпилях, которые уже приобрели отчетливо зеленоватый оттенок.

— Так можно за один день построить целый мир, причем вполне пригодный для житья, — сказала Глория.

— Спорить готов, у тебя есть и другие «семена», которые способны ошеломить любого! — заметил я.

— Да, есть. Но у всего этого есть и отрицательная сторона. Конечно, это грандиозное зрелище — когда видишь всю поверхность планеты, купающуюся в море красок — превосходящих друг друга яркостью, гаснущих, вспыхивающих, смешивающихся...

— И разве бывает у этого конец?

— Однажды я видела полностью оформленный мир. Каждое пятнышко земли было занято. Но жить там не мог никто! Слишком много было посеяно вражды. Да и ресурсы самой планеты были полностью исчерпаны.

— И целый мир... пропал даром?

— Ну, не совсем. Эту проблему решили в другом месте — я уж не помню, то ли с помощью войны, то ли с помощью денег, — и победитель вернулся, разрушил все до основания, добрался до истоков и начал все с самого начала, но уже не с

таким размахом. Правда, потом там потребовались немалые усилия по оформлению ландшафтов...

Я налил еще вина, продолжая наблюдать за растущим городом.

— А если это «семя» посадить где-нибудь на поверхности Земли? Оно тоже превратится в город?

— Конечно.

— Но ведь здесь множественная реальность, и, должно быть, ее невозможно просто взять и уничтожить, а потом снова сунуть на прежнее место, когда наш пикник закончится?

— Верно.

— Нет, уровнем вашей технологии можно только восхищаться! — сказал я. — Это же чудо, что мы с тобой вообще можем вот так разговаривать!

— У меня есть существенное преимущество: я прожила всю вашу историю насквозь.

— Это правда, и к тому же ты знаешь, куда мы идем.

— Только в общих чертах. Будущее отнюдь не так уж неизменно — я ведь уже пыталась это объяснить тебе.

— Неужели ты собираешься снова тащить все это с собой в такую даль?

— Мы ведь уже один раз проделали весь этот путь, правда?

— Но ты сама говорила, что даже Земли там практически существовать не будет.

— Ну, это, конечно, так. Но даже и в этом случае путь перед нами открывается очень и очень неблизкий.

— Вы ведь что-то ищете здесь, верно? Пытаетесь уловить некое событие во времени и пространстве, насчет которого не испытываете уверенности... или ищете некий поворотный момент... Должно быть, это с теорией вероятности как-то связано, да?

— На какой из твоих вопросов мне ответить в первую очередь? Да, здесь есть некий элемент вероятности — как, впрочем, и во всем на свете. Кто знает, что мы можем найти? Ведь именно природа зверя определяет его положение в окружающей природе.

Я снова наполнил наши стаканы.

— И ты по-прежнему ни о чем никогда не говоришься, верно, Медуза?

Она придвинула свою руку к моей, наши пальцы переплелись, и мы молча стали смотреть, как растет у нас на глазах изумрудный город.

ГЛАВА 5

МОЗГИ И МАРЦИПАНЫ

Наконец изумрудный город несколько замедлил свой рост. А потом и вовсе замер. Я даже в ладоши похлопал.

— Здорово строишь, детка!

Глория чокнулась со мной, и мы прикончили бутылку.

Потом она встала и кивнула головой в сторону только что выросшего города, приглашая меня последовать за ней.

— Сперва, разумеется, посмотрим башню? — спросила она.

— Еще бы! — И мы, взявшись за руки, двинулись к городу, распевая на ходу «Ку-ку, ку-ку, мы идем к волшебнику».

— Так ты говоришь, что пишешь для какого-то американского журнала? — спросила она, чуть задыхаясь на ходу.

— Я не только говорю. Я действительно пишу.

— Значит, как только ты соберешь достаточно материала, то сразу отправишься домой?

— Ну ты пораскинь мозгами-то! — рассердился я. — У меня ведь даже ни одного подходящего сюжета до сих пор нет! Никто ведь моим рассказам не поверит. И сейчас мне просто хочется еще побыть здесь. С тобой.

— Мне очень приятно это слышать, Альф, — сказала она серьезно и, не выпуская моей руки, вошла в ворота изумрудного города.

Мы бродили по улицам и галереям; мы стояли на мосту, высокой аркой взлетевшем над оживленными магистралями города; мы смотрели из окон уютных квартир... Двигаясь, подобно зеленым мыслям в зеленом мозгу, мы исследовали туннели и парки города, его площади и торговые ряды. Здесь не было ни души. Слышны были лишь наши голоса и шаги. Да еще слабое поскрипывание все еще растущих новых структур и зданий.

И вот, в очередной раз ступив под очередную арку, я понял: сейчас справа от меня возникнет опасность, какова бы она ни была. А Глория в этот момент была от меня слева.

Я перенес всю тяжесть тела на правую ногу, а левую занес назад, чтобы удобнее было поворачиваться в случае необходимости.

Вдруг справа от меня из-за угла вышли два человека, и тот, что был ближе, замахнулся на меня кулаком, а второй набросился на Глорию. Следом за ними показался и третий. Я тут же врезал левой ногой тому мерзавцу, который на меня замахнулся, и испытал отчетливое удовлетворение, когда его гнусная физиономия скривилась от боли. Потом я со всей силы ударил его левым кулаком — прямо костяшками пальцев — точнехонько в правый висок. Он начал было падать, но я его подхватил, слегка развернул и швырнул на того, кто угрожал Глории.

Затем, завершая поворот влево всем телом, я упал на левое колено, выбросил вверх правую руку, чуть не попав при этом себе в левое ухо, и сразу же выпрямился и вскочил, правым локтем захватив второму мерзавцу в низ живота.

Потом я очень медленно поднимался, а он также медленно сгибался вперед, и моя левая рука размеренно поднималась и опускалась, нанося ему удары по затылку, по шее. И снова я весь свой вес старался вложить в эти удары.

Когда упал и этот, я отступил влево и споткнулся о его приятеля — это был тот самый тип, которого я сбил с ног, швырнув в него тело первого из бандитов. Лежавший на земле тип попытался лягнуть меня и даже замахнулся было кулаком, но я ловко избежал удара ногой, а по ку-

лаку ему врезал носком туфли. При этом я чуть не упал, так что пришлось даже опереться о плечо поверженного врага.

Я хотел заодно ткнуть его пальцами правой руки в глаза, но он успел перехватить меня за запястье. Тогда я левой рукой, которой прежде оперался о его плечо, ухватил его за ухо, яростно его выкрутил, дернул резким движением и оторвал напрочь.

Он дико вскрикнул и выпустил мою правую руку. Я, снова опершись о его плечо, восстановил равновесие и опять попытался ткнуть его пальцами в глаза. Когда мне это удалось и он упал на землю, я ударил его правым локтем прямо в солнечное сплетение. Его от боли так и подкинуло вверх — теперь он оказался отличной мишенью для удара, который и сокрушил ему гортань.

Я поднялся, все еще возбужденный схваткой, но вокруг больше никого из нападавших не осталось. Отряхивая землю с колен, я заметил, как Глория быстро сплюнула куда-то в сторону. При этом ее раздвоенный язык нервно метнулся, а нижняя челюсть, странно щелкнув, встала на место.

— Избавляешься от лишнего яда? — спросил я.

Она пожала плечами и улыбнулась.

— Рефлекс. А ты здорово дерешься, Альф!

— Вырос в суровых условиях, — сказал я.

— Так в суровых условиях не дерутся, Альф. Это техника убийцы. И ты ею отлично владеешь. Между прочим, ты воспользовался ею без колебаний. Те семь клонов тоже имели репутацию смертельно опасных воинов... Даже Пьетро, ху-

дожник, слыл известным скандалистом — он час-тенько слонялся по улицам вместе с этим Чел-лини.

Я указал на лежавших:

— Интересно, кто эти парни и почему, как ты думаешь, они на нас напали?

Но я не успел договорить: бандиты исчезли, точно промелькнувшие кадры на экране.

— Они, в общем-то, никто, — отвечала она. — Их послали сюда из отдела кадров — ну, или из центра по управлению множественной реальностью. Я передала им свою просьбу с помощью ультразвука еще по дороге сюда.

— Так это была проверка! Но ты же могла просто спросить меня, — сказал я. — Я бы тебе тут же все распрекрасненько рассказал. А может, даже и потренировался бы немного — на предмет самообороны.

— Все это были приемы нападения, Альф.

— Ну, это во мне заложено генетически, — сказал я. — Спасибо за экскурсию по городу. Или ты еще что-нибудь показать хочешь?

— Не сердись, — сказала она и взяла меня за руку. — Такой возможностью было грех не воспользоваться. И главное — реальной опасности никакой! Можно я теперь покажу тебе остальной город? Там есть одна очаровательная квартир-ка — в самой высокой башне — и с такой дивной спальней... А какой вид оттуда открывается!..

— И больше никаких сюрпризов?

— Только приятные, — пообещала она.

* * *

И свое слово сдержала. А потом мы еще долго лежали в сладострастной дремоте и смотрели из огромного окна в башне, как меркнет день над созданным нами пустынным городом. Почти мистическое чувство удовлетворенности собой и удивительно приятной пресыщенности постепенно овладевало мною, пока я следил за все удлинявшейся заостренной тенью шпиля.

— Хсссс, — заметил я.

— Хсссс, — откликнулась она.

— Хс-хссс.

— Хсс. Спасибо.

— Ты здесь даже смену дня и ночи предусмотрела!

— Да. Постаралась — для большего правдоподобия.

Я потянулся. Глория села в постели.

— Не пойти ли нам погулять под этими звездами? Или, может, лучше вернемся в нашу рощу? — предложил я.

— Хс... Черт! — сказала она. — Звезды!.. О них я совсем забыла! Извини. — Она подняла руку и указательным пальцем ткнула куда-то в небо. Там, в глубине, сразу вспыхнуло яркое пятно света. — Ну вот, — успокоилась Глория, — уже кое-что. Придется немножко задержаться — мне нужно еще немного собрать.

Она потянулась за одеждой. Я тоже стал одеваться. Наши обнаженные тела заливал красноватый свет появлявшихся в небесах звезд.

Через несколько минут, обнявшись, мы вошли в лифт и понеслись вниз. Мы уже выходили из города, когда Глория сделала какое-то легкое движение рукой, и на восточном крае неба вспыхнуло яркое созвездие.

— Эти созвездия фигурируют в самых ранних проявлениях народного творчества, — сказала она. — Некоторые антропологи утверждают: первые мифы, связанные с надеждами, страхами и идеалами древних людей, посвящены определенным созвездиям. А впрочем, может, наоборот? Неважно. Религия, философия, авантурные и любовные романы — все это самым тесным образом связано с очертаниями небесных созвездий. — Она снова махнула рукой, и в небе появился ковш Большой Медведицы.

— А как трактуется в религии, философии и романах символ ковша? — спросил я.

Она остановилась и подняла голову к сиявшей в небесах Большой Медведице. Потом самым очаровательным образом наморщила носик и спросила:

— Тебе интересен сам принцип или частные случаи?

— Извини, я не понимаю...

— Если ты имеешь в виду все вместе — религию, философию, романы, — так смотри! — И она ткнула пальцем в сторону западного горизонта, над которым появилось вдруг созвездие, которого я там никогда раньше не видел, — оно было похоже на длинную змею, изогнувшуюся восьмер-

кой, и сверкало россыпью разноцветных самоцветов.

— Бог мой! Какая красота! — воскликнул я.

— Это Уроборос. С моей родной планеты — Серпены — он хорошо виден. А вот Божья Паутинка — из Арахны V. — Глория показала на созвездие, мерцавшее у северо-восточного края неба и очень напоминавшее настоящую паучью сеть. — А это Отраженный Лик. — Она как бы «оттолкнула» Большую Медведицу в сторонку и «подвесила» на ее место ослепительно сверкавшее скопление звезд, очертаниями смутно напоминавшее человеческое лицо, точнее — некий абстрактный божественный лик.

Мы двинулись дальше, продолжая беседовать о жизни, космологии, этике и прочих извечных тонких материях, и Глория на ходу все время что-то изменяла в небесах, то и дело объявляя: «А вот Палец Ману!», или: «Это называется «Материнское Древо»», или: «А это — Небесная Карета».

Так, весьма старательно, надо сказать, она постепенно воссоздавала для меня картину своих небес, чтобы на примере некоторых тамошних созвездий продемонстрировать мне сложнейшие комплексы психологических, антропологических и анимистически-философских воззрений, сходных, должно быть, с воззрениями и моих далеких и примитивных предков, когда у них оставалось время, чтобы поднять очи горе. Рассказы Глории о созвездиях ее мира были изящны и исполнены глубокого смысла.

На лужайке у ручья мы собрали свои пожитки. Пора было покинуть только что созданный Глорией мир. По-моему, за это время мы стали мудрее, и я был очень доволен тем, что наши отношения с чисто физических перешли на более высокий интеллектуальный уровень. Мы вдоволь наговорились и поэкспериментировали с мыслительными способностями друг друга, выказав поразительное единодушие и полное согласие в том, что касается важнейших жизненных ценностей и основ философии.

У выхода из этой реальности в другую я пожелал здешней ночи спокойных сновидений.

Оказавшись снова у нас на кухне и прихлебывая кофе, я анализировал сложившуюся ситуацию: если верить тому, в чем они оба пытались меня убедить, то я действительно клон, идентичный тем семерым, что висят на мясных крюках в проклятой Дыре. Кроме того, я каким-то невероятным образом оказываюсь... пришельцем из далекого будущего! Вероятно, это и явилось причиной того, что Адам сделал меня своим помощником — ему хотелось иметь возможность за мной присматривать. А Медуза, то есть моя дорогая Глория, скорее всего сознательно постаралась меня соблазнить, чтобы быстренько получить всю необходимую информацию. Только теперь все стало по-другому. По-настоящему. Теперь мы испытывали друг к другу самое искреннее располо-

жение, хотя она, разумеется, уже успела выведать у меня все, что хотела узнать...

Пришлось признать, что я в последнее время недостаточно заботился о самозащите. Да, собственно, необходимости в этом не возникало ни разу в течение нескольких последних лет. Но неужели я научился всем этим приемам на улице по соседству? Да и в Университете Брауна я тоже вряд ли мог научиться так драться...

Глория в противоположном углу кухни готовила себе что-то национальное, желая немного перекусить. Видеть, что именно она готовит, у меня, честно говоря, не было ни малейшего желания.

— Послушай, Глория, — обратился я к ней, — мне бы тоже хотелось выяснить об этих клонах абсолютно все, и учти, мне этого хочется не меньше, чем тебе. И вот какой план я предлагаю.

— Я тебя слушаю, — откликнулась она.

— Сейчас я допью кофе, включу Рубильник и пожелаю оказаться в своем кабинете, в редакции журнала «Ригодон». В Нью-Йорке.

— Но редакция, возможно, еще закрыта... Трудно сказать, какое сейчас в Нью-Йорке время суток.

Я пожал плечами.

— Ну и что? Если будет закрыто, я поеду домой и оттуда позвоню своему шефу, Джерому Игану. Вряд ли это простое совпадение — то, что мне дали задание отправиться именно туда, где повсюду развешаны мои клоны! — Я показал в сторону Дыры. — И я твердо намерен выяснить, как

все это произошло или кто все это подстроил. И как это я могу одновременно быть представителем сразу двух совершенно различных народов.

— А если ты сможешь это узнать?

— Тогда я вернусь и все расскажу тебе. И мы попробуем сообща решить, что нам со всем этим делать.

— А что, если тебе там просто напомнят о твоей легенде и необходимости следовать ей? Тогда уж точно после твоего возвращения нам друзьями больше не быть!

— Даже если предположить, что такое возможно, все равно заранее никак нельзя узнать, что это так и будет.

Она покачала головой; все тело ее ходило волнами.

— В таком случае ты отправишься вместе со мной и сама узнаешь все то, что мне уже известно, — сказал я ей.

Она попробовала то, что было у нее на сковородке, улыбнулась и переложила жаркое на тарелку.

— А если я узнаю о тебе нечто ужасное? Мне что же, тогда убить тебя? — спросила она.

Я засмеялся, хотя и несколько натянуто.

— Все мы делаем то, что делать обязаны, — сказал я. — Но иногда мы обязаны и доверять другим, не правда ли?

Она отрезала кусочек жаркого и сунула в рот.

— Хорошо, — сказала она. — Я пойду с тобой.

Мы оба засмеялись. Глядя, как поблескивают ее острые зубки, я продолжал пить кофе.

Заглянув в вестибюле в зеркало, я увидел, что выгляжу вполне прилично и на редкость отдохнувшим. Я включил Рубильник в нише, подошел к двери и широко распахнул ее. Над этрусским форумом уже протянулись вечерние тени.

— В Нью-Йорке сейчас утро, — сказал я. — Самое подходящее время.

И тут мое внимание привлекла винная бутылка, которая валялась там, где в прошлый раз была груда тряпья. Я наклонился, поднял ее и стал рассматривать, медленно поворачивая.

— Странная форма, — заметила Глория.

Я протянул бутылку ей.

— Классическая «бутыль Кляйна»¹, — сказал я. — Воплощение некоего зрительного образа, который некогда был так описан Айзеком Азимовым: вообразите гуся, который изогнул шею вперед и копается в перьях где-то у себя на груди, при этом как бы проедая себя насквозь; через некоторое время его голова выныривает наконец из анального отверстия, и гусь широко раскрывает свой клюв. Все. Quietus. Идеально завершенная форма. Вот как это делается.

— Забавное описание, — сказала Глория, ставя бутылку на столик в прихожей, пока я запираю дверь. — А это та самая, что ты дал Уртчу?

— Да. «Руффино».

¹ Феликс Кляйн (1849—1925) — немецкий математик, оказавший значительное влияние на развитие геометрии. «Бутыль Кляйна» — сложная геометрическая фигура, на поверхности которой любые две точки можно соединить непрерывной линией.

Она кивнула и взяла меня за руку.

— Ну что ж, одно из типичных «обращений» Вселенной к человеку. Возьмешь меня с собой в Нью-Йорк, Альф?

— Конечно, дорогая.

Я поправил галстук, мысленно представил себе свой кабинет на Манхэттене и пожелал немедленно там оказаться.

Через несколько секунд мы с Глорией уже стояли там. Я быстро огляделся. По-моему, все было так же, как прежде.

— По всей вероятности, за время отсутствия меня не уволили, — пробормотал я и прошел туда, где обычно сидели остальные сотрудники.

Но в офисе отчего-то было пусто, хотя, если судить по висевшим на стене редакции часам, должна была бы царить суета. Я подошел к одному из столов и глянул на перекидной календарь.

— Воскресенье! — провозгласил я. — Вот что значит выбиться из колеи. Впрочем, это легко поправить. Давай пожелаем сперва отправиться назад, а потом — снова сюда, но двумя днями раньше или же, наоборот, на один день позже...

— Нет! — решительно заявила она. — Нехорошо играть со временем в игры, которые так или иначе затрагивают сущность.

— Это у вас, в будущем, предрассудки такие?

— Это не предрассудки. Все гораздо серьезнее. Просто мы имеем представление о той власти, которую время имеет над нами.

— О'кей. Не будем с ним играть. Я только схожу к себе и позвоню Джерри.

Я вернулся в свой кабинет, взял трубку городского телефона и набрал номер Джерри.

— Привет, — сказал я. — Это Альф.

— Ты где?

— Здесь, в городе. В редакции.

— Ну что, хороший материал получился? Или ты еще отписываешься?

— Нет, материала пока никакого не получилось, но есть масса интересных фактов. А вернулся я, чтобы взять кое-что из нужных вещей. Хотелось, правда, задать тебе кое-какие вопросы насчет этого задания...

Последовало молчание. Затем он спросил:

— Например?

— Ну, например, как получилось, что этот материал понадобился именно сейчас? И почему я должен...

— Альф, поезжай домой.

— Но...

— Просто поезжай домой и жди.

Он повесил трубку.

— Так. Встречаемся у меня дома, — сказал я Глории. — Как мне лучше поступить: сперва перебраться в Рим, а потом пожелать оказаться в своей квартире... разумеется, если это не игра со временем? Или лучше...

— Лучше возьми такси, — посоветовала она.

Ворча, я повел ее по редакции к выходу. Могли я строить какие-то разговоры, если отлично помнил, что работаю здесь ужасно давно?

Мы вышли на улицу и прошли пару кварта-

лов, прежде чем нам удалось обнаружить такси. Оказалось, что пребывание в Дыре чрезвычайно портит характер: там слишком легко избаловаться.

Дома все было по-прежнему и даже относительно чисто — женщина, которая у меня убирает, приходила как раз в тот день, когда я был здесь в последний раз. Я показал Глории гостиную, столовую, кухню и свою любимую берлогу, то есть спальню. Там она устала и села на мое истинно королевское ложе и промолвила:

— Нам, безусловно, стоило бы кое-чем заняться, прежде чем отправляться назад.

— Это верно, — согласился я. — Да и стыдно было бы не...

И тут как раз позвонила консьержка. Я снял трубку.

— Альф у телефона, — сказал я.

— К вам пришел мистер Иган.

— Хорошо. Пусть поднимается.

Мне вдруг ужасно захотелось в туалет. Мой мочевого пузырь готов был лопнуть.

— Извини, Глория, — сказал я. — Я на минутку.

Но стоило мне зажечь в ванной свет и закрыть за собой дверь, как я понял, что минуткой тут не обойтись. Дело в том, что мне ужасно мешало собственное отражение в зеркале! Оно СМОТРЕЛО на меня, а потом и ЗАГОВОРИЛО со мною.

— Альф, — сказало оно мне, — можешь мне не отвечать. Просто слушай. Я одна из твоих более ранних сущностей, а в зеркале — всего лишь некий постгипнотический образ. Он возник толь-

ко потому, что ты работаешь над материалом про этого менялу душ, вернулся исключительно за информацией по поводу этого твоего задания и уже знаешь, что твой шеф едет сюда, чтобы с тобой встретиться. Именно поэтому и возник позыв в твоём мочевом пузыре. Все остальное зависит от твоего теперешнего окружения. Ты должен помнить, что меня зовут Пол Йенсен — то есть это тебя звали Пол Йенсен. Это само собой разъяснится уже через несколько минут. Мне пришлось выстроить несколько десятилетий по временной оси вперед и назад, чтобы добиться этой встречи. Остальное тебе станет ясно позднее. Задай Джерри все вопросы, которые хотел, а затем попроси его тщательно обследовать твою комнату — он ведь, кажется, умеет искать воду с помощью ивового прутика? Это очень важно! Мы здесь спрятали...

В дверь ванной постучали.

— Да? — откликнулся я.

— По-моему, там пришел твой шеф, — сказала Глория из-за двери.

— погоди минутку. Не впускай его, — велел я ей. — Сперва подойди к низенькому комоду в изножье кровати, открой третий ящик снизу и достань мне оттуда чистые трусы.

— Хорошо.

Постгипнотическое явление в зеркале явно не намерено было никак облегчать болезненные позывы, возникавшие в моем мочевом пузыре, и тот решил позаботиться о себе сам. Я этого даже и не заметил, пока Глория не постучала в дверь.

В будущем придется учесть подобную особенность моего организма. И очень жаль, что я так и не услышал, что именно они там спрятали...

В дверь снова легонько постучали, я приоткрыл ее, и в образовавшуюся щель тонкая рука Глории просунула чистые трусы.

— Спасибо большое!

Приведя себя в порядок и швырнув промокшие трусы в мусорное ведро, я наконец покинул ванную комнату и двинулся на звук голосов, доносившихся из гостиной.

— Джерри, — сказал я, — спасибо, что так быстро приехал! Знакомься: это Глория. Она работает...

— Да, мы уже познакомились, — прервал он меня, пожимая мне руку еще небрежнее, чем всегда. Потом подошел было к креслу, намереваясь сесть, но отчего-то не сел, а сказал: — Ужасно тяжелая выдалась неделя... У тебя действительно какие-то проблемы с заданием?

— Нет, никаких проблем! — сказал я. — Просто интересно, как это все получилось. Сядь, пожалуйста, и позволь мне приготовить тебе чашечку кофе. Или хочешь чего-нибудь покрепче?

Он с нарочитой озабоченностью посмотрел на часы.

— Да ладно... Какого черта! Давай виски с содовой.

— А тебе, Глория?

— Хорошего сухого красного вина.

— Ясно.

— Так, ну и что, собственно, происходит? —

спросил я, принеся им выпивку. — Похоже, я теперь работаю у этого менялы душ?

— Это как раз для тебя. Ты ведь всегда любил всякие таинственные расследования, верно? Тебе нравится раскапывать что-нибудь этакое, сбивающее всех остальных с толку.

— Это правда. Но на сей раз дело куда серьезнее — меня направляют, на меня оказывают давление, меня призывают соблюдать осторожность... В чем дело?

Он вздохнул и уставился в свой стакан. Потом кивнул, сделал глоток и сказал:

— Да был тут телефонный звонок... От одного из владельцев компании. Он сказал, что ему этот материал нужен немедленно. И хотел, чтобы это сделал именно ты. И не разрешил мне называть его имя.

— А половину его имени ты можешь назвать? — спросил я. — Ну, например, я называю ее первую половину: Пол. Верно?

— Хорошо. Я назову вторую: Йенсен.

— Вот именно. — сказал я. — И ничего страшного. Мы ведь с ним в родстве, и все выглядит так, словно он решил оказать мне некое одолжение. Это действительно работа как раз для меня, а ему было известно, что на самом деле это место не совсем такое, как его описывают. Мне кажется, он хотел устроить мне эксклюзивный материал.

Я взял свой стакан.

— Но ты все-таки лучше не упоминай о том, что я тебе это рассказал, — попросил Джерри.

— Не стану я упоминать. Да от этого, собственно, ничего и не зависит. Мне просто хотелось проверить одно свое подозрение...

— Ого! Придется мне, видно, впредь обращаться с тобой получше.

Я рассмеялся и сказал:

— Ну, еще немного, и ты победил.

— А в чем дело?

— Я хочу, чтобы ты обследовал мою квартиру с ивовым прутиком!

— Думаешь вырыть тут колодец?

— Нет, но я опять засунул куда-то одну важную вещь... А ты ведь можешь все, что угодно, разыскать.

— Это мой старик может. Я-то всю эту науку позабыл.

— Ну пожалуйста, Джерри!

— Ладно. Дай-ка мне проволочную вешалку.

Я нашел в шкафу такую вешалку и принес ему. Он согнул ее посередине, чтобы оба конца смотрели вниз.

— Ладно, сойдет, — сказал он. — И что же мы ищем?

— Доставь мне удовольствие — попытайся отыскать этот предмет, не зная, что именно ищешь, а? Я слышал, что это для таких мастеров не так уж и важно.

Джерри встал.

— Только не вздумай написать об этом статью и передать ее в другое издательство, — предупредил он меня грозно. Потом, держа вешалку в обеих руках, прошел по комнате из конца в ко-

нец, несколько задержался у обеденного стола и повернул налево, в спальню. — Эта штука находится там, — уверенно заявил он.

Мы последовали за ним. По-моему, я отчетливо видел, как вешалка дернулась вправо. Глория облизала пересохшие от волнения губы и двинулась следом за Джерри, который подошел к высокому комоду, стоявшему между стенным шкафом и дверью в ванную комнату. Глория была справа от Джерри, а я — слева. Он явно приближался к цели. Проволока в его руках яростно дергалась, указывая куда-то на нижние ящики комода. Глория выдвинула второй ящик от пола — там было мое белье. Носовые платки и трусы лежали справа, свернутые носки — слева, и я...

...каким-то странным образом сразу обо всем догадался — еще до того, как вешалка в руках Джерри указала налево. Я сунул руку под кучку носков и пошарил. Глория коротко прошипела, и я вытащил на свет маленькую, но странно тяжелую шкатулку, с виду довольно дешевую и обитую какой-то тканью. Я тут же ее открыл, и там оказалась пара серых металлических заповнок овальной формы с выгравированными на них кельтскими письменами.

— Ты это искал, Альф? — спросил Джерри.

— Да. Спасибо тебе большое!

— Вряд ли кто-то в наши дни носит рубашки с заповнками, — заметил он.

— Я просто очень к ним привык. Они представляют для меня ценность особого рода, скорее сентиментальную. — Внезапно мне стало яс-

но, в чем, собственно, состоит их ценность, — когда я вынул запонки из шкатулки и передал их Глории. — Вот. Спрячь их куда-нибудь, пожалуйста, пока они мне не понадобятся, хорошо?

Наши глаза встретились, и Глория сжала запонки в кулаке и улыбнулась. Я закрыл шкатулку и пошел к комоду как бы для того, чтобы положить ее на прежнее место среди носков. На самом деле я спрятал шкатулочку в кулаке, а потом быстро сунул ее в карман пиджака и закрыл ящик.

— Пойдемте-ка еще выпьем, а? — предложил я Джерри и Глории.

Когда Джерри ушел, Глория подбежала ко мне и бросилась на шею.

— Спасибо! Спасибо за доверие! — прошептала она. — Теперь мне действительно было бы трудно сомневаться в тебе.

Я прижал ее к себе правой рукой — левая висела как плеть, прикрывая карман со спрятанной там шкатулкой, которую Глория легко могла обнаружить, потому что обвивалась вокруг меня, как змея. Но, в конце концов, будучи в ванной, я ведь мог положить в карман все, что угодно?

— Я же говорил тебе, что это именно так и есть.

— А в чем их назначение? — спросила она.

— Понятия не имею. Я их никогда раньше не видел. Не знал даже, что они там. У вас ведь должны быть разные способы тестирования предметов на предмет всяких необычных свойств?

Она кивнула.

— Конечно. А кто этот Пол Йенсен?

— Мой двоюродный дедушка. Старичок очень

неплохо подкованный. Но несколько эксцентричный. Он всегда очень доброжелательно ко мне относился. Хотя мы с ним уже много лет не виделись. Возможно, мне понадобится некоторое время, чтобы его навестить и выяснить, каковы его интересы в этом деле.

— Тогда давай сперва протестируем эти запонки, — предложила она.

Мне тоже этого хотелось. Однако из коридора мы заметили, что у меня в гостиной, на диване, занимая его практически целиком, восседает некое ракообразное существо футов шести в длину и со множеством могучих клешней. В одной из них оно держало большой кувшин с жидкостью, больше всего напоминавшей по виду болотную воду. Кожистые крылья неопределенных очертаний были аккуратно разложены у него за спиной на подушках. Голову покрывал целый лес коротких усиков, а сама голова цвета незрелого яблока при нашем приближении сильно потемнела. Рядом с существом, на полу, стоял металлический сосуд типа канистры. Одна из стенок «канистры» была затянута сеткой, за которой виднелась небольшая приборная панель. Верхний же конец странного сосуда был покрыт неким прозрачным материалом, и, подойдя ближе, я увидел под ним смутные контуры чего-то, весьма сильно напоминавшего человеческий мозг.

Перед «канистрой» стоял Адам Мазер, он же Мегатрон, он же Закот, он же один из «божественных». Левую ногу он поставил на диван, согнул в колене и оперся о него левым локтем, опус-

тив подбородок на изящно согнутую руку. На нем был черный костюм, белая сорочка с расстегнутым воротником, а в правой руке он держал стакан. Несмотря на столь непринужденную позу, Адам внимательно вслушивался в жужжание, издаваемое странным существом и мгновенно прекратившееся, как только мы появились на пороге.

— Ах это вы? Привет! — Адам улыбнулся и опустил левую руку. — Позвольте мне представить вам Гоми, самого замечательного курьера, какого я когда-либо встречал. — Он обернулся к незнакомцу: — Гоми, это мои помощники, Альф и Медуза. Мы вместе работаем.

Гоми качнул усиками.

— Очень приятно познакомиться с дамой, которая умеет превращать людей в камень, — прожужжал он, — и с мужчиной, который является священной рекой.

Адам изумленно поднял брови:

— Священной рекой?

— Ну да.

В стране Ксанад благословенной
Дворец построил Кубла Хан,
Где Альф бежит, поток священный,
Сквозь мглу пещер гигантских, пенный,
Впадает в сонный океан¹.

¹ Гоми цитирует стихотворение С.Т.Кольриджа «Кубла Хан» (перевод К.Бальмонта). В образе священной реки Альф слиты воедино образы Нила, согласно мифам, берущего начало в Эдеме, и Алфея, реки, берущей начало в Аркадии и текущей в Элладу. Бог этой реки Алфей — сын титанов Океана и Тефиды. Известен любовью к нимфе Аретусе, спутнице Артемиды (или к самой Артемиде), которую он преследовал, приняв облик охотника.

Адам застонал, а я усмехнулся и подмигнул Гоми. Глория продолжала споскойно смотреть на него, лишь обронила:

— Кошмар какой-то!

Жужжание Гоми сменило ритм и теперь напоминало смех. Он поднял свой сосуд с жидкостью, напоминавшей то ли рассол, то ли воду из болота, втянул в себя несколько плававших в ней штуквин, похожих на грибы. Заметив брезгливый взгляд Глории, он заметил:

— А на вкус это еще хуже!.. Но уверяю вас, чего бы вам уж точно не захотелось, так это оказаться в одном помещении с тем инопланетянином, который путешествует со мной в качестве туриста.

— А я думал, что вы всегда делаете это в полете, — сказал Адам.

— Если недостаточно осторожны, — согласился Гоми.

— Кошмар, — подытожила Глория свои первоначальные впечатления.

— Не такой уж кошмар, — возразил Гоми. — Куда хуже бывает, если тошнит при нуль-гравитации. Особенно после того, как поел пиццы. Да вы садитесь! Занимайте скорее места. Чьи угодно.

Мы с Глорией присели возле него на пуфики.

— Мы знакомы с Гоми примерно миллион лет, — сообщил нам Адам. — Он курьер, как я уже говорил, осуществляющий межпланетное перемещение интеллектов.

— Точнее, я курьер на договоре, так сказать

вольный стрелок, — уточнил Гоми. — И ни один интеллект никуда не повезу, если он мне самому не интересен.

— А как вы их возите? — спросила Глория.

Гоми похлопал одной из своих клешней по канистре.

— Разумеется, в определенной среде. Кроме того, я отлично умею урезать посланное со мной до необходимого минимума.

Глория придвинулась к нему ближе, не сводя глаз с канистры.

— Ах вот как! — молвила она.

— Да, приходится, конечно, собственные мозги буквально наизнанку вывернуть, зато в итоге получается то, что надо: интеллект в пробирке. Как в том анекдоте: «Ну а в жестянке-то что, парень?..»

— И что же в ней?

— В моем случае интеллект достается тому, кто больше предложит. Многим внеземным существам, например, ужасно нравится открывать и исследовать неизвестные планеты, знакомиться с новыми народами, задавать их представителям всякие интересные вопросы... Впрочем, у меня нет ни времени, ни средств заниматься всем этим лично. Так что они заключают со мной постоянный договор, и передвижение их интеллектов осуществляют мои собратья под моим наблюдением. Одного из путешественников может интересовать исключительно искусство, другого — философия или иные науки, третьего — теоло-

гия, а четвертого — эволюция обитателей морских глубин. Кого-то увлекает развитие собственной конкретной концепции в применении ее к четвероногим млекопитающим, а кого-то — мышление холоднокровных или обитателей бинарных систем... Короче говоря, все подобные пожелания задаются списком и передаются в конкретные точки на нашем пути. Мы просматриваем эти списки, выискивая что-нибудь интересное для себя, а порой можем отправиться и купить то, что составляло сокровенное желание одного из клиентов.

— На вашем пути? — переспросила Глория. — А что это за путь?

— Гоми — представитель немногочисленной разновидности естественных «пожирателей пространства», — пояснил Адам. — Они появляются на свет с врожденной способностью преодолевать временную спираль по ее внутренней стороне, тем самым повинувшись исключительно собственной воле, они как бы прокладывают путь из одного мира в другой. Стоит им раскрыть свои крылья, и те, словно паруса древних морских судов, влекут их, надутые космическими ветрами.

— А конкретные точки на нашем пути, о которых я упоминал, могут служить верстовыми столбами в безграничной Вселенной, — сказал Гоми. — А также указывать на эрозированные участки пространства. А также предупреждать о возможном появлении чудовищ из внешнего мира, то есть с внешней стороны временной спира-

ли, чьи страшные когти запросто пишут во Вселенной свои собственные «правила». Там, где они проходят, мы порой обнаруживаем странные убийства — так сказать, на обочине дороги — и на расстоянии многих парсеков слышим странный лай или странное мычание. Мой народ не принадлежит к числу великих теоретиков, как многие здешние народы, например, потому что у нас всегда было все необходимое...

— Ясное небо и попутный ветер до Арктура, — сказал Адам.

— Йо-хо-хо! — подхватил Гоми.

— Жизнь на танцующих волнах.

— На волнах счастливых мыслей!

— Да, кстати, — прервала их Глория. — Почему, собственно, путешествует только сам интеллект? То есть мозги?

— Стороны, заинтересованные в развитии собственного интеллекта, при любых и весьма различных условиях интересуются главным образом этим — то есть мозгами, — ответил Гоми.

— Значит, вы просто оставляете чьи-то тела и берете с собой одни мозги? — спросил я.

— Ну, насчет тел я стараюсь наилучшим образом договориться, если только есть такая возможность. Но в общем да, вы правы: масса — чрезвычайно важный фактор при путешествиях такого рода, а представители моего народа, как мне кажется, действительно обладают удивительными способностями к сверхскоростной нейрохирургии! — Гоми от восхищения даже клешня-

ми прищелкнул и еще немного отпил из своего кувшина. — Мы довели подобные операции до высот истинного искусства. Правда, пришлось немало потрудиться, чтобы в этой области опередить всех во Вселенной.

— А что, например, особенного вот в этом интеллекте? — Я кивком указал на канистру.

— Он содержит первый полный свод сведений о Коллективном Бессознательном человечества, — ответил Гоми. — Счастливая находка. Дорогого стоит! Я собирался обменять ее у Старого Йога — он очень интересуется подобными вещами, но потом наткнулся здесь на нашего дорогого Мегатрона, который сделал мне такое предложение, что я не смог ему отказать. Видите ли, я нырял в самые глубины Вселенной, я взлетал на немыслимую высоту временной спирали, я собирал чужие мозги во множестве самых различных миров, но по-прежнему, оказывается, не видел еще и половины Вселенной!

— Если ты напоешь мне хотя бы несколько тактов музыки Вселенной, я, если хочешь, попробую тебе подтянуть.

Гоми разразился хриплым, похожим на чирикание смехом; затем умолк и издал пронзительно-высокий жужжащий звук, от которого у меня заболели уши, и мне показалось, что на этот раз я практически успел уловить, как Глория и Адам обменялись информацией с помощью ультразвука, пользуясь жужжанием Гоми как прикрытием.

Потом Глория прошипела какую-то простень-

кую мелодию, я глубоким басом постарался исполнить спиричуэл «I've been to the depths», а Адам разразился целой серией различных «мявов» и подвываний. Странный звук донесся даже из глупбин «канистры».

Наконец я спросил у Гоми:

— Ну что, обмен совершен? И что же Адам дал вам?

— Неужели не догадываетесь? — удивился наш ракообразный гость. — Чувство юмора! Теперь я единственный представитель своего народа, обладающий чувством юмора, и это просто великолепно! Теперь я умею видеть смешные стороны жизни и понимать шутки. И теперь уже другие народы не посмеют насмеяться надо мной и обзывать меня «летающей дубинкой»! У меня теперь есть на вооружении такие шуточки и приколы, от которых они просто штабелями попадают. Нет, правда... Ведь по натуре я настоящий гастролер, комедиант, факир на час. Для меня нет большего наслаждения, чем заставить мир крутиться быстрее! Теперь я понимаю, какая смешная история приключилась со мной во время выхода в субпространство. Случайно встретившись там с одним из своих родственников, я заболтался, а между тем наши интеллектуальные «посылки» поменялись местами... Надеюсь, его заказчику понравятся большие горячие сэндвичи с грибами, которые растут у нас на родине. А в его канистре оказался весьма редкий экземпляр синтоида XXII века, такого книжного червя — я та-

кого и представить себе не мог! Возможно, из-за того, что он был весь покрыт горячей горчицей... Нет, это просто неопишимо! А впрочем, довольно. Дайте же мне наконец отдохнуть! Вы сами-то живая аудитория или нарисованная маслом картина? Может быть, вам всем стоило бы *pro bono*¹ произвести некоторую настройку интеллекта? Эй, профессор Мазер, давайте помузицируем немного, а? Исполним тяжелый клешневый рок!

Гоми поднялся с кушетки и исполнил в прихожей, искусно отбивая чечетку своими восемью конечностями, некий довольно сложный танец. Я даже поаплодировал ему, надеясь, что танец будет недолгим, поскольку некоторые, наиболее хрупкие, предметы моей мебели явно находились под угрозой. Глория и Адам тоже захлопали в ладоши. Гоми воспринял наши аплодисменты как просьбу бисировать и, пронзительно жужжа какую-то немыслимую мелодию, задвигался еще активнее, правда, практически ничего из мебели при этом не повредив и налетев только на переносной столик и кресло-качалку.

— Он исключительно удачно выбрал время и место для подобного представления, — заметил Адам. — Особенно если учесть, что он всего лишь несколько минут назад обрел искомое чувство юмора.

— Это верно, — согласился я.

— О да! — Глории тоже возразить было нечего.

¹ Ради всеобщего блага (*лат.*).

Услышав эти слова, Гоми раскланялся и уселся на прежнее место.

— А как насчет интеллекта примерно того же уровня, Адам? — спросил он. — Того, что предназначен для замены? Ты уже определил его координаты?

Адам протянул ему лист бумаги, покрытый какими-то значками.

— Да. Мои каракули разобрать сумеешь?

Половина усиков на зеленой башке склонилась к листу.

— Вполне. Вполне! И туда я направляюсь, *ex-tactamente*, за весьма и весьма специфическим интеллектом, — пояснил он уже нам с Глорией. — Спасибо, дорогой Закот. Надеюсь, обмен вас совершенно устроит.

Он допил содержимое своего кувшина, встал и, опираясь на все свои многочисленные клешни и конечности, развернул крылья. Исчез он мгновенно. На полу осталась стоять лишь та его канистра.

— Ни снег, ни дождь, ни жара, ни ночная тьма не могут помешать этим славным путешественникам завершить назначенный круг! — торжественно промолвил Адам. Потом встал и с наслаждением потянулся.

— Нет, я уверен: он сперва будет помешан на граффити, на головоломках и прочем ломании головы. А потом научится не только сам голову ломать, но и другим ее ломать будет.

— Ты предвосхитил мои намерения, — сказал Адам. — Это даже пугает.

— Мне-то самому ни один из этих вариантов особенно не нравится, — сказал я, — хотя я не прочь посмотреть, что это будет за представление, когда режиссер доведет его до кондиции.

Глория как-то странно глянула на меня и что-то прошипела.

— И для этого, — продолжал я, вспомнив о запонках, — мы тут кое-что уже подобрали...

Но договорить мне не удалось: входная дверь резко распахнулась, и я услышал знакомый пронзительный голос: — Так она и меня собиралась пристрелить! Вот почему я, слава тебе, Господи, здесь оказалась!

Вот что бывает, когда не успеваешь вовремя опустить Рубильник!

* * *

Это была актриса Морган Барри, поклонником которой я стал с тех пор, как собрал на нее полное досье и сделал материал для журнала «На подмостках». Она ворвалась в квартиру, точно белокурая валькирия, и закричала:

— Который тут, черт побери, меняла душ?

Тогда, собирая факты ее странной карьеры воедино, я провел с ней недели три. Она была мила, обходительна, пользовалась заслуженной любовью публики, работала над ролями истово и в тесном контакте с другими актерами. Все у нее, в общем, ладилось, за исключением одного неприятного штришка, портившего ей всю карьеру: она приносила несчастье.

Мамаша Баумберг, преданно любившая про-

изведения писателей-романтиков, назвала свою дочь Моргана в честь феи Морганы, сестры короля Артура, ибо мечтала, что и ее Моргана сможет впоследствии очаровывать и пленять всех вокруг. Но лучше бы, право, мамаше Баумберг было назвать ее в честь Мордреда — того самого рыцаря, который принес дурную весть и тем самым разрушил весь Круглый Стол.

Итак, Моргана Баумберг стала актрисой Морган Барри, и куда бы она ни пошла, всюду ей сопутствовали несчастья: срывались самые лучшие предложения, разваливались актерские труппы, взрывалась осветительная техника, вдребезги разбивались кинокамеры... Бизнес развлечений всегда был благодатной почвой для предрассудков — не вздумайте свистеть в артистической уборной, бросать свою шляпу на постель или желать исполнителю той или иной роли удачи! Короче говоря, вскоре все уже стали бояться работать с прелестной очаровательницей Морган, приносящей несчастье.

Впрочем, сейчас ее уже затруднительно было бы назвать очаровательницей.

— Так это ты? Отвечай! — Валькирия прямо-таки ела меня глазами.

— Хорошо-хорошо. Разреши представить тебе Адама Мазера. Он и есть, черт побери, меняла душ.

— Господи, да он рыжий!

— А это его ассистентка Глория.

— Знакомьтесь, друзья: это Морган Барри, за-

мечательная актриса, также известная как Вуду Барри.

— Тебе что, черт побери, обязательно было это печатать? И поэтому ты и перестал со мной встречаться?

— Морги, я люблю тебя по-прежнему, но спектакль окончен!

Валькирия припечатала меня нецензурным словечком и набросилась на Адама с криком:

— Я хочу, наконец, чтобы удача немедленно повернулась ко мне лицом, черт меня побери! — Однако сопротивляться теплой очаровательной улыбке Адама она оказалась не в силах и даже улыбнулась ему в ответ, а потом смиренно попросила: — Пожалуйста, будьте так добры, сэр, помогите мне!

— А к чему, собственно, столько шума, дорогая мисс Барри? Вы, как мне представляется, одеты для торжественного приема?.. И одеты прелестно! Где и что именно случилось? Почему вы пожелали оказаться здесь?

— Я была в кафе «Еп соеиг», это как раз напротив ООН. Мы встречались там с Мэлом Маусоном, одним из моих продюсеров и потенциальным спонсором. Мэл поросил меня помочь ему уговорить одного типа вложить средства в наш новый сериал «Вестерн в стиле кантри» — о двух певцах из Нашвилла, которые раскрывают всякие тайны.

— Ой, мама! — вырвалось у меня.

— Я должна была играть роль Венди Вестерн —

она и поет сама, и стреляет тоже сама, да еще и из шестизарядного револьвера! Ну что, — обратилась она ко мне, — может, что-нибудь попрятнее скажешь? Или ты только ойкать умеешь?

— Так это предстоящая стрельба из револьвера заставила вас так кричать, когда вы вошли, мисс Барри? — осведомился Адам.

— Нет, что вы! В общем, мы за аперитивом всячески старались его рассмешить и умаслить, и дело уже пошло на лад, когда откуда ни возьмись вдруг возникла жена этого спонсора, черт бы ее побрал, и пальнула в него. Именно в это мгновение мне и захотелось поскорее убраться оттуда к чертовой матери. Так я и оказалась здесь.

— Но почему? — удивился я.

— Что значит «почему»?! Я ведь скорее всего была у этой психопатки следующей на очереди!

— Нет, я всего лишь хотел спросить, с какой стати она стреляла в него и, возможно, хотела выстрелить в тебя?

— А с такой стати — господи, она так визжала, что ничего и разобрать-то было невозможно! — что ей втемяшилось в башку, будто мы с ним любовники!

Адам и Глория одновременно пронзили Морган взглядами — казалось, они видят ее насквозь. Повисло длительное молчание. Наконец Морган не выдержала и рявкнула:

— Ну?

— погоди, — велел я ей.

— С какой стати?!

— Они советуются.

— Интересно, как это? У них ведь даже губы не...

— Они разговаривают с помощью ультразвука.

— Ничего они не разговаривают! Во всяком случае, я ничего не слышу. Меня не проведешь! Они...

— Извините, мисс Барри, — прервал ее Адам, — но мы действительно разговаривали. С помощью ультразвука. Но не с вами. А с вашим братом.

— С братом? С каким еще братом?! У меня никакого брата нет и не было!

— Возможно, вас эта информация несколько шокирует, но у вас действительно есть брат. И он здесь.

— Здесь? Где это? Нас здесь по-прежнему четверо.

— Он внутри вас.

— Что? Брат? Внутри? Меня? — Морган нервно озираясь. — Да вы с ума сошли!

— Пожалуйста, присядьте и выслушайте меня внимательно. Дело у вас действительно очень интересное. Однако моей ассистентке уже удалось все устроить. И вы больше никому никакой беды не принесете.

Морган буквально рухнула в кресло, от изумления потеряв дар речи. Я и сам был несколько ошарашен.

— Пожалуйста, немного терпения, — попросил Адам. — Дело в том, что ваша мать была беременна близнецами, мальчиком и девочкой. Од-

нако через некоторое время эмбрион девочки, развивавшийся более активно, как бы «поглотил» второй эмбрион, и тот стал развиваться внутри организма своего близнеца как некая циста, впрочем генетически ему родственная. Это довольно необычный случай, но все же иногда такое встречается. Собственно, подобных случаев я знаю довольно много...

— Я... значит, я... Господи, какую ужасную вещь я сделала? — заикаясь пролепетала Морган.

— Но совершенно бессознательно! Абсолютно непреднамеренно! — стала успокаивать ее Глория. — Разумеется, вы никак не могли!.. И это чистейшей воды несчастный случай!

— Я чувствую себя форменным... к-к-каннибалом!

— Чепуха! — Адам засмеялся. — Ваш брат жив-здоров, и вот это-то действительно явление уникальное. Но, существуя внутри вашего организма, он чувствует себя очень одиноким. Его страшно угнетает и раздражает то, что он изолирован от всего остального мира — ни друга, ни просто собеседника...

— Но п-почему он никогда не заговорил со мной?

— Он прекрасно воспринимает вашу речь на слух, но сам, увы, может разговаривать только с помощью ультразвука. И это прямо-таки в ярость его приводит. Но его ярость — не самое страшное для вас. Куда хуже то, что ваш брат — колдун. Причем колдун, существующий в форме цис-

ты! — Адам помолчал, давая Морган возможность переварить данное сообщение. — Это ваш брат приносит вам несчастья. Самые тривиальные вещи способны порой так глубоко его ранить, что он от бессильного бешенства начинает творить зло с помощью различных заклятий. Разглагольствования вашего гостя за аперитивом чрезвычайно раздражали его, вот он и положил им конец... с помощью его ревнивой жены. Это он внушил ей столь необоснованные вещи.

— А как Глории удалось решить эту задачку? — поинтересовался я.

— Она пообещала ему товарища. Теперь он больше уже не будет так одинок, и поводов сердиться у него тоже не будет.

— И этим товарищем будет тот, кто может объясняться с помощью ультразвука?

— А также понимать обычную человеческую речь! Это будет очаровательная подружка... Впрочем, все зависит от мисс Барри.

— Ч-что от меня з-з-зависит?

Ну, и наш Магнетрон тут же пустил в ход всю свою дьявольскую притягательность, весь свой неотразимый шарм. А впрочем, это примерно одно и то же.

— Не хотели бы вы стать обладательницей прелестного и необычного зверька, который был бы с вами неразлучен? Умного, дружелюбного, пленительного существа, которое вызывает лишь всеобщий восторг и умиление?

— А, это будет нечто вроде Читы, няньки Тар-

зана? — спросил я нахально, но на меня никто и внимания не обратил.

Морган не сводила с Адама широко раскрытых глаз.

— Я... я не имею ни малейшего п-п-представления, о чем это вы, — заикаясь пробормотала она.

— О панде. Ее зовут Бок Пан, — сказала Глория. — Дамми через несколько дней доставит ее сюда для вашего брата. И ваш брат клянется, что с этого момента со всеми вашими неудачами будет покончено и он станет наколдовывать вам исключительно удачу.

— А теперь возвращайтесь поскорее в кафе «Еп соеиг», — посоветовал Морган Адам. — Несчастный спонсор жив-здоров — ваш брат все-таки заставил эту особу промахнуться. Да он, в сущности, и не хотел его убивать. И теперь ваш гость так рад, что неожиданно оказался в центре всеобщего внимания, что охотно даст вам деньги на ваш проект.

Морган недоверчиво покачала головой:

— Неужели вы обо всем позаботились? А о том, что я приношу несчастье, не забыли?

— Мы позаботились обо всем. Венди Вестерн и панда Бок Пан выиграют премию «Эмми».

— Просто не верится!

— Ваш брат, во всяком случае, обещал. А теперь пожелайте поскорее попасть назад — вот сами все и проверите.

— Я... Но чем же мне с вами расплатиться?..

— Забудь об этом, Морги, — вмешался я. — Тот материал, который я сделал о тебе для журнала «На подмостках», впоследствии обеспечил мне прекрасный контракт с «Ригодоном». Я твой должник и сам обо всем позабочусь.

Она разразилась слезами, попыталась всех нас одновременно поцеловать и направилась к двери, опираясь на руку Глории.

— Мне нет необходимости желать вам удачи, — сказал ей Адам на прощанье. — У вас она и так уже есть!

Едва за Морган успела захлопнуться дверь, как Адам схватил «бутылку Кляйна» и стал ее рассматривать.

— А это еще что такое, Альф? — спросил он. — Что это за ковшик?

— В этой бутылке было «Кьянти». Я дал ее одному старому бродяге по имени Уртч. Он ошивался у нашего крыльца, когда мы выключили Рубильник.

— Уртч? Это уменьшительное от «Демиуртч»?

— Нет, просто Уртч.

Адам тихонько заворчал:

— И это он такое сделал с обыкновенной бутылкой?

— Я не видел. Может, и не он. Но именно в таком виде я ее потом обнаружил там.

— И он все время оставался возле нашего крыльца?

— Мало того — он на этом настаивал.

— А что с ним стало потом?

— Он, похоже, довольно скоро исчез. Во всяком случае, когда я снова выглянул на крыльцо, его там уже не было.

— Исчез? Может, все-таки сказал что-нибудь интересное на прощанье?

— Да нет. Хотя вот: имевшуюся у него пустую бутылку он швырнул в этот густой туман, желая показать мне скопление фотонов. А когда я сказал, что за воротами движется нечто непонятное, он заявил, что это змей Уроборос.

— Хм... Это напоминание о сроках...

— Сроках чего?

— Да ничего особенного... Просто моя личная примета. Я... Боги! У меня же теперь есть своя собственная примета! Я сам ее придумал! Мне тоже есть теперь чем меняться! Извини, пожалуйста, я скоро вернусь... — Он подхватил канистру с инопланетными мозгами и бросился в сторону Дыры, приговаривая на бегу: — Каждая мелочь может оказаться чрезвычайно полезной!

Я пошел на кухню и приготовил горячий шоколад. Потом, когда мы с Глорией пили его, вернулся Адам. Он вытер руки о штаны и устало плюхнулся на диван.

Я налил ему чашку шоколада.

— Выдающийся шоколад! — отметил он, пробуя напиток. — Новые ингредиенты способствуют удивительной остроте восприятия!

— А мы разве не один и тот же шоколад пьем? — удивился я.

— Я не о шоколаде, Блэки. Об Идройде. Только я попытался придать ему три различных облика с помощью того, что мы уже раздобыли, и каждый раз получал абсолютно новый результат! Картина явно нелинейная. В ней отражена сама переменчивость жизни! Непознаваемое!

Глория подошла к нему и что-то ему «ультра-нула». Он молча протянул руку, и она положила ему на ладонь мои запонки. Адам внимательно их осмотрел, взвесил на ладони и как бы расстегнул в воздухе перед собой невидимую «молнию». Потом сунул руку в невидимое отверстие и вытащил оттуда какое-то приспособление, размером и видом напоминавшее консервный нож. «Консервный нож» повис перед ним в воздухе.

— Портативный тестер, — пояснила Глория.

Адам вытащил из «открывалки» два проводочка и нажал на какую-то точку в ее верхней части. На поверхности «открывалки» возникла надпись. Он прочитал ее и провозгласил:

— Бета Лебеда! Металл. Но дизайн земной! — Он снова отсоединил проводочки и засунул их обратно в «открывалку». Затем убрал ее в невидимый пространственный «карман» и застегнул невидимую «молнию». Затем снова как бы взвесил запонки на ладони и промолвил: — В иных случаях совершенно безвредны. И никаких вмонтированных передатчиков или взрывных устройств. Ничего такого. — Он протянул запонки мне и спросил: — Значит, ты подозревал, что в твоей квартире что-то спрятано, но не знал, что именно?

— Да.

— Няня говорит, ты уже знаешь о своей идентичности с этими клонами?

— Знаю.

— Значит, эти запонки скорее всего должны послужить напоминанием тебе или предостережением мне — насчет того, что в недалеком будущем нас, возможно, ждут неприятности... хотя сами по себе они никакой угрозы не таят. А то, что ты их обнаружил, не вызвало у тебя никаких воспоминаний или внезапных желаний?

— Нет. — Это был честный ответ, но думал я о том своем отражении в зеркале. Хорошо еще, что беседа с этим «отражением» произошла до обнаружения запонок!

— В таком случае я считаю, что тебе в любое время следует ожидать чего-нибудь в этом роде. Дай мне, пожалуйста, знать, если это возникнет, хорошо?

— Хорошо.

— Когда бы ни...

— Дамми, а ты, между прочим, еще кое-что должен Альфу. Ты не забыл? — сказала Глория. После всего случившегося меня приятно порадовало и удивило то, что она все еще считает, будто Закот сдержит свое обещание.

— Я помню. Но я уже предлагал ему партнерство.

— Я имею в виду обещанную ему память. Чтобы он вспомнил...

— Все? Ну разумеется! Я же совсем забыл,

идиот! Ничего, скоро мы все уладим. Все будет тип-топ! Тип-топ? Так говорят?

— После 1940 года практически нет.

— Спасибо, я учту. Знаешь, я решил, что не стоит использовать память этого теперешнего человека-оркестра — у нее слишком ограниченные возможности. Для тебя больше подойдет память Марсея Пруста.

— У тебя и он побывал?

— У меня есть контакты со всей этой литературной братией конца XIX века. Они часто заходили ко мне, кое-что закладывали, а кое-что и покупали или выменивали, желая получить новые идеи и сюжеты...

Рассказ Адама прервало внезапное появление кого-то весьма похожего на лорда Байрона, и этот тип с порога провозгласил:

— «Ай-Ти» унаследуют нашу Землю!

Я посмотрел на него внимательней. Высокого роста; весьма привлекательной наружности; одет элегантно — темно-синий плащ, черные сапожки, серые брюки и сюртук, красный жилет, вот только сорочка сильно помята. Волосы у него были длинные и волнистые. Глаза, правда, бледноваты, зато улыбка широкая, зубы белые, а голос удивительно звучный.

Адам, сразу превратившись в Загадочного Кота, изысканно светским образом ему поклонился и заметил:

— А вы, мистер Эш, их возглавите. Альф, позволь представить тебе мистера Эштона Эша, ве-

дущего вокалиста «Ай-Ти», самой популярной певческой группы целого поколения.

Поскольку поколение было явно не то, к которому относился я сам, да и вообще группа «Ай-Ти» мне знакома не была, я изобразил на своем лице улыбку и согласно покивал:

— Ну, разумеется! «Ай-Ти», как же, как же! Рад с вами познакомиться, мистер Эш.

— Вы знаете, мистер Эш, я просто ума не приложу, что бы вы могли еще пожелать, — сообщил наш Закот, на глазах превращаясь в леопарда — становясь как бы крупнее, сильнее, доминируя в комнате и заполняя ее своим присутствием. — Вы богаты, талантливы, красивы...

Эш глянул на нас с Глорией: в глазах его промелькнула явственная зависть. Он помолчал, облизал пересохшие от волнения губы и с трудом вымолвил:

— Секс.

Закот засмеялся-замурлыкал:

— Наверное, мечтаете о чем-нибудь экзотическом?

— Нет. Мне бы самый обычный, старомодный.

— Да вы шутите! У вас ведь просто отбоя нет от поклонниц! Я не понимаю...

— Еще бы! Конечно, поклонницы меня одолели. Но этим преимуществом я, к сожалению, воспользоваться не могу.

— Ах, неужели импотенция? Ну так вам мои услуги ни к чему. Существует множество видов вполне доступной медицинской помощи...

Эш покачал головой. Потом выпрямился, открыл рот и запел. Это была удивительная, колдовская ария царицы Ночи из «Волшебной флейты». Мы слушали, совершенно очарованные, пока он не допел до конца, а потом дружно зааплодировали.

— Потрясающая колоратура! — сказал Закот. Но Эш уже без всякой передышки перешел к баритональной арии цирюльника Фигаро.

Это было настолько неожиданно, что мы лишь молча смотрели на Эша, потрясенные голосом столь невероятного диапазона, удивительной гибкости и богатства оттенков. Ничего подобного я никогда прежде не слышал!

— Я не понимаю... — Закот явно был растерян. — Но вы, разумеется, НЕ МОЖЕТЕ хотеть сменять ТАКОЙ голос на что бы то ни было!

Эш внимательно посмотрел на каждого из нас по очереди и сурово сказал:

— Ладно. Все мы здесь люди взрослые. — Он немного повозился с подтяжками и... спустил штаны.

Я наблюдал за ним как замороженный. Остальные тоже. По-моему, все у него было в полном порядке, и я никак не мог понять смысла его экстравагантного поступка, пока он не сел, широко раздвинув ноги.

— Ага! — воскликнул Адам. — Вы же настоящий, классический гермафродит! Замечательно! А вам известно, как редко это встречается?

Эш улыбнулся.

— В моей компании это встречается достаточно часто, — ответил он. — Все члены группы «Ай-Ти» — настоящие гермафродиты. Ведь именно с дополнительными гормонами и связаны наши уникальные голосовые данные.

— Да-да, конечно! — Закот был в полном восторге. — Вас вдвойне... нет, втройне благословил Господь!

— Скорее, проклял, — возразил Эш.

— Это почему же?

— Мои немногочисленные попытки обнажить свои «прелести» лишь отпугивали любого потенциального партнера или партнершу. Из-за чего я стал ужасно мнительным и нервным. Если честно, мне за всю жизнь так и не довелось попробовать... Я только и слышал в свой адрес бранные слова: «Sacre bleu!», «Gutterdamerung!», «Pobrescito!»... — Он печально покивал головой, точно смиряясь. — И поэтому я оказался здесь.

Я услышал, как Закот бормочет:

— Неслыханно! Inconnu absolu! Совершенно новый, потрясающий ингредиент!

Затем, уже обращаясь непосредственно к клиенту, он спросил:

— Расскажите мне, каковы конкретно ваши желания — помимо самого основного, — и мы постараемся вам помочь.

— Я бы хотел обменять один из этих... «наборов» — любой, мне это совершенно безразлично! — и стать таким же, как все. Ну, хотя бы вполовину!

— Вы отдаете себе отчет, что в таком случае произойдет с вашим голосом?

— Да, но мне все равно. Я достаточно скопил, средства у меня есть. Я готов выйти в отставку и наслаждаться жизнью. Пусть какое-нибудь новое «Ай-Ти» тоже получит свой шанс.

— Ну хорошо. Но я должен получить оба «набора» вместе, так сказать в совокупности. А вас я снабжу совершенно новым оборудованием — со-ло! И по вашему выбору. Да, совсем забыл: можно обычного качества, а можно и супер.

Эш так и просиял.

— Решено! — Он поднялся, подтянул штаны, кивнул нам с Глорией и следом за нашим рыжим Мегатроном исчез в Дыре.

Адам вскоре вернулся. Один.

— Дело сделано, — сообщил он, — но ему нужно как следует выспаться, чтобы прийти в себя.

Он минутку помолчал и взглянул на Глорию, которая тут же повернулась и удалилась на кухню.

— Ну вот, — продолжал он, — почти все недостающие ингредиенты собраны; осталось совсем немного, но придется снарядить экспедицию за некоторыми особенно хитрыми. Как ты посмотришь, если я попрошу вас с Няней отправиться кой-куда и проверить, есть ли там то, что мне нужно?

— Положительно, — сказал я. — Говори: кто, что, когда, где, почему и как?

— Я уже все сказал Няне — «ультранул», как ты выражаешься. Мне, собственно, нужно, чтобы вы слетали назад, в шестнадцатый век, и вы-

яснили, действительно ли одна милая старушка является вполне профессиональным экстрасенсом и предсказательницей будущего, как о том свидетельствуют мои изыскания. Если это так и есть, узнайте, не хочет ли она что-нибудь взять в обмен на этот свой дар.

— Проверим, — сказал я. — А можно вопрос?

— О чем?

— Мне все время хотелось узнать, чем тебя так захватил план этого Калиостро?

— Потому что это вполне реальный план! И он уже существует! Я всегда знал, что мне подвернется нечто такое, что станет поворотным пунктом в моей жизни. Между прочим, встреча с тобой значительно это ощущение усилила.

Я пожал плечами и спросил:

— А если я совсем не тот, за кого вы меня принимаете — кем бы вы меня ни считали? А если план создания идеального Иддроида провалится?

Он усмехнулся.

— Тогда в один прекрасный день появится что-нибудь новое и не менее интересное! Чем я и займусь. Мой милый, я всегда должен следовать зову сердца!

Вошла Глория, держа в руке небольшой пластиковый пакет с ручками, и спросила Адама, не хочет ли он еще чашечку шоколада.

— Нет, — сказал он, — мне уже пора.

Она покачала головой:

— Нет, сперва отправимся мы. А ты выключи-

чишь Рубильник. И, когда Эш уйдет, постарайся немного поспать. Тебе, по-моему, уже просто необходимо отдых.

— Ты уверена?

— Да. Я хочу, чтобы ты всегда был в наилучшей форме — при любых обстоятельствах!

Он поморщился, но согласился:

— Ладно. Хотя мне никакой отдых вовсе не требуется. Только ради тебя, дорогая. — Зевнув, он с кошачьей грацией потянулся, встал и пошел следом за нами в вестибюль, где находился Рубильник.

Когда мы с Глорией пожелали отправиться в путь, он как раз протягивал к выключателю руку. А еще через мгновение я обнаружил, что вместе с Глорией, которая по-прежнему держит в руке пакет, стою на грязной дороге, по обочинам которой растут жалкие ободранные деревья, а сверху на нас сыплется мелкий бесконечный дождь.

— Эх, неудачно время выбрали! — пробурчал я. Она схватила меня за руку.

— Не могу же я все условия сразу запомнить. Хотя вон тот домик впереди, кажется, и есть тот, что нам нужен. Пошли. Между прочим, это Наресбороу, Йоркшир. А год на дворе 1521-й.

— А кто эта женщина, что нам нужна?

— Ее зовут матушка Шиптон, — сказала Глория. — О ней не слишком много известно, но все же...

— Матушка Шиптон, — проговорил я, — как же, как же! Английская пророчица. По слухам,

именно она предсказала Великий лондонский пожар 1666 года и еще целую кучу других событий. Единственная загвоздка в том, что большую часть подобных событий совершенно невозможно подтвердить документально.

— Ничего, будем надеяться, что сумеем все выяснить и сами.

Я осмотрел домик. Все ставни на окнах были закрыты, а из каминной трубы вилась ленточка дыма. Глория направилась прямо к дверям и постучала.

— Есть здесь кто-нибудь? — окликнула она. — Здравствуйте, не пустите ли двух путников погреться? До нитки промокли.

— А какого черта мне вас пускать? — донесся изнутри женский голос.

— Ну, во-первых, это было бы по-людски. Вы совершили бы доброе дело, — сказал я. — Но самое главное — все предчувствия насчет визита важных гостей оправдались бы, ибо это мы и есть!

По ту сторону двери что-то застучало, кто-то завозился, и через несколько минут дверь настежь распахнулась. Мы быстренько вошли, и Глория тут же захлопнула дверь. А на меня еще у порога набросилась какая-то низенькая растрепанная толстуха. Левой рукой она заехала мне по физиономии, а правой так вцепилась в мое «мужское достоинство», что я отступил, пытаясь как-то парировать ее удары и закрываться. Вскоре я уперся спиной в дверь, и она снова попыталась на меня наскочить, и на этот раз я решительно схва-

тил ее за оба запястья и, оттолкнув от себя на расстояние вытянутой руки, там ее и держал.

— Извинения с тебя хватит? — спросил я довольно грубо. — Или, может, мы просто уйдем?

На ее лице отразилось удивление; губы задрожали.

— Спаси нас, Всевышний, от страшного его меча и могущественного его кота! — Она покачала головой, сама несколько отступила назад и улыбнулась. — Не желаете ли присесть? — спросила она и посмотрела вверх: с потолочных балок капала вода. — Если, конечно, местечко сухое отыщете.

— Она умеет предсказывать будущее, глядя в магический кристалл, только в состоянии повышенной агрессивности, — сказала мне Глория тихонько, выбирая скамью попрочнее и ставя ее между двумя лужами на полу. — Вот почему никогда и не знала по-настоящему большой удачи.

— И тебе велено было проверить это на мне?

— Правильно. Хотя я не сомневалась, что ты сумеешь постоять за себя. — Глория протянула пакет, который принесла с собой, нашей неопрятной хозяйке, укутанной в бесчисленные слои каких-то неопишуемых темных одежек. — Я тут вам принесла чай, печенье, марципаны... Если вы поставите на огонь чайник, мы могли бы выпить горячего чаю и немного перекусить.

— Чаю? — переспросила женщина. — Простите, госпожа моя. Я не знала... но нет! Вы с ним из таких мест, которые я вижу смутно... И это смущает мне душу!

Она отвернулась, взяла с полки чайник и подвесила его над огнем.

— Черт бы вас побрал совсем! — пробурчала она. — У вас-то в будущем небось сухо, а? Сухо, удобно и крыша не течет. Я же вижу!

— Не течет, — согласилась Глория. — Тут вы правы. — Она сунула руку в карман своего жакета и вытащила серебряную фляжку. — Не хотите ли капельку бренди? — предложила она, отвинчивая крышечку и протягивая фляжку мамаше Шиптон. — Чтобы согреться, а? Пока чайник не закипел?

Глаза у толстухи заблестели, она взяла фляжку и сделала добрый глоток.

— Вы зачем сюда пожаловали? — спросила она, вытирая губы тыльной стороной ладони и возвращая фляжку Глории.

— Погоди-ка, — сказал я. — Прежде чем вы начнете говорить о делах, я бы хотел знать, каково значение тех поэтических строк, которые ты произнесла, едва меня увидев.

Она покачала головой:

— Поэтических? А я и не заметила. А вот тебя я вижу в небесах. Ты Охотник.

— И что это значит?

— Сам подумай.

— А как ты обнаружила у себя такое странное свойство — рассердившись, видеть прошлое и будущее? — спросил я.

— Мой муж был учителем, — сказала она. — Он и меня учил всяким буквам и цифрам. И во-

обще большую часть недели был человек как человек, да еще множество всяких цитат на латыни знал. Но стоило прийти субботе, и его в пивнушку как магнитом тянуло! А стоило ему выпить, и в него прямо-таки бес вселялся! Заявится домой да и колотит меня, особенно если не успеет со своими приятелями подраться. И вот через какое-то время я заметила, что он всякий раз набрасывается на меня одним и тем же способом. Ну, и в следующий раз была наготове. Сразу первой на него напала да и врезала ему раз пять как следует пониже пояса и парочку раз по башке. И тут он сразу присмирел, сполз на пол и захрапел. А передо мной видения, видения — так и замелькали. И все о том, что еще только будет! Некоторые простые, о нем да обо мне, а вот другие — о войнах, о кораблекрушениях, о пожарах! Я их все и записала. А на следующей неделе в субботу, как он домой-то явился, сразу на него набросилась, он даже пальцем меня еще тронуть не успел. И снова ко мне видения пришли. Вскоре я стала подкарауливать его еще на пути домой — во-первых, чтобы порядок в доме сохранить, а во-вторых, потому что тогда мне еще и второй раз удавалось разозлиться и на него наброситься. В общем, стала я записывать эти предсказания и продавать. И дело совсем неплохо пошло! Вполне хватило, чтобы дом этот выкупить. Да и люди вокруг меня зауважали.

Я огляделся. В домике была одна-единственная комната с камином. Посредине стоял боль-

шой стол. У стены довольно-таки ветхая кровать, еще какая-то жалкая мебель. Крыша протекала. Я изобразил на лице восхищение и уважительно кивнул.

— А, ерунда! Я же видела, насколько лучше станут люди жить в будущем! — продолжала она. — Но теперь и я, по крайней мере, могла на улучшение нацелиться. В общем, стала я своего муженька еще у дверей паба по субботам поджидать, а потом тащилась следом за некоторыми его приятелями-пропойцами. Они спьяну даже боялись меня и потом всякие истории рассказывали — будто им дух явился и призывал их к воздержанию! А я и правда выбирала того, кто уж совсем лыка не вязал, — такие ведь на следующее утро совсем почти ничего не помнят. И вот мне все чаще стало удаваться в разные времена заглянуть. Я все чаще эти свои памфлеты писала, шли они хорошо, я даже смогла ремонт в доме сделать, в порядок его привести — вот, полы настлала.

— А с мужем-то что было? — спросил я.

— Ну, ему-то не больно по душе были мои побои да затрещины, но денежки шли, и дом я уже выкупила. Это вроде как все и сравняло.

— В мое время ты известна как «матушка Шиптон».

Она кивнула:

— Так и есть. Матушка. Два раза у меня близнецы рождались. Когда мне было четырнадцать и потом, через два года, еще раз. Девочки мои уж все замужем. И мужья им хорошие попались.

А сыновья — один-то, Роб, кузнец, а второй, Джеми, столяр-краснодеревщик. У обоих тоже жены хорошие. Ох, когда так много говоришь, в горле-то прямо пересыхает!..

Глория протянула ей фляжку, и мамаша Шиптон сделала несколько больших глотков.

— Что-то ничего мужского у тебя в доме не видно — ни инструментов, ни одежды, — заметил я.

Она кивнула:

— Моего-то Дикона нет, сбежал. Однажды в субботу. Небось духу не хватило дальше мои пророчества слушать. Ну а на следующий день его в реке нашли. Я-то знала, что так и будет, только он на мои предостережения внимания не обращал. Я уж много раз после этого замуж выйти могла — дела-то у меня тогда очень неплохо шли. Да только я ухажера-то домой приведу, а сама возьму и поколочу его. Первые-то колотушки самые полезные. Они всегда мне об этом человеке узнать помогали. Ну и остальные тоже пользу приносили: видения вызывали.

— Как в тот раз, когда ты насчет меча и кота сказала?

— Да. Я знала, давно знала, что ты Охотник! И много опасностей от тебя будет!

— Какие, например?

— А вот это у нас, предсказателей, и есть самое слабое место. Никогда ведь до конца смысл пророчества не угадаешь — невозможно это... — Она глянула на чайник, который как раз начинал

посвистывать. — Я, например, видела, что ни один из моих обожателей так никаких особых высот и не достигнет, вот они у меня ничего, кроме колотушек, и не получали. Правда, были среди них и такие, кому мои колотушки даже нравиться начали. Так они сюда нарочно приходили, чтобы я их еще разок побила... Потом-то я осторожнее стала, конечно. — Она улыбнулась. — Но с этими у нас и впрямь неплохо получалось, пока они не ослабли совсем и болеть не начали. Странные они все-таки, мужчины эти...

— Потому что они из того же теста, что и женщины, — заметил я.

Она сперва непонимающе уставилась на меня. Потом хлопнула по колену и рассмеялась.

— Ну ты-то знаешь, что говоришь, Охотник, — сказала она и взяла еще один марципан из протянутой ей Глорией открытой коробки. — М-м-м! Как вкусно-то!

Я встал и заварил чай. Мамаша Шиптон тем временем съела еще несколько штук. Я тоже протянул руку и взял один. Странно все это было и почти забавно — сидеть и пить чай в жалком холодном домишке с протекающей крышей рядом с грязной невежественной старухой, явно обладающей некоторыми антиобщественными задатками. Я умудрился отыскать в этом хлеву целых три чашки и отмыл их. Потом нашел в пакете, принесенном Глорией, сахар, сливки и лимон, аккуратно все это разложил и расставил, чтобы каждый мог удовлетворить свой собственный вкус.

Когда я уже практически накрыл на стол, Глория наконец сделала первую подачу.

— А что, если бы вы могли обменять свой дар ясновидения на что-нибудь более полезное для себя? Вы бы пошли на это? — спросила она.

Матушка Шиптон вздохнула и приняла у меня чашку с чаем.

— Ох и много же раз я мечтала от этого ясно-видения избавиться! — сказала она. — Ведь я столько раз видела, что вскоре на нас обрушатся великие беды, да только сделать-то ничего не могла. — Она помолчала, то и дело поднося чашку к губам. — К тому же это мой основной заработок. Небось и сами видите: живу-то я неплохо! Для наших-то времен, конечно. Да и какое-никакое образование я тоже благодаря этому дару получила: в технике разбираться стала, кой-что даже починить могу; и в военной стратегии немного понимаю — на дурном-то примере... И говорить красиво я научилась, и вести себя в обществе умею... Мне ведь и придворных не раз видеть приходилось, и политиков, и любовников высокопоставленных всех мастей... И церковников... Ну и простых людей, конечно. Я изо всего свою выгоду извлечь умела. А заодно искусством боя и придворной интриги овладела. Нет, я понимаю: это у меня вроде как проклятье, а все ж таки и добра оно мне немало принесло! Нет уж, так просто я с этим не расстанусь!

Она взяла еще два марципана и с удовольствием продолжала пить чай.

— Судя по вашим словам, — снова заговорила Глория, — вы бы согласились продать свой дар только за такую цену, которая сможет обеспечить вам прежний жизненный уровень? То есть чтобы вы могли жить так, как уже привыкли?

— Думаю, это должно быть что-нибудь получше! У меня ведь и кое-какие мечты имеются. И кое-какая возможность их осуществить — тоже. Оно бы, конечно, неплохо состояние иметь... — Она стала осматривать свою запятнанную одежду, приподнимая ее грязные верхние слои один за другим. Потом отряхнула юбку, пригладила волосы и покачала головой. И я вдруг понял, что она совсем не старуха! А под слоем въевшейся сажи и грязи волосы у нее скорее всего светлые и никакой седины в них нет и в помине. У нее были потрясающе красивые голубые глаза и высокие скулы современной топ-модели. Да ей ведь всего-то чуть больше тридцати! Когда я это осознал, мне очень захотелось узнать, какая у нее на самом деле фигура — подо всем этим тряпьем? — Наверное, и мне бы хотелось красивой быть, — задумчиво продолжала матушка Шиптон, — нарядно одеваться, встречаться с приличными людьми, а может, и замуж выйти...

Глория кивнула.

— Кое-что можно будет сделать, — пообещала она. — Не согласились бы вы отправиться с нами и поговорить с нашим руководителем? За такие дела именно он отвечает. И не стоит беспокоиться: никакого сговора с дьяволом тут нет.

Все это связано лишь с развитием точных наук — ну и с деньгами, конечно.

Матушка Шиптон рассмеялась.

— А я и не верю в сговор с дьяволом, детка, — сказала она. — Я и без него слишком много видела способов проникновения в нашу жизнь Зла. А с этим вашим хозяином я поговорю с удовольствием и посмотрю, что он может мне предложить. Если у тебя есть что-то, что другим позарез нужно, так почему бы и не поговорить? Все здравомыслящие люди так поступают.

— А ты, между прочим, тоже охотница! — заметил я, жуя печенью.

— Да, и одна из лучших!

— А скажите мне, матушка Шиптон, — почти весело спросила у нее Глория, — вы слышите какие-нибудь иностранные слова во время этих видений?

— А как же! Когда об иных странах речь идет — обязательно слышу.

Глория кивком указала ей на меня:

— Значит, слово «охотник» — это ваш перевод какого-то чужеземного слова? Вы с таким чувством его произносите...

— Ох и востра ты, детка! — восхитилась мамаша Шиптон, наливая себе в чашку кипятка и весьма ловко пользуясь пакетиком с заваркой. — Действительно, видела я одну иностранную штуквину — вроде бы как «хранителем» ее называли, только на самом деле это охотник был.

— И еще там было слово «грейлон»?

— Было. Они как бы вместе были.

Глория кивнула и тоже принялась пить чай. Я заметил, что клыки у нее наготове.

— Не могла бы ты пояснить мне, — обратился я к ней, — что, черт побери, вы с ней обсуждаете?

— Альф, ты, без сомнения, самый опасный человек на Земле! Причем на протяжении многих веков в ту и другую сторону временной оси. Как же ты этого не понимаешь?!

— Ну-ну. А как насчет того, чтобы меня просветить?

— Нет. Время течет по-разному — для нас и для тебя. И лично твое, и наше общее. Ведь ни одно из них не идет так, как полагается. Вот мы и выжидаем, а ты волнуешься и страдаешь в результате собственных поступков. Ну ты вспомни: мы ведь могли не раз причинить тебе зло, но до сих пор так и не причинили, верно?

Я кивнул и сказал:

— По-моему, на этот раз мне здорово повезло с заданием.

— Но этот раз — единственный в своем роде! — заметила Глория.

— Господи, до чего ж интересно вы тут говорите! — прервала нас матушка Шиптон. И, честное слово, я только в этот миг начал о чем-то догадываться. — А мне ведь вот что в голову-то вступило: если в чай чуточку вашего бренди добавить, так еще весельше будет!

Я изо всех сил пытался представить себе соб-

ственное отражение в зеркале. Мне нужно было спросить у него совета! И оно вдруг явилось мне, молча на меня посмотрело и сказало: «А теперь урони чашку».

Я уронил. Матушка Шиптон пронзительно взвизгнула, и глаза ее наполнились слезами.

— Альф, как ты мог? — упрекнула меня Глория. — Эти предметы быта так высоко ценятся здесь!

— Простите... Она сама у меня из рук выскользнула.

Глория встала.

— Я сейчас вернусь, — сказала она, — и принесу кое-что взамен.

— Да необья...

Но Глории уже не было. Меньше чем через тридцать секунд она появилась снова — украсив волосы длинной узкой лентой и держа в руках кружку, взятую на кухне в «Черной Дыре». Кружку она протянула мне. И я налил туда чаю.

— Эту можешь сколько угодно ронять, — сказала Глория. — Она виртуально небьющаяся.

Я кивнул, и мы с матушкой Шиптон поблагодарили Глорию за заботу. Пока она отсутствовала, я успел научить матушку Шиптон, что именно нужно в таких случаях говорить.

Мы пили чай и ели марципаны. А за окном все лил дождь, крыша по-прежнему протекала, и мысли в этом давно минувшем, пропащем мире были какие-то отсырелые и тоже пропащие!

ГЛАВА 6

УЛЫБКА ЗАГАДОЧНОГО КОТА

Когда мы пожелали вернуться назад, то унеслись так быстро, что я даже несколько растерялся и сильно стиснул запястье этой La Shipton — чтобы не забывала о моих наставлениях.

Через мгновение все вокруг вновь стало привычным и узнаваемым, хотя вряд ли то была прежняя Luogo Negro. Под деревом, росшим напротив нашего дома, стоял стол, и за ним сидели Безумный Шляпник и Мартовский Заяц. Они пили чай, и между ними сидела Соня, а на противоположном конце стола, справа от них — маленькая светловолосая девочка! Напротив Шляпника сидел Адам и болтал без умолку.

Заметив, куда смотрят его собеседники, Адам встал, обернулся и с улыбкой, приветливо кивая, направился к нам. Шляпник у него за спиной тоже поднялся — длинная знакомая фигура — и поклонился дамам, сняв свою старомодную шляпу. Под шляпой голова его, как я и ожидал, оказалась покрыта спутанными седыми волосами.

— Это моя помощница Медуза, с которой вы уже успели мимоходом познакомиться, — сказал Адам, — а с ней — миссис Урсула Шиптон, наша весьма перспективная клиентка. А это мой второй помощник, Альфред Нуар. Дорогие друзья,

¹ Герои сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес», глава «Безумное чаепитие».

позвольте мне представить вам уважаемого профессора, сэра Бертрана Рассела¹.

— Только давайте поскорее покончим с этими допотопными тевтонскими церемониями, — сказал доктор Рассел, улыбаясь нам. — Я очень рад со всеми вами познакомиться. Адам не только очень внимательно отнесся к волновавшей меня проблеме, но и немало развлек меня, а затем, точно отвечая моему тайному желанию, предложил мне весьма, надо сказать, «колючую» дилемму «Идеалы и возможность их практического воплощения». — Он повернулся к Адаму: — Как я уже сказал, сколько вы ни старайтесь держать это снаружи, оно все равно сумеет найти лазейку и проникнуть внутрь! — сказал он.

— Но это же противоречит вашим собственным пацифистским принципам! — возразил Адам. — Особенно если вы утверждаете, что подобная способность может у него выработаться уже после нескольких контактов с представителями человеческой расы.

— По мере того как подходят к концу мои дни на этой земле, я все пристальнее вглядываюсь в окружающий меня мир, который сейчас, возможно, находится далеко не в лучшей своей форме и кажется мне гораздо хуже, чем когда я увидел его

¹ Бертран Рассел (1872—1970) — английский философ, логик, математик, общественный деятель. Основатель английского неореализма и неопозитивизма. Автор основополагающих трудов по математической логике и философии. Один из инициаторов Пагуошского движения и соавтор «Манифеста Рассела—Эйнштейна».

впервые, — сказал Рассел. — И мне страшно от того, что это — то есть подобная возможность — может стать реальностью, хотя я стану возражать против этого до последнего своего вздоха. Я всего лишь прошу: не надо искушать судьбу!

Адам наклонился и поднял с земли какой-то длинный хлыст — прут или удочку? — который, похоже, длиной значительно превосходил его самого. «Удочка» была разрисована какими-то разноцветными спиралями и походила на пряничную тросточку, а когда Адам стукнул ею по земле, земля содрогнулась, как от удара кузнечного молота.

— Веселее, сэр, — сказал он, — наша актерская пирушка подходит к концу.

Мартовский Заяц вытащил свои часы и посмотрел на них. Потом опустил их в чашку с чаем, вынул и снова посмотрел на стрелки. Потом поднялся и, ни слова не говоря, повернулся и ушел в дом; через несколько минут за ним последовали Алиса и зевающая Соня.

— Я уже предупреждал вас, — сказал Адам, — что эти актеры — всего лишь духи, а потому они попросту растворились в воздухе. И, подобно им, не имеющие материальной основы наши видения — эти башни с капителями в виде облаков, эти роскошные дворцы, эти гордые замки и сам величественный земной шар, да-да, вместе со всем тем, что ему досталось в наследство, — тоже должны раствориться в воздухе и исчезнуть без следа.

И тут, не успев договорить, дом, дерево,

стол под ним и все, что на этом столе было, и даже само небо — все, все начало таять, исчезать, растворяться в воздухе, и мы оказались в квартире Адама. Доктор Рассел кивнул, как бы в подтверждение собственных мыслей.

— Мы и сами подобны тому, из чего состоят наши сны, — сказал он, — и вся наша короткая жизнь замкнута в кольцо сна. Но не сломите ли вы свой волшебный посох, сэр? Не сломите ли вы его?

В ответ Адам поднял разноцветную «удочку» над головой, держа ее обеими руками как можно ближе к концам. Какое-то время я думал, что это просто так, но затем спина его сильно напряглась, и я догадался, что он прилагает невероятные усилия, чтобы эту «удочку» согнуть. Пиджак лопнул у него на спине, а через несколько секунд лопнула и рубашка. В прореху стала видна бронзовая кожа, под которой играли узлы могучих неземных мускулов. Наконец металлический прут в его руках согнулся, и одним движением он превратил его в букву S. Затем еще одно усилие — и буква S превратилась в восьмерку.

— Я не уверен насчет адекватности такого ответа с вашей стороны, Адам, — заявил лорд Рассел, — но все равно спасибо: за помощь и за гостеприимство. — Сказав это, он тоже исчез, растворившись в воздухе.

Адам шагнул к стене и пристроил возле нее согнутый восьмеркой металлический прут. Распрямившись, он заметил, в каком состоянии его

одежда, усмехнулся, поглядел на меня и вдруг исчез. Осталась только его улыбка, которая еще некоторое время висела в воздухе.

— Как он это сделал? — спросил я у Глории.

— Ты имеешь в виду материальность образа доктора? Просто Адам оставил вход в многоцелевой отсек открытым. Когда аппаратура активирована, энергия поля сама собой выползает оттуда.

— Все страньше и страньше! — пробормотал я, беря в руки кривоватую восьмерку и с удовлетворением отмечая, что это настоящая сталь. — А его собственный, чисто кошачий, последний трюк? Когда от него, как от Чеширского кота, осталась одна улыбка?

— Это он просто забавлялся с побочными эффектами данного пространства, — пояснила Глория. — Здесь, внутри, благодаря сингулярности можно запросто телепортироваться с места на место. Мы, правда, практически никогда этим не пользуемся. Гораздо проще самому пересечь комнату и взять книгу, чем фокусировать на ней свое внимание и волю, чтобы телепортировать ее всего на какие-то двадцать футов. У Адама просто слабость к драматическим эффектам.

— Это я уже заметил. И все-таки как ему удалось оставить в воздухе свою улыбку?

— Практика. Он отлично владеет этим искусством. Он вообще все всегда делает на «отлично».

— Это я тоже уже заметил.

А Адам между тем успел вернуться. Он мате-

риализовался у дальнего конца дивана; на нем была свежая сорочка и те же брюки.

— Ну что, не хотите ли еще повеселиться? — спросил он.

— Надеюсь, ты и так хорошо отдохнул! — Глория была непреклонна.

— Ты права. И моя юность вновь вернулась ко мне, точно орел, сделавший круг в небесах!

— Интересно, а чем это вдруг захотелось обменяться с тобой доктору Расселу? — спросил я.

— Ему хотелось избавиться от запаха изо рта, — ответил Адам. — Понимаешь, у него молодая подруга, и она недавно сказала ему, что у него изо рта плохо пахнет. Он перепробовал все полоскания на свете, но ни одно из этих средств не помогло, и он прямо-таки впал в отчаяние. А потом он кое-что вспомнил — когда-то ему рассказывал о Luogo Negro Альфред Норт Уайтхед¹ — и решил попробовать.

— И ты избавил его от запаха изо рта в обмен на сцену «Безумного чаепития»?

— Не только. Я его немного поэксплуатировал как философа. И он мне дал один полезный совет.

— О смысле жизни, разумеется? Всегда полезно знать еще чье-то мнение на сей счет.

— О нашем Идрроиде, — возразил Адам. —

¹ Альфред Норт Уайтхед (1861—1947) — англо-американский математик, логик и философ, представитель неореализма. Автор (совместно с Б. Расселом) основополагающего труда по математической логике «Основания математики».

Рассел совсем не уверен, что бульдозерная проработка нами всей информации, содержащейся в Библиотеке Конгресса, так уж полезна. Он полагает, что то, чего мы так стараемся избежать, видимо, является непосредственной составляющей того примитивного Коллективного Бессознательного, которое нам принес Гоми. Меня, честно говоря, подобная точка зрения удивила. Это мнение, похоже, идет вразрез с большей частью его же собственных основных установок... И я попросил его немного поразмышлять вслух и сказал, что чем необузданнее будут его мысли, тем лучше. И его, возможно, просто ошеломила природа задуманного нами проекта.

Он обошел диван кругом и стоял теперь прямо перед нами.

— Да уж, похоже, ты его действительно просто потряс, — сказал я и слегка подтолкнул Урсулу Шиптон, давая ей понять, что настала пора действовать.

Она пронзительно вскрикнула, рванулась вперед и успела раза два ударить Адама — это, надо сказать, потребовало от нее немалого мужества после эксперимента со стальным прутком. Но она, видно, была женщиной чрезвычайно азартной и большой шутницей.

Вдруг она снова пронзительно вскрикнула и, потеряв сознание, покатилась по полу ко мне. Я сразу бросился к ней, подхватил ее на руки и отнес на диван.

И услышал, как она прошептала:

— У него могущество того кота! Я его видела, точно видела: в Судный День. Все человечество он загнал в одну шкатулку, а потом бросил ее в огонь. Может, он и есть Дья...

— Я нарочно устроил это маленькое представление, — громко сказал я, — в отместку за ту встречу, которую ты устроила мне. Ну что, видишь будущее благодаря собственной агрессивности? Вот и давай теперь рассказывай этому джентльмену о своих видениях.

— Девять жизней, — сказала она, — и восемь охотников, которые уменьшат это число. Самый лучший из них еще не появился, но скоро появится: он уже совсем близко. И скоро, очень скоро наступит время, когда тебе, кот, уже не удастся приземлиться на все четыре лапы!

Адам пригладил свои рыжие волосы и улыбнулся.

— Здорово! — сказал он. — Да, ты все правильно поняла! — Он придвинулся ближе, наклонился и коснулся ее лба. — Дай мне знать, когда будешь готова, и мы сыграем с тобой в пел-мел¹.

— В пел-мел? — переспросила она и тут же села, широко раскрыв от изумления глаза. — Я готова.

Он взял ее за руку, и они направились к Дыре.

— И все развлекались и веселились! — воскликнул я. — Извини, Глория, я на минутку: зов природы.

¹ Старинная игра в шары.

Я быстренько нырнул в уборную, закрыл за собой дверь и остановился, разглядывая собственное отражение, перед маленьким зеркалом, которое висело на противоположной стене. Я призвал на помощь всю свою волю, и отражение наконец в зеркале появилось. Значит, я тоже мог это делать? Мог телепортировать самого себя? Надо будет как следует овладеть этим искусством, превратить его в безупречное умение, в рефлекс, чтобы делать это так же легко, как Адам. Я сразу представил себе, как без конца буду бегать в туалет — чтобы иметь возможность попрактиковаться.

А пока что я внимательно рассматривал собственное отражение в зеркале.

— Еще какие-нибудь указания будут? — спросил я у него.

— Пока нет, — ответило отражение. — Побудь пока там просто так. Правильный выбор времени в нашем деле решает все.

Я вернулся в гостиную и обнаружил, что Глория беседует с Эштоном Эшем, который больше уже не являлся членом вокальной группы «Ай-Ти» и был одет в джинсы фирмы «Levi», дорогие кроссовки, черную итальянскую майку и светлую кожаную куртку. На ремне у него висели солнечные очки в красивом дорогом футляре. Увидев меня, он улыбнулся.

— Я как раз рассказывал, что решил попробовать попасть к вам просто так — просто проверить, получится ли у меня, и получилось отлич-

но! — сообщил он мне. — Мне хотелось спросить у вас, не поможете ли вы мне, ребята, познакомиться с какими-нибудь приятными девушками? Может быть, кто-то из них тоже заходил сюда? Мне подумалось, что с теми, кто был вашими клиентками, у меня могло бы получиться куда лучше. Мне кажется, мы бы испытывали друг к другу большее расположение. Это было бы что-то вроде «круга старых однокашников»...

— Боюсь, вам придется самому подыскать себе даму сердца, — мягко сказала Глория. — Мы просто не в состоянии выполнять еще и функции бюро знакомств.

— Но приятных девушек так трудно...

Он не договорил: из Дыры появился Адам рука об руку с Урсулой Шиптон. Ее омерзительное тряпье исчезло, и теперь она была в элегантном узком черном трикотажном костюме и красных босоножках. Ее волосы — вымытые, подстриженные и отлично уложенные — действительно оказались совсем светлыми. С левой стороны она заколола их красной коралловой заколкой. С плеча у нее свисала маленькая блестящая черная сумочка и красный свободный жакет ажурной вязки. А лицо ее, теперь дочиста отмытое, оказалось и вовсе прехорошеньким. Я бы ее ни за что не узнал, если б не скулы и яркие глаза. Она, пожалуй, выглядела даже моложе своего предполагаемого возраста.

— Кто это? — спросил явно восхищенный Эш, указывая на Урсулу.

— Одна наша клиентка. Вроде вас. Нет, не вроде — у нее совсем другие проблемы, — поспешил поправиться я.

— Она замужем? — прошептал он.

— Вдова, — сказал я. — Хотите познакомлю?

— Еще бы! Был бы вам очень обязан!

— ...Итак, денег, которые я тебе дал, хватит примерно на неделю, — между тем говорил Урсуле Адам. — Если не хватит или тебе понадобятся еще деньги, просто приходи сюда. Между прочим, совсем неплохая идея: тебе в любом случае стоит проверки ради каждый день сюда заглядывать. А заодно мы сможем и все возникшие у тебя вопросы разрешить. Мне бы, конечно, очень хотелось дать тебе провожатого на первое время, но никого из своих людей я тебе дать не могу...

Я откашлялся.

— Дорогая Урсула, — сказал я, — позвольте представить вам мистера Эштона Эша.

Эш сделал шаг вперед, слегка поклонился ей, взял ее руку и поднес к губам.

— Я случайно услышал часть вашего разговора... — сказал он, явно смущаясь. — Поверьте, я был бы счастлив служить вам провожатым так долго, как вы сами того пожелаете! Мы могли бы для начала где-нибудь вместе пообедать, если не возражаете.

— Ах, благодарю вас, — сказала она, оглядываясь на Адама и на меня, — э-э-э... мистер Эш.

— Просто Эш, — сказал он.

— Ну, раз так, вам необходимо кое-что узнать об этой даме, — сказал я. — Она из шестнадцатого столетия. И настоящее время — для нее весьма отдаленное будущее.

— Я понимаю, — сказал он. — Я ведь и сам из другого времени, хотя разница и небольшая, всего каких-то шестьдесят лет.

— Вы достаточно хорошо знаете современный Рим? — спросил Адам. — Сможете показать ей городские достопримечательности?

— О да! Честно сказать, я ведь некоторое время вообще пользовался вашим заведением как остановкой метро. И только потом набрался смелости и обратился к вам за консультацией. А обычно я осторожненько выбирался наружу и осматривал город. И попадал почему-то всегда именно в этот период времени. Хотя я мог бы показать ей и будущую версию Рима, если только она...

— Я уже видела эту будущую версию, — сказала Урсула. — Вообще-то, и настоящую его версию я тоже видела. И, надо сказать, мне больше нравится настоящая. Возможно, я бы даже предпочла всегда жить здесь. И вести здесь свои дела. Хотя мне, конечно, хотелось бы кое-что здесь посмотреть... своими глазами.

Адам понимающе кивнул. Эш повел ее к двери.

— Идемте. Я все вам подробнейшим образом покажу, — пообещал он.

— А я обеспечу вам всю необходимую защиту, — пообещала она в ответ. — Укажу, например, на дурное соседство.

Эш озадаченно посмотрел на меня. Я улыбнулся ему и ободряюще кивнул.

— У нее прекрасное чутье на такие вещи, — пояснил я.

Когда дверь за ними наконец закрылась, Адам не выдержал и рассмеялся.

— А знаешь, мы действительно могли бы открыть бюро брачных знакомств, — сказал он. — Я мог бы подобрать очень интересные пары из различных временных эпох...

— Даже не думай, — сказала Глория. — Одолжения отдельным клиентам ты, разумеется, время от времени оказывать можешь, но от главной задачи не отвлекайся.

— Боюсь, что ты права...

— А что, интересно, тебе потребовалось, чтобы сделать из матушки Шиптон такую красотку? — спросил я.

— В основном мыло и вода, — ответил Адам. — И однократные услуги парикмахера, визажиста и массажиста. Иначе, пожалуй, ей вряд ли можно было бы показаться в центре города. Ну и еще, конечно, пришлось пробежаться по наиболее популярным магазинам одежды.

— Не так уж дорого, — сказал я. — Ты, надо отметить, весьма быстро движешься по списку, добывая недостающие составляющие. Скажи, а какое тело вы собираетесь дать этому Идрроиду?

— Калиостро предложил одну из стандартных моделей андроида. Со всеми вытекающими от-

сюда последствиями. Хотя Идройд должен будет уметь легко видоизменяться, причем не только физически.

— Звучит довольно опасно.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского!

— А что вы собираетесь с ним делать, когда закончите?

— У меня есть кое-какие общие планы, но придется обсудить их с Калиостро.

— Я думал, ты помогаешь ему, потому что... это исключительно дерзкий проект.

— Так и есть. Но я предвидел появление Идройда. Просто не успел сам вывести формулу. А он явился ко мне с готовой формулой, причем в нужный час и в нужном месте.

— А если ему твой план не понравится?

— Вряд ли. Он же разумный человек.

— Что ж, будем надеяться.

— Вот и хорошо. А теперь давай займемся долговременной памятью, которую я тебе обещал. Я считаю, что пора. А ты?

— Согласен с тобой. — Я и не думал возражать. — Тем более ты так давно мне это обещаешь, что я просто сгораю от любопытства. Пруст, ты говорил? И у тебя есть все, что нужно?

— О да! Я дал Шарлю — то есть Карлусу, графу де Монтескье-Ферензак — временный ориентир в его любовной истории с Сарой Бернар, хотя он мне и заявил, что никогда более на подобную связь не пойдет. Очень требовательная женщина! Впоследствии Монтескье даже хотелось, чтобы

его пожалели. А ты знал, что он служил Гюисмансу¹ прототипом для героя его романа «Наоборот»? Монтескье был человеком, не обладавшим никакими особыми талантами, но при этом умудрившимся дважды добиться успеха на литературном поприще и единожды на театральном, хотя и несколько меньшего. Я...

И тут я совершенно отвлекся. Дело в том, что у него за спиной, в прихожей, появилась женщина. И не просто женщина, а одна из самых очаровательных прелестниц! Высокая, гибкая, с темной, какой-то дымчатой кожей, с густой гривой очень светлых, почти белых волос, в массе которых весьма, как это ни странно, натурально мелькали черные прядки. Водопад волос укрывал ее почти до пояса. Уши в верхней своей части у нее были чуть заостренные; их украшали серьги в виде серебряных колец. Ногти у красавицы были черные, длинные и тоже заостренные; подбородок маленький, а лоб широкий. С ее плеч ниспадал черный плащ, а тело было искусно задрапировано узкой полосой черной материи, обвивавшей его подобно спирали. Плащ украшала серебряная застежка. А на ее левой лодыжке я заметил серебряный браслет. Ее желтые глаза не мигая смотрели на Глорию. Затем незнакомка поднесла палец к губам, и Глория едва заметно кивну-

¹ Шарль Мари Жорж Гюисманс (1848—1907) — французский писатель, представитель натуралистического направления в литературе, вскоре открыто повернувший к декадансу, что отражено, в частности, в его романе «Наоборот» (1884).

ла. Меня всего прямо дрожь пробрала, когда красавица встретилась со мной взглядом и снова поднесла палец к губам.

Затем она беззвучно приблизилась к Адаму со спины.

— ...а Роберт Хаас, послуживший прототипом Свана¹, — вещал между тем Адам, — был среди них самым замечательным...

Внезапно дама исчезла. Сперва я решил было, что и ей тоже известны все эти трюки с телепортацией. Но потом я увидел, что она просто опустилась на четвереньки, выгнула спину, припала к полу, поползла...

И прыгнула! Но Адам все же успел с улыбкой обернуться ей навстречу и поймать ее на лету, хотя на ногах устоял с трудом. А еще через несколько мгновений они сплелись в клубок и покатались по полу, издавая такие звуки, которые достойны разве что уличных котов.

Я придвинулся к Глории ближе, посмотрел ей в глаза и тихонько спросил:

— Что происходит?

— Это Прандха Ради — или Пранди для краткости, — пояснила Глория. — Старая подружка Адама. Они играют в эту игру уже несколько столетий. — Глория подошла к Рубильнику и выключила его. — Очень не хотелось бы, чтобы именно сейчас к нам забрел какой-нибудь клиент, — сказала она. Теперь уже и Адам, и Пранди стояли на

¹ Имеется в виду герой знаменитого романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени».

четвереньках и, как мне показалось, плевали друг другу в лицо.

— Это у них что, особо бурные эмоции так проявляются? — спросил я. — Или, может, у них язык такой?

— И то и другое, — ответила Глория. — Честно говоря, в последний раз она здесь появлялась где-то во время Второй мировой войны...

— По-моему, тебе все это не слишком нравится?

— Ничего подобного! Конечно же, мне это нравится! Ведь здесь так сложно отыскать настоящую женщину-кошку... И Адам всегда так грустит, если они ссорятся...

— Может, на этот раз они ссориться не будут?

— Помотрим.

Она глазами указала мне на лестницу. Мне показалось, что это просто отличная мысль, и я поспешил за Глорией наверх, слыша у себя за спиной неторопливый обмен странными звуками — кошки то ли рычали, то ли шипели, — и не успел я достигнуть верхней ступеньки, как к этому полурычанию-полушипению прибавились более определенные пронзительные вскрики-утверждения.

Мы заперлись в комнате Глории. Снизу уже доносились звуки любовной возни.

— Расскажи мне историю их любви, пожалуйста, — попросил я, когда мы наконец устало развалились на широченной постели.

— Они встретились очень давно и в весьма

далеком отсюда будущем, — начала свой рассказ Глория. — И сразу отлично поладили. А в один прекрасный день узнали, что заранее предназначались друг для друга — в целях сохранения генетического фонда «божественных». Это, похоже, был один из тех случаев, когда что-то тебе очень нравится, но только до тех пор, пока тебе не говорят, что ты это делать ОБЯЗАН. И тут же их любовь утратила весь свой пыл. А может, их бурная страсть напоминала пороховой погреб, куда попала искра нежелательной информации... Так или иначе, они поссорились. Вот Адам, ничего не сказав ей об этом нашем проекте — о Luogo Nero, — взял и просто исчез из ее жизни.

— Минуточку, — сказал я. — Но что им стоило пожертвовать несколько собственных клеток во имя того проекта? И рвать отношения не было бы никакой необходимости.

— Нет, их все это раздражало. Не знаю, то ли у них обоих такой невроз, то ли это проявление неких особенностей кошачьего интеллекта... Не желают они что-либо делать по принуждению, и точка! Я, например, знаю, что такое положение вещей для меня тоже было бы далеко не безразлично, как и для большей части представителей моего народа, впрочем, но вы, грейлонцы, по слухам, даже превозносите покорность чужой воле как добродетель...

Я повернулся и посмотрел ей прямо в глаза.

— Вот так-то, — сказала она.

Я кивнул и спросил:

— «Грейлон» — это, кажется, одно из тех слов, которые Урсула употребляла, характеризуя меня?

— Да. В значении «людской, человеческий». Но у него есть и несколько дополнительных значений.

— Какие?

— Сперва постарайся понять, что такая оптимальная модель человеческого существа, как ты, в отдаленном прошлом встречалась достаточно редко — как и в отдаленном будущем. А борющихся за сохранение именно этой модели считали расовыми пуристами высшей пробы.

— Но все равно ваши народы — кошки, змеи, лисы, мангусты — так или иначе окажутся когда-нибудь в том же положении. Раз вы не можете смешиваться и давать потомство, то и у вас имеет место борьба за чистоту расы, хотите вы этого или нет.

— Это верно. Однако у грейлонцев — которые так долго трудились над сохранением собственной расы и восхищались этим — имеется и некая идеологическая составляющая. То есть вполне определенная исходная форма человека считается наилучшей, а остальные сочтены неполноценными.

Я улыбнулся:

— И мы, разумеется, не беремеем от змей, кошек, мангустов, лис — да мало ли от кого еще! — которые точно так же считают свою форму наилучшей.

Глория несколько минут помолчала, затем сказала:

— У каждого народа найдутся отдельные представители, всегда готовые в это поверить.

— Но когда так поступают грейлонцы, это считается дурным, верно? — сказал я. — Потому-то они, вероятно, и играют в вашей мифологии роль этаких демонов — склонных к диктаторству существ, с которыми вы вынуждены были бороться, чтобы обрести свободу. Так что гордость просто должна была стать добродетелью, если уж демоны ее обрели.

— Они сделали все, что было в их силах, и даже более того, в области генной инженерии, клонирования и создания специальных обучающих программ, дабы стать суперрасой, такой, которая действительно превосходит все прочие. Последние настоящие люди — это памятники понятию превосходства, которые они сами же и создали.

Я засмеялся.

— Разве это так уж сильно отличается от того, как ваши ученые отбирали, скрещивали, снова занимались селекцией и снова кроили и перекраивали, стремясь создать ваших «божественных»? Скорее похоже на то, что вы просто украли это понятие у тех, кто хотел бы видеть таким «божественным» весь свой народ — и при том сохранить внутри его абсолютную демократию. Ведь каков ваш «божественный»? Ему, как мне кажется, больше всего хотелось бы, чтобы все на свете перед ним приседали — прости, распластывались по-кошачьи! И мне подобная позиция представ-

ляется куда более опасной, чем грейлонская программа самоусовершенствования!

— Вы все, должно быть, просто запрограммированы, раз думаете так! Ты и те твои клоны!..

— Я и мысли не допускаю, что являюсь одним из тех несчастных парней! Я просто стараюсь внести некоторую ясность, слыша подобные оскорбительные заявления.

— ...И это в тебя въелось настолько, что ты и сам уже этого не замечаешь!

— Я надеюсь, ты отдаешь себе отчет, что в данный момент пытаешься заставить меня играть по некоему своему, совершенно безнадежному, правда, сценарию с плохим концом? Согласно которому я всегда остаюсь в дураках, что бы ни говорил?

— Скажи мне, каковы наивысшие добродетели цивилизованного народа? — спросила она вдруг. — Уважение к Закону? Занятие искусствами? Преданность высоким культурным идеалам? Внимание к народному волеизъявлению и всесторонняя его поддержка во имя светлого будущего?

— Готов поспорить: у каждого народа всегда были СВОИ добродетели.

— Справедливо, пожалуй... Я-то пользовалась индукцией... Ну а каковы, по-твоему, идеалы грейлонцев? — Я в ответ лишь молча пожал плечами. — По их мнению, — продолжала Глория, — человечество в самом начале своего существования представляло собой стаю хищников и — в том или ином виде — оставалось таким на протяжении всей своей истории. А потому, поскольку

ку именно сила и жестокость считались у них добродетелями, делавшими их великими, они их и воспевали. И не имеет значения, какие конкретно цели преследует каждая особь в отдельности: основы размножения, развития и обучения грейлонца — это охота! Ваша раса — раса охотников, Альф!

— Как и твоя, Глория. Иначе вы просто не выжили бы, и у вас не было бы таких очаровательных представительниц, как ты. Все виды вынуждены быть хищниками, чтобы выжить. И это не такая уж новая мысль. А уж кошки еще и долю садизма привносят, охотясь на свои жертвы. Нет, ты не сказала мне ничего такого относительно грейлонцев, против чего я стал бы возражать, ибо это противоречило бы моим моральным установкам. А может, тебя раздражает тот факт, что они столь открыто признают хищнический характер своей природы?

— Нет, — сказала она. — Но они посылают свою молодежь охотиться на самых опасных чудовищ Вселенной. Так у них «делают карьеру»! И те, кто проявляет в этом деле талант, становятся настоящими Охотниками.

— Охотниками?

— Да, Охотниками, которые охотятся ради процесса самой охоты! Которые сами себе памятники за это ставят! Это профессионалы. К ним обращаются, когда действительно необходима Охота. И Охотники устремляются вверх и вниз по временной оси и вне зависимости от того, какова цель той Охоты, для которой их наняли. Их удаль

и славные подвиги стали легендой. Заплати им нужную цену, и они принесут тебе любую «дичь» живой или мертвой.

— Но ведь и во Вселенной должны быть свои полицейские, — заметил я.

— Грейлонские профессиональные Охотники больше похожи на охотников за щедрым вознаграждением!

— И охотники во Вселенной тоже нужны.

— Это в тебе говорит твое время.

— А в тебе — твое. Так что давай пока считать, что у нас с тобой ничья, ладно? Весь этот спор случился из-за того, что ты начала рассказывать мне историю Адама и Пранди, и я, право, хотел бы услышать продолжение.

Она согласно кивнула.

— После того как они поссорились и Адам отправился на задание, Пранди долгое время пыталась определить, куда же это он исчез.

— Так, значит, это секретный проект, не имевший отношения к «божественной» четверне из пробирки?

— Нет. Но поскольку Адам из числа «божественных», все делалось очень тихо.

— Ну и как же ей удалось его найти?

Глория отвернулась от меня и легла на бок. Протянув руку, она погладила одну из своих старых кож, висевшую на стене. Доносившийся снизу неистовый кошачий концерт сменился более тихими и спокойными звуками.

Наконец Глория снова заговорила:

— У меня такое впечатление, что Пранди на-

няла одного из этих КОЛОССАЛЬНЫХ Охотников, чтобы тот выследил Адама во времени — у них это получается лучше всех, да и собственные способы путешествовать во времени у Охотников тоже имеются...

Я с трудом подавил смех, но все-таки пискнул: «Ой!»

— И вот однажды, еще в Этрурии, она вдруг появилась у нас на пороге. Между влюбленными состоялось радостное, омытое слезами примирение, и они несколько лет после этого счастливо прожили вместе.

— Пока не поссорились снова? — спросил я.

— Вот именно. И тогда она ушла, а он очень долго печалился.

— Пока она не вернулась?

— Да.

— А потом они снова поссорились и она снова ушла?

— Да.

— И так веками?

— Да.

— Напоминает сложный брачный ритуал — когда супруги, когда им все надоедает, специально расстаются, чтобы затем, как бы возродившись вновь и став «совсем другими», вновь воссоединиться.

Внизу кошачьими голосами взвыли вновь воссоединившиеся.

Глория снова повернулась ко мне. Теперь она улыбалась.

— У тебя множество странных способов виде-

ния мира, — сказала она. — У большинства представителей твоего вида ничего подобного не наблюдается. Очень жаль, что и ты из числа тех же кровожадных ублюдков, которые убивают нас ради наживы.

Я закрыл лицо руками и затрясся в притворных рыданиях.

— Я плачу, — сказал я, — и эти слезы вызваны тем, что нам никак не преодолеть это бесконечное непонимание.

Она придвинулась ко мне и заглянула в лицо.

— Ничего ты не плачешь! — сказала она. — Знаю я твои шуточки. И слез никаких нет!

— И правда нет. Я, в общем-то, не очень умею притворяться. Зато все время пытаюсь разобраться в своих чувствах по отношению к тебе — во всяком случае, в них немало конфуцианского спокойствия и глубочайшего уважения.

Она коснулась моей шеи.

— Ты самый странный из всех известных мне Охотников! — сказала она.

— Но я отказываюсь служить неким твоим самовоплощающимся пророчеством! — заявил я. — Итак, чего же нам теперь следует ожидать от Адама и Пранди? Периода семейного блаженства? Глупейших просчетов, вызванных любовным томлением — типа непреднамеренного применения к клиенту лоботомии, когда тот всего лишь хотел избавиться от абсолютного слуха?

— Да, подобных глупостей ожидать вполне можно, — сказала она. — Но у меня такое предчувствие, что долго это не продлится. Я ведь дав-

но слежу за развитием их отношений, и данное примирение существенно опередило заданный веками график. Так что на этот раз я решила повнимательнее прислушиваться к речам Пранди.

— На этот раз? Ты что же, играешь в жизни бедной девочки роль свекрови?

Она долго и громко шипела, потом ответила вопросом на вопрос:

— Так ты хочешь дослушать эту историю или нет?

— О да, пожалуйста! Рассказывай.

— Она вернулась — из-за того, что обнаружила фрагмент старинного исторического документа, где упоминалось об этом месте.

— Ностальгия замучила?

— Нет, гораздо интереснее. В документе указывалось, что мы прекратим все свои дела примерно в данный период времени.

— Как это? Указывалось открытым текстом?

— Нет. Возможно, это говорилось на другой странице. Так ведь обычно и бывает с обрывками исторических документов.

— Но, разумеется, там не говорилось ни слова о том, что именно станет с самим менялой?

— Ты прав.

Я неторопливо потянулся и привлек ее к себе.

— Ну и что нам теперь делать?

— Ждать, наблюдать и постараться по мере сил защитить его, — сказала Глория. — Жаль, что я так мало о тебе знаю! — В ответ я поцеловал ее.

Через некоторое время, когда она лежала, рас-

простертая, на спине, а я смотрел ей в лицо, мне вдруг вспомнилось одно стихотворение, написанное мною в далекой юности. Я стал читать вслух:

И не похожа ты
ни на кого другого...

Когда тебя перед собою вижу,
то никого вокруг не замечаю.

Близки мы, нет меж нами места
ни для цветов,
ни для закатов,
ни для луны, что в воду заглянула,
ни для чужих нескромных взоров.

Твой запах, вкус, твои прикосновенья
ни с чем в душе моей сравненья не находят,
когда жар тела твоего мое испепеляет тело
и слышу песнь я, что без звуков льется.

Мы разные с тобою...
Но какие б солнца, луны,
цветы, и воды,
и глаза чужие нас ни окружали,
ключом к любви — загадке вечной
с тобой, мой друг, мы будем оба.

Глория изумленно уставилась на меня и промолвила:

— Никогда раньше не слышала английского перевода этих стихов!

— Какого перевода? Это же мои стихи!

— Это знаменитый образец любовной лирики восьмого тысячелетия пангалактической эры! Ты никак не мог написать ее, дорогой.

— А по-моему, все-таки написал.

— Даже если бы ты там в это время и оказался, все равно такое тебе не под силу. Охотники не пишут лирических стихов!

Я покачал головой и улыбнулся.

— Кто знает? — сказал я. — Я, например, в этом совсем не уверен. А теперь поцелуй меня, Глория.

Много часов спустя в нашу дверь кто-то начал осторожно царапаться. Я встал и отпер ее.

Передо мной стоял Адам в костюме для отдыха и с улыбкой на лице.

— Альф, — сказал он, — не мог бы ты нас выпустить? Оденься, пожалуйста, спустись вниз и включи на минутку Рубильник, а мы выйдем. Мы с Пранди хотим отправиться куда-нибудь подальше. Ненадолго. Выпустишь нас, а потом можешь снова выключить Рубильник и продолжать спать.

— О чем разговор! — бодро сказал я, подбирая с пола штаны, встряхивая их и пытаюсь с ходу впрыгнуть в обе штанины сразу. Это мой любимый трюк. Если честно, зрители у меня при его исполнении бывали крайне редко.

Адам внимательно следил за моими телодвижениями. Потом мы некоторое время смотрели друг на друга.

— Весьма впечатляет, — сказал он. — Никогда раньше не видел, чтобы так штаны надевали!

— А на тот вопрос, что таится у тебя в глазах, я сразу отвечу «нет», — быстро сказал я. — Это умение не продается! Я слишком много времени потратил, чтобы научиться выполнять этот трюк, — тогда как должен был бы всю грызть гранит науки!

Затем я спустился с ним вниз, поздоровался с Пранди и спросил:

— Э-э, а как долго вы планируете отсутствовать? Я, собственно, к чему клоню? Ты ведь небось хочешь, чтобы лавка все это время была открыта?

— Ну разумеется! — ответил Адам. — И тебе, черт побери, придется все-таки включить Рубильник и выйти в поток времени — хотя бы для того, чтобы вернуть нас назад. Впрочем, ты уже научился прекрасно вести клиентов. А весь психообмен может проделать Няня. Она могла бы даже научить самым простым операциям тебя. Тебе это только на пользу пойдет. — Он посмотрел на Пранди. — Возможно, нас не будет несколько дней. Может быть, даже неделю. Или что-нибудь около того...

Пранди согласно кивнула. Она смотрела только в сторону двери. Я включил Рубильник, и они вышли на крыльцо. Денек был солнечный.

Когда я снова нырнул в постель, Глория спросила:

— Что там за суета?

— Они хотели выйти — чтобы несколько дней побыть вдвоем, отдохнуть...

Она зевнула:

— Как всегда.

— Между прочим, он выразил надежду, что за лавкой присмотрим мы... А ты, по его мнению,

могла бы продолжить мое обучение и позаниматься со мной непосредственно в Дыре.

— Хорошая мысль, — сказала она, привлекая меня к себе. — Нет проблем.

«Интересно, что ей такое снилось?» — подумал я. На подушке виднелись зеленые потеки яда, да и лицо ее тоже было им перепачкано. Хотя, должно быть, яд в этом отношении похож на оливки: сперва противно, а потом вполне может даже понравиться.

В последующие дни дел было невпроворот. Как обычно, большей частью рутинных; но попадались среди них и весьма интересные случаи. Те, что до сих пор сохранились в моей памяти. Например: Человек с невидимым придатком, Женщина, которая была чересчур язвительной, Человек, способный передавать настроение по радио, Телепортер поневоле, Дама убийственной (в буквальном смысле!) внешности, Человек, который видел все сны вверх тормашками, Девушка, которая украла синие сумерки, Семеро муз-вахианов-близнецов с необычной пространственной ориентацией, Рудворвиец, отличавшийся чрезвычайной учтивостью, знаменитый Любовник с планеты Перидип, Цветы вендетты и Вежливый Авгур...

И все же каждый день и вне зависимости от того, кто был на этот раз нашим клиентом — потрясающий Рудворвиец или та kleптоманка, кравшая синее, — я удалялся в туалет и минут пять

практиковался в мини-телепортации. В итоге я уже вполне научился управлять этим умением, что было очень удобно, хотя фокус с улыбкой у меня пока не получался. Впрочем, это могло и подождать.

Все вообще шло очень неплохо. Глория действительно позволила мне немножко поработать с оборудованием, и вскоре я понял, что сложная и непривычная работа в меняльной лавке мне начинает даже нравиться. Однако в тот день, когда в гостиной вновь появился граф Калиостро, сопровождаемый явственным запахом серы, Глория, к сожалению, была у себя наверху и совершенно недоступна. Так что помочь мне было некому. Калиостро дружески похлопал меня по плечу, потрепал по руке, однако глядел как бы мимо меня.

— Бонжур, месье. Как у вас дела? Дома ли месье Мазер? Дома ли наш мэтр? — вежливо спросил он.

— Боюсь, что вы с ним разминулись, граф. Но, может быть, я могу вам чем-то помочь?

— А скоро ли он вернется?

— Я не могу вам с точностью сказать, когда именно... У него...э-э-э... небольшие личные проблемы.

— Ah, c'est dommage! Жаль, жаль! Впрочем, возможно, вы тоже можете меня обслужить? — Граф посмотрел на меня внимательнее. — Как, кстати, продвигается наш проект?

— Прекрасно! — заверил я его. — Уже собрана большая часть составляющих. Подавляющая

часть, я бы сказал. А кое-что, по словам Адама, уже припасено у него в кладовых. Не думаю, что ему потребуется много времени, чтобы собрать их все и вложить в вашего Идроида.

Калиостро поморщился.

— *Son mot*, — сказал он. — Это, безусловно, месье Мазер так его назвал! И это название мне не слишком-то нравится.

— Почему же?

— По Фрейду. «Ид» — это символ фрейдистского понятия «идея», понятия психокосмического, в котором первичная сексуальная энергия — либидо — проявляется как дикая и необузданная сила и правит разумом...

— Я знаю, — сказал я. — Я читал Фрейда. А что вам, собственно, в этом термине не нравится?

— Психология Фрейда имеет своей отправной точкой прежде всего психику людей молодых, все еще находящихся в процессе самоопределения в области секса, у которых гормоны еще не успокоились. А ведь определить их реальные силы можно лишь после того, как химические процессы в их организмах войдут в нормальную колею, согласуясь с жизненным опытом.

— Юнг? — спросил я. — Для более зрелых? «Индивидуация личности» и все такое? Ваше Коллективное Бессознательное — тоже, между прочим, термин Юнга. Кстати, Адам и эту составляющую нашел! Выменял у одного межзвездного охотника за головами. На расстоянии примерно миллиона лет отсюда — в далеком будущем.

— Oui? Ах, до чего наш мэтр предприимчив!

— Да уж.

— Mais non... я совсем не Юнга имел в виду. Скорее Адлера¹.

— Стремление к самоутверждению?

— К самоутверждению? Oui. Стремление доминировать, командовать, быть le premier, первым, главным. Быть боссом! Вот куда устремляется вся психическая энергия после того, как сексуальные устремления юности удовлетворены.

— Вероятно, у каждого психолога есть свой достойный «соперник» совершенно противоположных взглядов? — предположил я.

Калиостро засмеялся:

— Non, non! Посмотрите вокруг, месье Альф! Загляните в себя! Вся жизнь — это борьба устремлений. Каждый, tout le monde, хочет быть божеством! Вопрос лишь в том, насколько большое королевство мы способны себе построить, как высоко можем взлететь.

— Так, значит, вам термин «Идройд» не нравится? Как же, в таком случае, вы хотели бы назвать его?

— Доминоид, — сказал он.

Я кивнул:

¹ Альфред Адлер (1870—1937) — австрийский врач-психиатр и психолог. Активный участник кружка З.Фрейда в Вене. После разрыва с Фрейдом основатель собственной школы так называемой индивидуальной психологии. Главным источником мотивации считал стремление к самоусовершенствованию как компенсацию возникающего в раннем детстве чувства неполноценности, определяющего специфический для человека «жизненный стиль».

— Доминоид? Звучит неплохо. Да и действительно: что в имени тебе моем?.. А что, кстати, вы вкладываете в это понятие?

Он хлопнул меня по спине.

— *Vraiment!* В самую точку попали, мой друг! Вот мы с вами сейчас играем словами и запросто могли бы назвать это существо, скажем, «Фидо» — что бы это ни значило. Все равно это имя не изменит его природу... Которая, впрочем, будет вполне адлерианской! Вы позволите мне посмотреть, что у нас уже имеется к настоящему моменту?

— Не уверен... Вряд ли Адаму было бы приятно, что мы суем нос в его мастерскую, когда его самого там нет, — сказал я. — Мне кажется, вам было бы лучше зайти через несколько дней — пусть он сам все вам покажет. К тому же он, несомненно, сумеет и все разъяснить куда лучше, чем я...

Калиостро обнял меня за плечи и повернул лицом к Дыре.

— Альф, — сказал он, — я ведь у вас не первый попавшийся клиент с улицы. Мы партнеры.

— Вы совершенно правы. И все же...

— Я только быстренько взгляну и сразу же уйду. Ну на минутку, Альф!

— Хорошо. Идемте.

Я повел его в глубь Дыры, где у Адама была мастерская. Там в состоянии абсолютного покоя и в рабочем состоянии висели все собранные им к этому времени качества Идроида. Те, которые

невозможно было увидеть глазами, имели таблички с надписями. Таблички покачивались в пустоте как бы сами по себе, но если бы кто-то вздумал дотронуться до такой таблички, то ментально испытал бы на себе указанное на ней качество.

— Merveilleux! — выдохнул Калиостро. — По истине великолепно! Он действительно даром времени не терял.

— Вы правы.

— А нельзя ли сделать здесь чуточку посветлее? Un peu? Здесь так ужасно темно.

— Адам специально подобрал данную часть спектра и интенсивность светового излучения. Они оптимальны для работы со всеми составляющими. Впрочем, ради такого партнера... — Я расстегнул пространство, вытащил сигнальный фонарь и включил его. — Что бы вы хотели посмотреть?

— Что там, вон под той табличкой? Ах! «Ясновидение, провоцируемое агрессивностью»? Замечательно!

— Это я совсем недавно доставил, — скромно заметил я.

— А я думал, вы журналист и собираете материал для какого-то американского журнала... как его?..

— Ну да, собираю. Но я рассчитываю написать солидную статью, а потому должен досконально изучить весь этот бизнес.

— Весьма похвально. Tres bon! А где здесь

пульт управления? — Он наугад ткнул пальцем в пространство — надеясь, видимо, попасть в тот «карман», куда я только что сунул фонарь.

Справа от меня вдруг открылся участок стены с целым каскадом кровоточащих ран.

— Я не знаю, что вы имеете в виду, — сказал я, закрывая пространство. Страшное зрелище исчезло.

— Главную панель управления, — сказал он. — Ведь это корабль, верно? Oui? И на нем должна быть панель приборов, с помощью которых мэтр управлял полетом этого корабля и привел его сюда.

— Ах вон оно что! — вырвалось у меня. Я вспомнил рассказ Глории о том, что они когда-то действительно прибыли сюда из будущего на неком корабле. — Нет, этого я не знаю, граф. Для моего материала это не так уж и важно.

— Панель управления должна быть где-то здесь, неподалеку... Если сингулярность убывает примерно в этом направлении, то...

— А об этом я и вовсе понятия не имею, — сказал я. — А что, это так важно?

— Да нет... De rien. Просто любопытно было бы посмотреть, как выглядит панель управления такого огромного и мощного корабля.

Между тем глаза его продолжали обшаривать пространство вокруг, и мне стало не по себе. Между нами стали проплывать какие-то части тел, целые связки органов, а затем мимо проследовала целая орда различных агрессий.

— Боюсь, я ничем не смогу вам помочь, граф.

Вам и об этом тоже придется спросить самого Адама, когда он вернется.

Калиостро пожал плечами.

— Pas important, — сказал он. — Неважно. Тело будет находиться здесь и пребывать в состоянии покоя, пока мы не раздобудем все необходимые компоненты, не так ли?

— Не совсем, — сказал я. — Для завершающей стадии работы над проектом существует иное поле. — Я махнул рукой. — Там, несколько дальше, на корме. И, когда все составляющие будут собраны, мы его установим.

— Тогда почему объект находится здесь? Ведь практически все готово.

— Адам — перфекционист. Он выделил этот дальний участок исключительно в целях наблюдения за каждым из качеств в отдельности. А потом, когда придет время, все передвинет на другую площадку.

— Восхитительная предусмотрительность! А не могу ли я взглянуть на эту «другую площадку»?

В душе у меня вдруг возникла целая буря чувств — от любви до ненависти, а в ушах зазвучало страстное, неистовое скерцо. У себя под ногами я увидел целую коллекцию различных рубцов — от кнута, от хлыста, от розог и т.п. — на коже самых различных оттенков.

И тут же решил ни за что не показывать Калиостро семерых клонов.

— Извините, граф, но сейчас это совершенно невозможно, — твердо сказал я. — Там сейчас идет работа над другим проектом.

— Но я *certainement* ничего не трону! Совершенно определено!

— В этом я не сомневаюсь. А между прочим, какой тип тела вы считаете оптимальным? По моему, Адам что-то говорил насчет симпатичного андроида будущего?

— Ах! *Oui!* Это последняя модель андроида двадцать пятого века, известного также как адаптоид. Его используют для работы на других планетах и в глубоком космосе. Он обладает широчайшими возможностями самосовершенствования: буквально «читает» условия окружающей среды, описывает свои собственные мысли по этому поводу, осуществляет задуманное на практике...

— В таком случае я понимаю, почему вы захотели убрать фактор Франкенштейна! — сказал я. — Андроид с такой характеристикой мог бы оказаться неважным спарринг-партнером.

— Верно, — согласился он, — но аккуратное исполнение задуманного дизайна решает все.

— Вопреки концепции Адлера?

Он хихикнул и хитро посмотрел на меня.

— Все играют в Адлеровы игры! Но не все из-за этого становятся опасными.

— А если агрессивность будет занесена случайно? Если она, будучи накрепко встроенной в определенный человеческий характер, будет сопровождать любую его черту, которую мы сообщаем нашему андроиду, — точно часть голограммы, способная вызвать весь образ целиком?

— Господи, да вы, оказывается, пессимист! — с иронией воскликнул Калиостро, и его окутали языки пламени. — Где это вы набрались подобных идей?

— У Бертрана Рассела.

— Ба! Но ваши высказывания, как мне кажется, противоречат его идеям!

— А он отнюдь и не предлагал это в качестве аксиомы. Скорее, это его гипотеза, которую он выдвигает для обсуждения. А также — желая предостеречь.

— Бертран Рассел! Mon Dieu! Кто бы мог подумать, что ему будет дело до моего небольшого, совсем petit, проекта? И все же, даже если Рассел прав, из этого отнюдь не следует, что агрессивность непременно проявится просто потому, что есть такая возможность. Вы же, например, не станете бить каждого, кто вам просто не очень понравился? Конечно же, нет! Или — скорее всего нет. Non. Между потенциальной агрессивностью и способностью мгновенно активизировать свою созидательную энергию огромная разница!

— Это значит играть роль Отца-созидателя, — сказал я. — Звучит совершенно по-фрейдистски. Так, может, именно поэтому вам не нравится такая идея?

У него за спиной расцвело грибовидное облако.

— Ничего подобного! — вскричал он. — Доминоид просто требует способности к мгновенной агрессии! Его нужно лишь оградить от раз-

вития нежелательных комплексов! Например, эдипова. Первичную, так сказать, агрессивность нужно просто держать под контролем! И мы это умеем! Впрочем, я, кажется, увлекся. — Он помолчал и продолжил более спокойным тоном: — Pardon, я, конечно, совсем не агрессивность имел в виду. Скорее стремление к власти.

— Да, разумеется, — кивнул я. — Но у меня есть еще один вопрос. Не связанный с данной темой.

— Oui?

— Для чего вам все это? Ну, вы ведь, должно быть, знаете, как будете использовать это существо?

Он отвел глаза в сторону. Облако у него за спиной свернулось и взорвалось, а вместо него возникла крупная рыба, с аппетитом щипавшая плоть утопленника.

— Главным образом, — медленно начал он, — для дальнейшего исследования возможностей синтетической жизни. Если этот образец будет соответствовать всем нашим ожиданиям, разумеется. Хотя есть у меня и кое-какие планы относительно использования его для космических исследований. Уверен, что и Адаму подобные мысли тоже в голову приходили. Так что вряд ли у нас с ним могут возникнуть какие-то разногласия... хотя мы, безусловно, должны все обсудить, взвесить... В общем, спасибо за вопрос. Вы мне как раз напомнили...

— А какие космические наблюдения вы имеете в виду, граф?

Он повернулся и посмотрел куда-то в глубь туннеля.

— Например, работу на этом корабле, — сказал он. — Здесь ее бескрайнее море! И давайте пока что оставим эту тему — в конце концов, вы же писатель, журналист, а не сотрудник космической лаборатории, правда? Да и срок вашего пребывания здесь ограничен... Давайте остановимся пока на этом.

Я согласно кивнул. Рыбы у него за спиной уже так и кишели, однако утопленник исчез. Я повернулся к выходу из Дыры.

— В таком случае пойдете-ка назад, — сказал я.

— Не устаю удивляться, как замечательно здесь представлены самые разнообразные виды искусства, — заметил он как бы между прочим.

— Одна из функций данного пространства, — сказал я.

— А интересно, вокруг меня эти штуки тоже появлялись? — вдруг спросил он.

— Еще бы! Рыбки, зайчики, бабочки — так и мелькали!

— О! Но я надеюсь, ничего конкретного? Никаких указаний? Только самые общие черты?

— Понятия не имею! — сказал я. — Я в этом не разбираюсь. Я же здесь по-настоящему не работаю.

И я препроводил его в гостиную, где он цере-

монно раскланялся с Глорией — она уже спустилась и сидела на диване с книгой в руках, — крепко стиснул мне руку на прощанье и исчез.

— Что это ему в Дыре понадобилось? — спросила меня Глория.

— Хотел посмотреть, как продвигается его проект.

— Не уверена, что Адам одобрил бы это посещение.

— Но он настаивал! Предъявлял свои права — как партнер. Впрочем, я сумел бы пресечь любую его попытку влезть куда не следует.

— В этом я не сомневаюсь! Да и что бы тебе еще оставалось? Хорошо, что ничего особенного не произошло.

— Адам тебе случайно не говорил, зачем ему этот Идроид? Я понимаю, ему просто интересно, но ведь есть и какая-то конкретная цель?

— Есть, — улыбнулась она.

— И, разумеется, в очередной раз «не будем об этом говорить»?

— Пока не будем, — уклонилась она от прямого ответа. Потом отложила книгу и потянулась. — Ну что, ты готов принимать еще клиентов? Или, может, сделаешь перерыв?

Я тут же бросился в прихожую и выключил Рубильник.

— Перерыв! — провозгласил я. — Тем более Калиостро — трудный клиент.

В ванной я заглянул в зеркало, и мое отраже-

ние подмигнуло мне и сказало: «Фокус с монеткой, Орри. Фокус с монеткой». И тут я вспомнил.

Порывшись в правом кармане, я вытащил горсть монет. Подбросив их на ладони, я выбрал одну, а остальные снова ссыпал в карман. Оставшуюся на ладони монетку — это был четвертак — я разломил пополам.

— Пора было бы уже восстановить прежние навыки, — упрекнуло меня отражение, причем, как мне показалось, моим же собственным голосом. — А то ты совсем отвык пользоваться ими. Очень не хочется сразу все снова на тебя обрушивать.

Я уставился на этого типа в зеркале.

— Послушай, — сказал я, — ты, вообще-то, кто? Память предков? Или затаенная мечта, которая не дает мне покоя? Видимо, я все это время живу, скрывая свои воспоминания от других, и это уже стало невыносимо тяжким бременем. Не знаю, как давно я так живу, но все эти воспоминания отчего-то кажутся мне вполне реальными. А некоторые из них, по всей вероятности, действительно реальны. Но что бы в итоге со мной ни случилось, прошу лишь об одном: пожалуйста, не отнимай у меня воспоминания о моем детстве, проведенном в Бронксе, о студенческих годах в Брауне, о моих друзьях и о моей журналистской деятельности. И мне совершенно безразлично, соответствуют эти воспоминания реальной действительности или нет! Для меня это вся моя жизнь. И если есть еще какие-то другие, о

которых я в данный момент не знаю, верни их мне, а? Я возьму все! И никаких жалоб не будет. Но, пожалуйста, прошу тебя оставить мне те, которые я перечислил! Я ведь только сейчас понял, как они мне дороги!

Тут на глаза мне даже слезы навернулись. Моему отражению в зеркале тоже, так что беседа превралась сама собой.

Я немного подождал, потом умылся и не спеша пошел искать Глорию.

Она была у себя. Валялась на кровати. С улыбкой посмотрев на меня, она сказала:

— А странная это штука — любовь.

— Сушая правда, — откликнулся я, останавливаясь в дверях.

— Должна была бы делать человека счастливым, а делает печальным.

— Должна бы, — сказал я. — И, в общем-то, делает! Меня, во всяком случае.

— Но тебя ведь со мной скоро уже не будет!..

Я погладил одну из ее старых кож, висевшую ко мне ближе остальных.

— Скоро старине Альфу тоже придется менять кожу, — задумчиво проговорил я. — И никто не знает, каким он тогда окажется, верно?

— К сожалению, да! Ты снова обретешь все свои старые воспоминания и станешь моим врагом.

— Нет. Никогда я не стану твоим врагом!

— Тогда, значит, врагом Дамми. А это одно и то же. Мы ведь с ним заодно.

— Не уверен, что тебе так уж все известно заранее!

— Но у нас есть вполне определенные свидетельства, а у тебя — ничего.

— У меня есть мои чувства. И вряд ли они бы у меня были, если бы я действительно ничего этого не испытывал, — возразил я. — Ведь в глубине души я догадываюсь, что со мной происходит, но я совершенно не верю, что одна часть моего «я» станет обманывать другую.

Глория рассмеялась.

— Для этого есть чрезвычайно тонкие способы, — сказала она. — А разум, то есть душа — механизм чрезвычайно восприимчивый.

— Уж это-то я знаю! И мне, право, больше нечего добавить.

— Тогда иди сюда, — сказала она и раскрыла мне свои объятия. — Я хочу тебя — пока ты еще здесь, со мной.

Я подошел, сел с нею рядом и стал на нее смотреть. Она тоже не сводила с меня своих огромных, влажных, широко расставленных и поразительно глубоких глаз.

— Ты явился сюда с самого дальнего края Вселенной, — медленно проговорила она. — И тот меч, который видела матушка Шиптон, был, должно быть, именно твой. Судьба ведет тебя чрезвычайно запутанным путем...

— Все это, возможно, вполне справедливо, и все же не имеет никакого отношения к твоим теперешним страхам.

— И наш компьютер оказался не в состоянии

обнаружить английский перевод того стихотворения, — продолжала она.

— Ну это уж проблема вашего компьютера, а не моя.

— Скажи мне что-нибудь — я хочу записать твой голос.

Я сказал.

— Знаешь, когда я тебя слушаю, то почти верю тебе! — сказала она. — Я сама не понимаю, отчего это.

— Однажды НА ЭТОМ СВОЕМ ПУТИ я умудрился перехитрить самого себя, — пояснил я. — Вот с тех пор у меня это и осталось. Никак излечиться не могу.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я и сам не знаю. Но я отлично помню то созвездие, в которое ты меня превратила, — я его и сейчас вижу перед собой. А те звезды, что горят в твоих глазах, на сегодня — моя единственная цель!

И я рванулся навстречу этим звездам и утонул в их сиянии.

ГЛАВА 7

МНОГОГРАННАЯ ЛИЧНОСТЬ

Последовавшая за этими событиями неделя была наполнена обычными рутинными заботами, но Адама при этом с нами НЕ БЫЛО. Отдельные случаи я помню особенно хорошо, например со Свистящей тенью, Синильным убийцей или с Трупом на Конце Радуги. Запомнился

мне и Робот, которому требовалось сердце. Интересным клиентом был Тот, у кого перчатки служили руками, а также — Отнюдь не безгрешный стигматик. Некоторые случаи вызывали серьезные затруднения, иные же были совсем легкими; порой я переживал внезапные приступы панического страха или, напротив, безумного восторга, да и то лишь если рядом не было Глории, а ради того, чтобы большую часть времени проводить с нею рядом, я готов был вынести все, что угодно.

Когда вернулись Адам и Пранди, они казались неразлучными: все время держались за руки и счастливо улыбались. Пранди была в восторге от тех мест, где они побывали, и от того, что они видели.

— И Адам такой знаменитый! — сообщила она. — Один папарацци буквально ни на минуту не оставлял нас в покое — таскался следом и все время его фотографировал.

— Вот как? — заинтересовался я. — И как этот тип выглядел?

— Ну, волосы коротко подстриженные, рыжие... Майка в ярко-красную и белую полоску... Тренировочные штаны... И еще он практически не снимал темных очков с зеркальными стеклами, а на запястьях у него были такие широкие кожаные ремешки с заклепками.

— Я уверен, что он просто спутал меня с кем-то, — сказал Адам. — Типичный случай ошибочной идентификации личности.

— Нет, — возразил я. — Ошибки тут никакой нет.

— Послушайте, мне просто необходимо вздремнуть с дороги! — заявила Пранди. — Адам, ты со мной?

— Конечно!

Но я успел перехватить его взгляд и смотрел на него не мигая.

— Сперва тебе придется выполнить одно небольшое обещание, мой дорогой, — твердо сказал я ему. — А потом можешь спать сколько угодно. Хоть всю зиму.

— Да? И что же это за обещание?

Я как раз собирался ответить, когда в комнату вошла Глория.

— Ты обещал мне некую выдающуюся память, принадлежавшую ранее Марселю Прусту, и я бы хотел получить обещанное немедленно.

Мы продолжали смотреть друг другу прямо в глаза. Потом плечи у Адама опустились, и он как-то странно ссутулился.

— Немедленно? — переспросил он. — Ты уверен?

— Абсолютно.

Глория стояла рядом со мной.

— Тебе это действительно так необходимо? — спросила она.

— Да. Можешь мне поверить.

Пранди выпустила Адамову руку и двинулась прочь, бросив на ходу:

— Это же дело нескольких секунд! — Она об-

ращалась к Глории. — Зато потом все будет кончено.

— Я знаю, — ответила ей Глория.

Адам улыбнулся.

— Верно, — сказал он. — Хорошо, Альф. Пойдем.

И мы с ним направились к Дыре. Глория последовала за нами.

— Я буду тебе ассистировать, Дамми, — сказала она.

— Нет, — ответил он. — Никаких ассистентов.

— Не волнуйся. Все будет в порядке, — попытался я ее успокоить.

— Но я требую, Дамми! — возмутилась она.

Он только головой покачал.

— В данном случае, дорогая, ты ничего требовать не можешь, — сказал он ей. — В этом деле команду я. Идем, Альф.

Я подмигнул Глории и шепнул:

— Не беспокойся. Я скоро вернусь. — И мы с Адамом нырнули в Дыру, а Глория вернулась в гостиную и уселась на диван.

Я успел еще увидеть, как Пранди поднимается по лестнице наверх, и дверь за нами закрылась. Мы пошли по коридору, а вокруг нас с тихим звоном падали откуда-то сверху ножи.

— Момент истины для тебя, — заметил Адам.

— Да, наверное, — откликнулся я, следуя за ним вдоль ровной цепочки глубоких отметин, оставленных его когтями леопарда. Через некоторое время я спросил: — А мы не слишком далеко зашли?

— Все самое ценное я храню в самой глубине, ближе к корме, — пояснил он. — Ага, вот и они!

Действительно, впереди уже были видны знакомые семь тел, покачивавшиеся на ветру времени. Адам сунул руку в небольшой пространственный «карман» слева от себя и извлек оттуда табличку с инструкцией.

— Перенос памяти потребует всего несколько секунд, — сказал он. — Хотя без сознания ты будешь несколько дольше — не могу, правда, точнее сказать, как долго. Но ведь здесь время ничего не значит, ты же понимаешь.

— Ладно. А когда я приду в себя, то хотел бы кое-что тебе сообщить.

— Хорошо, — сказал он и легонько ударил меня по голове, чуть повыше уха, и все тут же куда-то провалилось.

Я очнулся со вкусом летнего винограда «мадлен» во рту. Вокруг было некое, более широкое, чем обычно, статическое пространство. Я стоял лицом ко входу в Дыру. Дверь была закрыта, а Адама нигде не было видно. Уже через несколько секунд я догадался: что-то не так, ибо входная дверь была повернута вверх ногами! Я, таким образом, стоял на потолке, хотя сам себя перевернутым вверх ногами отнюдь не чувствовал. Впрочем, и спокойным я себя тоже не чувствовал. Мне почему-то казалось, что я всегда умел стоять на потолке головой вниз. Просто никогда

не пробовал. Вполне возможно, я мог даже пройти по потолку и спуститься по стене на пол. Подумать — значит сделать, решил я. Как-то все же привычнее было бы стоять на полу. Я поднял ногу и стал поворачиваться влево.

И тут справа от меня что-то промелькнуло, и с этой стороны я почувствовал острую боль. Затем в поле моего зрения появился Адам. Это он только что меня ударил.

— Ты что это? — спросил я, скорее удивленный, чем напуганный.

Снова что-то промелькнуло — теперь уже слева, — и снова я почувствовал боль.

И тогда я резко подпрыгнул вверх, поджав колени и сжавшись в комок, сделал несколько кульбитов и постарался преодолеть странное гравитационное поле, прижимавшее меня к потолку. В общем, на потолок я не вернулся. Когда мне удалось перевернуться ногами к полу, я рванулся к нему изо всех сил и в конце концов упал на пол, низко присев на напружиненных ногах и выбросив в стороны кулаки. Левый мой кулак ткнулся во что-то, и я услышал тихое ворчание. Тогда я ткнул вправо, повернулся и увидел, что ко мне приближается чья-то нога. Я перехватил ее и резко вывернул.

И увидел изумленное лицо Адама. Он, совершенно точно, никак не ожидал от меня такой прыти. А если и предполагал, что я перехвачу его ногу, то, безусловно, думал, что я дерну за нее и постараюсь бросить его на пол. Однако я выкручивал ногу влево, точно в моих руках был руль от

автомашины. Тогда он вытянул правую руку, откинулся назад и, коснувшись спиной пола, оттолкнулся рукой и сам повернулся всем телом вдоль вертикальной оси, используя крутящий момент. Я еще сильнее стиснул руки и снова стал выкручивать его ногу. На этот раз он проделал то же самое вращение левой рукой. Я еще несколько раз крутанул его ногу, но реакция была та же. Мне было совершенно не интересно, где именно он научился этим приемам, — а может, был просто достаточно талантлив, чтобы самому изобрести их по ходу дела. Мне-то они были известны под разными названиями — ведь их применяли различные народы в самые различные исторические периоды.

И тут Адам улыбнулся мне. Я выпрямился, и он перестал скалиться, поскольку я закрутил его ногу еще сильнее. Вскоре он вращался вокруг меня на расстоянии вытянутой руки, точно был моим спутником.

— Почему ты напал на меня, Адам? — спросил я.

— Ты и сам знаешь почему... теперь знаешь, — откликнулся он.

— Ничего я не знаю! — возразил я. — У меня, конечно, есть кое-какие подозрения, но я абсолютно ни в чем не уверен. Лучше скажи сам.

— Черта с два! Я из тех, кто любит поиграть со своей добычей!

Я отпустил его. Пришлось самому несколько раз повернуться, прежде чем удалось затормозить.

Он весь подобрался по-кошачьи, и теперь дви-

жения его были не поступательными, а вращательными; казалось, он в любую минуту готов прыгнуть и приземлиться на ноги или на руки, а потом снова прыгнуть — на меня. Он прыгнул, но мне удалось его отшвырнуть, и он ударился прямо об одного из клонов, висевших на крюках, после чего они один за другим стали срываться с крюков и попадали прямо на него. У меня не было ни малейшего желания откапывать его из-под этой кучи малы. Я некоторое время постоял молча, потом крикнул:

— Сладить с тобой действительно непросто, признаю. У тебя замечательная координация движений. Слушай, пусть это будет ничья. У нас ведь есть о чем поговорить и без драки.

Я услышал, как он там злобно плюется. Потом он выбрался из-под груды клонов, таща за собой одного из них — вандала, по-моему. Внезапно вокруг него появилась целая стая половых органов — человеческих и нечеловеческих, — которые кольцом вились в танце и распевали: «Уходи, Смерть, уходи!»

Адам оторвал вандалу правую руку и швырнул ею в меня. Я руку поймал и швырнул обратно. Но он уже успел открутить вандалу голову, и этот снаряд тоже летел в меня. Честно говоря, довольно обескураживающее ощущение, когда в тебя летит твоя собственная голова — так сказать, *caput decapitatum*¹. Адам поймал брошенную мною руку и еще что-то оторвал от тела бедняги вандала-

¹ Голова, отсеченная от тела (*лат.*).

ла, а круг пляшущих органов вокруг него пополнила неровная вереница лилипутов обоих полов. Лилипуты спотыкались, как зомби, и по внешнему виду каждого из них легко можно было понять, от чего именно он умер. Из их тел торчали ножи, шеи были перетянуты удавками; многие были буквально изрешечены пулями; некоторые же оказались отталкивающего вида утопленниками, неестественно бледными и распухшими. Лилипуты тоже двигались по кругу, но в направлении, противоположном танцующим половым органам, и чуть ниже. Все это напоминало цепочки нот в скрипичном и басовом ключах. Адам между тем выдрал из тела несчастного вандала горсть внутренностей и швырнул ими в меня. И тут пошел кровавый дождь.

Я отбежал в сторонку и крикнул ему:

— Хватит тебе! Ведь это даже не мой клон! И мне совершенно безразлично, будешь ты его дальше потрошить или нет.

Он бросил останки вандала через плечо — куда-то в сторону прохода между полями сингулярности — где останки и исчезли.

— И зачем ты так грубо врешь? — спросил он.

— К сожалению, я говорю сущую правду. А зачем ты так отвратительно ведешь себя и дерешься?

— Я намеревался убить тебя и полностью завладеть твоими воспоминаниями — вот тогда уж ты бы понял, почему сделать это мне было необходимо.

— Ты эту идею в рассказе Кафки «В исправительной колонии» почерпнул?

— Вот именно. Я был уверен, что ты это оценишь, Альф!

— Нет, тут ты ошибся.

— И будешь отважно защищаться, проявив замечательные бойцовские качества! Представляешь — «божественный» против Охотника! Мы ведь оба с тобой из лучших, сам знаешь. А разве тебе не интересно, кто из нас самый лучший?

— Не особенно. А как тебе такой исход поединка: я уступаю, ты побеждаешь, и потом мы мирно беседуем?

Он снова злобно сплюнул и бросился на меня. У него действительно было одно существенное преимущество, только он об этом не знал. Он мог вести себя как угодно и использовать любые приемы, потому что хотел убить меня. Я же этого не мог — потому что хотел непременно оставить его в живых.

Мы развлекались различными бросками, точно в баскетбол играли, и я понимал, что это может продолжаться довольно долго. Интересно, думал я, кому все-таки достанется больше? Потом решил, что это, в общем-то, значения не имеет.

Я весьма удачно успел присесть, когда он попытался врезать мне кулаком, и мой первый настоящий удар пришелся ему точно в подмышку.

— «Удар, отчетливый удар»¹, — провозгласил он.

И, повернувшись вокруг собственной оси, уда-

¹ У. Шекспир. «Гамлет», акт V, сцена поединка Гамлета с Лазертом. Перевод М. Лозинского.

рил меня своим острым локтем прямо в бок. Я попытался сперва стукнуть его по шее, потом в висок, в нос, в челюсть, под ухо — пять раз я пытался нанести ему молниеносные, практически незаметные для глаза удары, но ему удалось избежать их всех, и он, вытянув вперед руки, бросился на меня. Я дал ему возможность обхватить меня за талию и, отступая сквозь висающие в воздухе вереницы развеселившихся лилипутов, что было силы ударил ему по вискам обоими локтями одновременно. Удар был так силен и страшен, что любой другой на месте Адама тут же отдал бы концы. Ударив его, я перекувырнулся назад и откатился в сторону. А он упал!

Я быстро вскочил и повернулся, готовый защищаться, ускользать, парировать удары, но Адам, хотя и несколько замешкавшийся после удара, быстро пришел в себя и усмехнулся, качая головой.

— Ты дерешься куда лучше, чем я ожидал, тренируясь перед схваткой с идеальным Охотником, — заметил он.

— А как же! Очень на это надеюсь! — откликнулся я, старательно уходя от ударов или слегка отбивая их — скорее просто для поддержания боя. — Мы же собрали целую кучу борцовских качеств Охотников, торгуя вместе, но было бы весьма печально, если бы они действительно соответствовали моим личным качествам и умениям.

Я сделал ложное движение, словно намереваясь схватить его за лодыжку. Он резко отскочил, но я уже перехватил инициативу и стал быстро

наносить удары куда попало. Он присел, закрылся, попытался парировать, но ему, в общем-то, ничего особенно не грозило. Я наносил эти удары, просто чтобы подразнить его. Я окончательно решил договориться с ним как-нибудь иначе.

Нанеся ему сокрушительный удар справа прямо по ребрам, я тут же почувствовал, что и мои ребра затрещали от точно такого же удара. Я даже позволил ему несколько отогнать меня назад, а потом ловко врезал ему каблуком по правой ляжке.

— Уй, как больно, Альф! Правда, очень больно, — прошипел Адам, прислоняясь к стене, и несколько секунд массировал ушибленное бедро, перенеся всю тяжесть тела на левую ногу.

Если мне придется довести его до изнеможения такими вот обманными финтами, подумал я, это еще ничего. Я сделал вид, будто опять собираюсь на него напасть, и заметил, как он поморщился, стоило ему двинуть правой ногой.

— Я просто хотел занести это ощущение в твою память, — сказал я, снова отступая.

— Я ведь могу ее и заблокировать!

— Но не станешь. Как и я не стану блокировать свою. Мы должны следить за такими вещами, чтобы представлять себе структурную картину в целом.

— Если тебе удастся меня как следует прижать, для тебя это будет отличный козырь, верно?

— Не то чтобы отличный... Мне нечего доказывать.

— Я всегда слышал, что вы ужасно отважные ребята. И это правда.

— Кто бы говорил! Это ведь твои слова: «Мы с тобой из лучших. «Божественный» против Охотника!»

Меж нами в воздухе проплыли три трупа — один был начисто лишен конечностей, у второго перерезана глотка, третий практически разорван надвое.

— Я от своих слов не отказываюсь, — кивнул он. — Есть нечто величественное в поединке двух героев-соперников, обладающих разными убеждениями и сошедшихся наконец лицом к лицу. Каждый из них пребывает на вершине своего могущества и будет сражаться до самого конца — до победы или поражения.

— Если ты думаешь, что это нечто вроде идиотского эпизода из «Илиады», то ошибаешься. Ты попал в совсем другую историю, — сказал я. — Соблюдай, пожалуйста, правила игры. А если хочешь, дай мне пять минут, и я полностью проясню наши с тобой отношения.

— А я не хочу ничего прояснять! — заявил он и бросился в атаку.

Он попал мне сбоку по голове, и этот удар на какое-то время практически вывел меня из строя. Хотя я помню, что умудрился даже два раза захватить его в живот.

Потом он схватил меня за плечи, заставил пятиться и в итоге загнал на рабочую площадку. Стукнувшись затылком обо что-то твердое, я решил: «Ну все, с Альфа хватит!»

Голова у меня жутко кружилась, и я с трудом добрался до груды тел на полу.

Оттуда я поднялся вполне отдохнувшим, взяв себе тело воина-этруска Ларса, и быстро отступил ко входу в Дыру. Адам уже раскладывал мое, то есть Альфово, тело на столе.

Я подскочил к нему и что было сил врезал ему в челюсть слева. Он отлетел к дверям, а я переместил свою, точнее, Альфову сущность, обретающую новую оболочку, на свободное пространство за рабочей площадкой.

— Нечестно! Нечестно! — завопил Адам. — Нельзя посреди игры менять тела!

— Черта с два! Можно!

Мимо проследовал кто-то слоноподобный. Адам уже успел взбежать по стене и мчался ко мне по потолку — вверх тормашками!

И принялся наносить беспорядочные удары, буквально не замечая, куда бьет и достаточно ли приблизился к противнику. Можно было особенно не беспокоиться: он явно замедлил темп и несколько утратил контроль над собой. Я стоял спокойно, лишь время от времени приседая или уклоняясь от удара в ту или иную сторону. Потом вдруг почувствовал, как под ударом моего кулака хрустнул его сломанный нос. Челюсть у него, похоже, уже давно была сломана. Нас окружила и проследовала далее целая стая ярко-красных пестухов, распевавших «Долог путь до Типперери». Я схватил Адама сзади за локти и завел ему руки за спину. Он попытался укусить меня, но я успешно избежал его зубов. Изо всех сил резко дернув

его вниз, я стащил его с потолка, и потолок тут же стал расплываться и падать вниз крупными каплями. Мимо рысью проследовал небольшой отряд агрессий верхом на репрессиях, выглядевших весьма изможденными и усталыми. Они преследовали единорога, самого необычного из всех, каких я видел в жизни.

Адам приземлился точно на ноги, но вполоборота ко мне. Его шатало. Я еще пару раз несильно врезал ему по физиономии, прежде чем он пришел в себя и снова встал в позицию. И тут же резко выбросил вперед руку и своими когтями содрал с моей правой щеки практически всю плоть до кости.

Я снова пнул его в правое бедро — в то же место, что и тогда, — и нога под ним подломилась.

В стороне, справа от меня, факелом вспыхнул какой-то человек. Горящий заживо странным образом спокойно огляделся, покачал головой и исчез.

Я несколько раз глубоко вздохнул.

— Ну это уже чересчур! — сказал я. — А вообще, я собираюсь навестить этих жалких «изготовителей божеств в пробирке» и сообщить им, каким ничтожеством оказался их драгоценный «божественный».

— Да я и с двумя такими, как ты, запросто справлюсь! — завопил он и внезапным движением ухватил меня за лодыжку с внутренней стороны.

Хватка была что надо, это следовало признать. Косточки мои под его железными пальцами сразу

затрещали. Стоило ему нажать чуть сильнее, и это причиняло мне невыносимую боль. Я сразу опрокинулся назад и явно ничего не мог с этим поделать...

Ну что ж, не повезло. Пока я «передыхал» на спине, он успел завладеть второй моей лодыжкой. И явно не собирался останавливаться на достигнутом.

— Большая часть схваток, как известно, кончается на земле, верно? — сказал он, резко поднялся и стал яростно рвать мою правую ляжку зубами.

Я быстро сел, крепко схватил его за волосы, с огромным трудом отодрал его рыжую башку от своей ноги и ткнул его мордой в пол. Когда он затих, я перевернул его, подтащил к себе, обхватил ногами и перекрестил их в «замок», а руки просунул ему под мышки и замкнул свои пальцы у него на шее под затылком, сделав двойной нельсон.

— Ну что ж, на земле так на земле, — сказал я. — А ну-ка быстро приведи свои мозги в порядок! Мне с тобой поговорить надо. Учти, это очень важно.

Внезапно я заметил, что вокруг стало светлее, и догадался, что дверь давно уже открыта.

Я начал было поворачиваться к двери, но Глория меня опередила. Она сразу оказалась у меня за спиной; руки ее лежали у меня на плечах.

— Отпусти его, Альф, или я укушу тебя, — сказала она спокойно. — Чес-с-стное слово! — Я почувствовал, как ее губы коснулись моей шеи под левым ухом.

— Глория, — сказал я, — мне придется некоторое время все-таки подержать его в таком положении, чтобы иметь возможность объяснить ему нечто очень важное. Иначе он опять озверевает и станет драться. Поверь мне. Пожалуйста!

Она чуть отступила и повторила:

— Отпусти его!

В дверях снова вспыхнул тот же яркий свет, и с порога до нас донесся чей-то голос:

— Занятное трио! А нельзя ли к вам присоединиться?

Глория резко повернулась и посмотрела назад. Я тоже смотрел туда.

Острые шипы на охватывавших его запястья кожаных браслетах слабо поблескивали; цветные полосы на майке светились. Рыжие волосы казались красными, как кровь. Глория стояла рядом со мной и неотрывно глядела на него. Почувствовав, что Адам начинает шевелиться, я отпустил его.

— Вот именно об этом, в частности, я и хотел предупредить Адама, — сказал я Глории, поднимаясь с пола и поворачиваясь к вошедшему лицом.

Он двинулся к нам, и я решительно пошел ему навстречу. У меня за спиной застонал Адам.

— Нехорошо захватывать чужую добычу, Орион!¹ — заявил незванный гость.

Я резко остановился прямо перед ним и выкинул в его сторону правую руку. Он сделал то

¹ Великан Орион, сын Посейдона, славился именно как охотник.

же движение. Согласно правилам, он должен был наносить удары первым: он был старше меня, хотя вряд ли намного. И он сразу же нанес их, свои десять смертельных ударов. Я не имел права двигаться с занятой позиции. Можно было только блокировать удары противника или парировать их. Он выдохся в мгновение ока, и я нанес ему свои законные десять ударов. Большинству нормальных зрителей показалось бы, наверное, что мы лишь слегка коснулись друг друга руками в вялом приветствии. Но именно так Охотники обмениваются рукопожатием.

Адам судорожно вздохнул и закашлялся.

— Я никакой твоей добычи не захватывал, Эрикс, — сказал я.

Он коротко засмеялся, перевел взгляд на мою истерзанную ногу и медленно поднял глаза. Потом внимательно посмотрел на Адама и сказал:

— Да, он задал тебе изрядную трепку. Ты, похоже, все хотел бы у меня отнять, верно?

Он повернулся и прошел чуть дальше, потом остановился и снова стал рассматривать Адама.

— Ты меня слышишь, Закот? — спросил он.

Адам снова закашлялся, потом кивнул и сказал:

— Слышу.

— Ты арестован, — сказал Эрикс. И вытащил из кармана странный свиток из сверкающей белой материи, развернул его. — Вот копия приказа. Хочешь посмотреть?

Адам протянул руку и уперся взглядом в ка-

кое-то конкретное место в тексте свитка. Прочитав написанное, он улыбнулся и сказал:

— Но ведь это еще даже и не написано!

— Брось! Прочти лучше третий параграф. Это последнее крупное преступление в истории Вселенной, Мазер, и ты надеешься, что они не в состоянии придумать хотя бы временной статьи обвинения?

— Попробовать никогда не вредно, — пробормотал Адам, возвращая ему свиток.

— Я могу доставить тебя туда живым. А могу и мертвым. По твоему выбору. Мне безразлично.

Адам изучающе на него посмотрел, потом перевел свой взгляд на меня.

— Это замкнутое пространство, «шкатулка», а ты типичный кот Шредингера¹, — сказал я. — Был ты мертв или жив, арестован или бежал — все равно. И никто снаружи ничего не узнает, пока это пространство не откроется снова. Что бы ни случилось. Впрочем, сегодня ты из этого бизнеса выходишь. Это совершенно точно.

Адам медленно поднялся, тяжело опираясь о скамью. Эрикс снова повернулся ко мне.

— Как ты, должно быть, уже знаешь, у него самое большое состояние в истории известной нам Вселенной, — сказал он. — Мне бы не хотелось им ни с кем делиться. Но хотелось бы знать, каковы твои намерения?

— У меня не было ни малейшего намерения

¹ Эрвин Шредингер (1887—1961) — австрийский физик-теоретик, один из создателей квантовой, или волновой, механики.

влипнуть в подобную историю, — ответил я. — Меня наняла одна дама по имени Прандха Ради и попросила выяснить местонахождение ее возлюбленного, который внезапно исчез. — Глория зашипела; Адам судорожно вздохнул. — Я шел по следу в прошлое до времен господства этрусков в Италии, — продолжал я, — и понятия не имел, что мне делать дальше, но тут наткнулся на некую личность и понял, что ее хозяин и есть тот самый парень, который украл последнюю сингулярность у «людей из шкатулки». Признаюсь, я почувствовал искушение, узнав об этом. А кто на моем месте устоял бы? Но тогда я еще не знал, что и ты в это дело замешан. Мне было просто любопытно узнать, зачем ОН это сделал. Я направился по временной оси в Виосо Него и узнал, что Дыра сегодня закрывается. Он засел в ней черт знает на какое долгое время — тысячи на три лет! Как же это случилось? Чего он, собственно, добивался? Мне страшно хотелось это выяснить. Так что я создал совершенно новую личность, полностью идентичную заданному образцу, — путем гипнотического подавления памяти и создания совершенно нового типа характера. Это должно было позволить мне вписаться в эпоху и непосредственно наблюдать за событиями самых последних дней.

Эрикс кивнул и сказал:

— Мне тоже это было интересно, но не настолько. Я тоже переместился по временной оси, решив, что его так же просто взять в самом конце,

как и в самом начале. Так тебе действительно удалось узнать, что здесь происходит и почему он умотал вместе с сингулярностью и открыл эту свою психолоавку?

Я покачал головой:

— Я все еще не уверен. А о твоём участии я узнал, когда уже путешествовал во времени, и постарался предпринять кое-какие меры, чтобы ускользнуть от тебя. Я еще не решил, какую роль мне следует сыграть в этом деле.

— А почему Пранди тебя не узнала? — спросила Глория.

— Ну, я, во-первых, отрастил бороду и усы, а во-вторых, немного прибавил в весе. Но главным образом потому, что мое новое «я», как я и рассчитывал, обеспечило мне совершенно иную повадку, иные манеры. Впрочем, не уверен, что это вообще имело какое-то значение... Она же, кроме Адама, никого просто не замечает!

— Я вижу, тебе пришлось немало поработать! — усмехнулся Эрикс. — И ты еще говоришь, что само участие в этом деле тебе неинтересно?

— Мне было бы куда интереснее понять мотивы, которыми руководствовался Адам.

— Если ты сейчас этого не понимаешь, то вряд ли вообще когда-нибудь поймешь. — сказал он. — Он вряд ли станет что-нибудь нам передавать, да это, собственно, и неважно. Я не вижу особой необходимости действовать дальше и закрываю охоту. «Шкатулка Шредингера» вот-вот будет открыта. Так тебя интересует вознаграждение или нет?

— А в чем бы это выразилось?

— В обычном вознаграждении, которое всегда получает нашедший, — да и то лишь потому, что ты все это время за ним следил. Ну, и еще, возможно, ты получил бы небольшую премию за то, что подготовил его для меня — хоть я тебя об этом и не просил.

— Нет уж, спасибо, — сказал я. — Я просто хочу посмотреть, чем все это обернется.

— Да все уже кончено, — сказал он. — И смотреть тут больше не на что.

Я стряхнул с себя грязь, потянулся и сказал:

— А я пока в этом не уверен.

— Разве что-то еще осталось?

— Тридцатая «Canto» Эзры Паунда¹.

— Что это?

— Одно стихотворение, которое произвело на меня чрезвычайно сильное впечатление, когда я учился в колледже. Я целыми днями о нем думал. Даже отправился в библиотеку читать работу Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии»². В те времена я еще не понимал, почему это на меня так подействовало. Теперь, разумеется, понимаю. Ты отправишь Адама назад, и, хоть

¹ Эзра Лумис Паунд (1885—1972) — американский поэт, основоположник американского модернизма. Цикл «Cantos» написан им во Франции в 20-е годы и содержит несколько повторяющихся тем — гомеровскую тему сошествия в Аид, Овидиево превращение человека в животных, экскурсии в историю Ренессанса и т. д.

² В этой работе, написанной в 1795—1796 гг., Шиллер утверждает веру в прогресс и спасительную роль прекрасного в устройстве гармоничной жизни.

он и «божественный», его все равно собираются убить, верно?

Эрикс кивнул и сказал:

— Ну и что? Он же прекрасно знал, на что идет, когда это делал!

— Я понимаю. Но мне теперь разонравилось убивать. И я решил не отдавать его.

— Ты же Охотник! Такие, как мы, не должны задумываться, любят они убивать или не любят. Мы просто должны это делать, когда пробьет наш час.

— Но я вполне могу это делать, когда нужно! И охота мне по-прежнему нравится. Не меньше, чем прежде. Просто временно я с удовольствием выполнял бы функции обычного сыщика.

Эрикс покачал головой:

— Да делай ты что хочешь! Все равно в ближайшее время вылетишь оттуда. А я между тем намерен во что бы то ни стало скрутить этого человека-кота и отправить его вместе со всей его распроклятой лавочкой обратно — к самому концу времен.

В два прыжка я оказался между ним и Адамом. Эрикс так и уставился на меня.

— Ты что, хочешь мне помешать? — удивленно спросил он.

— Боюсь, что да, — сказал я.

— Я же говорил, что ты перехватил мою добычу!

— Никакой твоей добычи я не перехватывал! Мне это, черт побери, и в голову не приходило!

Но вот теперь я, кажется, действительно это сделаю.

— Но ты же понимаешь, что я никак не могу позволить тебе уйти, да еще с такой добычей?

— Нет, не понимаю.

Он вздохнул, помолчал и сказал:

— Ну хорошо. Тогда давай все выясним до конца.

И шипастый кожаный браслет мелькнул в воздухе — как раз там, где за мгновение до этого торчала моя голова. Я успел увернуться и несильно ударил его в горло. Страшных ударов по корпусу мне избежать удалось, но моя левая щека была вся исполосована острыми шипами. К моему удивлению, я сумел нанести ему двойной удар в солнечное сплетение, а потом как следует дать по шее и врезать коленом в физиономию, да еще и пристукнуть ладонью по макушке. И при этом я цитировал Паунда:

Жалобное пение день за днем —
То Артемида поет, Артемида,
Артемида от жалости вой подняла...

Внезапно Эриксу удалось схватить меня за запястье и швырнуть через всю комнату. Но теперь я уже куда больше, чем прежде, был искушен в особенностях этого пространства и, приземлившись на стену, ловко взбежал по ней вверх и сверху успел раз шесть ударить его прямо в лицо, прежде чем он очухался и начал отбиваться. Через несколько секунд он уже атаковал меня, и ему удалось нанести мне в подбородок удар такой силы,

что я отлетел назад и упал. Но, к счастью, упал я плашмя и на потолок, тем самым оказавшись вне пределов его досягаемости.

Он тоже взбежал по ближайшей стене и мчался ко мне, но я уже успел прийти в себя и снова твердо стоял на ногах. Вот только координация движений у меня пока восстановилась не полностью. Однако и это пришло в норму, как только он набросился на меня.

Из жалости теряют листву леса,
Из жалости гибнут нимфы мои,
Из жалости злоба идет по земле,
Из жалости даже апрель осквернен,
Жалость — вот корень Зла и росток...

Я бил его по ногам. Дважды я лягнул его в живот, а потом он сделал сложный кульбит, схватил меня под колени и опрокинул назад; потом оседлал и попытался ударить локтем в гортань. Я перехватил его руку, стащил с себя и попробовал удушить. Но я переоценил свои возможности: он, продолжая откатываться от меня, как бы намазывал на себя мою руку, а потом сломал ее в локте, умудрившись ударить по ней ногой, которую успел высвободить.

И если ныне звери не пойдут виною,
Тому виною жалость будет:
Ведь жалость запрещает убивать...

Правой рукой я ткнул ему в глаза и в итоге высвободился, подпрыгнул, перекувырнулся в воздухе и благополучно приземлился. Однако он тут же снова набросился на меня, осыпая градом ударов. Я понимал, что долго мне не продержатся-

ся... Так что и не пытался защищаться; а когда он собрался применить свой смертельный захват, я просто нырнул в пустующее тело Пьетро, художника.

Он сразу заметил, как я (в теле Пьетро) поднялся на ноги в дальнем конце туннеля.

— Ну это уж совсем подлый прием! — возмутился он. — Что за дурной вкус — использовать клоны человека против него же самого!

Я только улыбнулся.

Все стало грязным в это время года,
И по причине этой что чистоты искать?
Питая жалость даже к этой грязи,
На свете как попало все растет...

Он швырнул в меня телом Ларса и стремительно бросился в атаку. Я отступал. Я уже миновал крючья, на которых раньше висели клоны. Я никогда прежде не заходил так далеко в Дыру. Спinoй я чувствовал мощное сопротивление воздуха и, твердо решив не делать больше ни шагу в этом направлении, бросился плашмя на пол. И тут же надо мной, точно камень из пращи, пролетело тело несчастного Ларса.

Когда Ларс исчез в темноте, я быстро вскочил и увидел, что Эрикс совсем близко и, вытянув руки, готовится снова схватить меня.

В последнее мгновение я успел-таки телепортировать себя на полметра влево, так повернувшись при этом, что теперь у меня появилась возможность нанести Эриксу страшный удар сзади по шее. За спиной у меня абсолютно ничего видно не было.

И больше мои стрелы дичи не разят
И никого не убивают в честном поединке,
Но все вокруг гниет.

Я пошел мимо груды тел ко входу в туннель.
Стоявшая там Глория спросила:

— Так это, оказывается, ЕГО клоны?! Но как это возможно? Ведь ты единственный, с кем они генетически...

— Его лицо было однажды сильно изуродовано, а потом с трудом восстановлено хирургами, — сказал я. — Но мы с ним действительно когда-то были братьями. Близнецами.

ГЛАВА 8

НЕОЖИДАННЫЙ ПОЕДИНОК

И я пошел дальше и остановился точнехонько напротив Адама.

— Вот почему, Магфазер, мне так хотелось поговорить с тобой. Теперь ты, надеюсь, понял? Между прочим, мы оба могли бы избежать множества ненужных неприятностей — боли, бессмысленной траты времени... Теперь я отлично понимаю, зачем тебе нянька! Ты действительно порой ведешь себя как малое дитя.

— Извини, — сказал он смущенно, — но обстоятельства были так очевидны...

Я влепил ему пощечину — довольно-таки сильную, надо сказать, — и услышал, как Глория за-таила дыхание.

Но он не сделал ни единого движения, чтобы

защитить себя. Просто кивнул еще раз покорно и снова сказал:

— Извини.

Я повернулся к своему родному телу, телу Альфа; похоже, оно было еще живо.

— Сегодня почему-то все происходит одновременно, — заметил я. — Итак, завтра ты уже не будешь участвовать в бизнесе, поэтому я хочу получить обещанную мне память сегодня — чтобы иметь возможность повлиять на события в нужном нам ключе.

— И я очень высоко ценю эти твои намерения, — заметил Адам.

— Тогда давай не будем терять времени. Извлекай аптечку и побыстрее приводи себя в порядок, а то у меня к тебе масса вопросов накопилась.

— Хорошо, — сказал он, рывком поднялся на ноги и пошел на рабочую площадку.

Глория подошла ближе и взяла меня за руку.

— Ссссс, — сказала она.

— Ссс-сс, — ответил я.

— Дамми, пожалуй, действительно неважно выглядит.

— Ну, мне и самому пришлось сменить несколько тел, — заметил я. — Послушай, Адам совершил ужасное преступление: он выкрал то последнее, что осталось от наследия человеческой расы. Не говоря уж о других расах, которые надеялись пожить в этом обманном Раю. Зачем он украл эту шкатулку, Глория? В очередной раз чего-то недопонял?

— Нет, — сказала она. — Ему был нужен источник силы людей — та самая сингулярность, которая, как нам давно стало известно, последней согнется под ударами Большого Хруста.

— Не понимаю...

— Эффект Хруста был вычислен много веков назад. Адам же занимался тем, что просто без конца наполнял этот рог изобилия. И если бы он все это взял с собой, оставив остальное в том же положении, в каком он некогда его застал, то уже через секунду после перемещения обе части уравнения полностью восстановились бы.

— Но целая толпа этих пресыщенных обитателей Рая... Ведь все эти люди полагали, что смогут бесконечно долго прожить на границе вечно-го Хаоса... Их-то всех он зачем забрал?

— Чтобы сохранить рассчитанную для них дозу радиации Хокинга¹ и сохранить правильность выведенных уравнений. Они все там, в Дыре. И пребывают в том же отношении к сингулярности, как и в те времена, когда он собрал их и взял с собой. Это всего лишь проблема двутелости...

— Так он и в самом деле намерен их вернуть?

— Разумеется! Он просто взял их на время. Он слишком щепетилен, чтобы ради собственной прихоти вмешиваться в миропорядок.

— Значит, «взял их на время»? То есть — на добрые три тысячелетия?

¹ Стивен Уильям Хокинг (род. 1942) — английский астрофизик. Доказал (совместно с Р. Пенроузом) основные теоремы сингулярности в космологии. Предложил (1971) механизм образования «черных дыр».

— Или на одно лишь мгновение — это как посмотреть.

— Чего-то мне все-таки не хватает... чего-то не хватает... — пробормотал я. — Типа — а ПОЧЕМУ он так хотел позаимствовать сингулярность у обитателей Рая? Зачем открыл эту лавку и так ужасно долго возился с ней — в течение всего периода развития западной цивилизации!

— О, так ведь он и с обитателями Восточного полушария тоже дело имел! Ты же должен помнить...

— Ну хорошо! Допустим! Но почему? Почему?

— Он собирал модели всех форм поведения, а также немало иной информации...

— И что?

— Он хочет, чтобы сингулярность благополучно сохранилась во время взрыва — согласно теории Стремгрена¹. Если черная дыра взорвется, любая информация, которую она вобрала в себя, будет для Вселенной утрачена, однако Стремгрен утверждает, что информация эта все же сохраняется — сконцентрировавшись в роговидной формы остатке черной дыры. Адам планирует вернуть сингулярность в ту точку временной оси, где ее обнаружил, а потом послать ее вперед, навстречу времени Великого Хруста, когда тяжелое радиоактивное облако Хокинга, возник-

¹ Бенгт Георг Стремгрен (1908—1987) — астрофизик, президент Датской королевской АН (1969—1975). Одним из первых применил результаты ядерных исследований в области изучения звездных атмосфер, спектральной классификации и эволюции звезд.

шее на месте последней черной дыры, наконец взорвется и можно будет позаботиться о том, чтобы сингулярность покинула Вселенную до того, как последнюю постигнет полный коллапс.

— Но сингулярность-то вернуть будет нельзя!

— Нельзя вернуть в эту Вселенную. Но можно направить в следующую, которая возникнет ей на смену. Теоретически вполне возможно, чтобы информация об одной Вселенной перешла в другую Вселенную, параллельную первой, и послужить основанием для развития принципа энтропии.

— Это при условии, что ему удастся протащить всю эту информацию контрабандой через Великий Хруст и Великий Взрыв. Вряд ли он это сможет, Глория! Ведь все материальное непременно будет уничтожено.

— Разумеется. Именно поэтому он так ждал, пока к нему явится кто-нибудь с идеей создания БАСа, Бесконечно Адаптабельного Существа, и именно поэтому он всей душой приветствовал создание Идроида и отдавал все силы добыванию пресловутых 666-ти ингредиентов...

— Доминоида, Глория!

— Да, и он хотел, чтобы этот Доминоид стал демиургом в соседней с нами Вселенной и принес туда «рог изобилия» еще в самом начале ее истории.

— Но это же абсурд! Из сингулярности ничего ни при каких условиях никогда не выйдет, чтобы оспаривать теорию информации!

— Он поступает с сингулярностями Хруста и

Грохота чрезвычайно хитро. Никогда сам в них не входит. Главное — достигнуть «эффекта Стрем-грена» и сохранить информацию. В конечном счете Доминоиду придется, видимо, впитать всю информацию заранее и, собственно, самому стать чем-то вроде «рога изобилия» для следующей Вселенной. Между прочим, есть неоспоримые свидетельства того, что такое делалось и прежде! На самом деле это вполне возможно и даже станет, по всей вероятности, необходимым для любой Вселенной, где действует принцип энтропии.

Пока мы разговаривали, робот-медик из аптечки, что-то напевая, колдовал над Адамом: вправлял ему челюсть, залечивал трещину на ней, латал сломанные ребра.

— Ну что ж, сегодня Виосо Него действительно закрывается, — сказал я. — Ты понимаешь, что это значит?

— Еще бы!

Мы оба, как по команде, повернулись к двери: дверь распахнулась, и вошла Пранди. Осмотревшись, она провозгласила:

— Прибыл граф Калиостро! Говорит, что ему нужно срочно передать вам нечто важное, и просит разрешения войти с этой вещью в Дыру.

Я посмотрел на Адама, но тот был пока что не в состоянии говорить; он даже кивнуть или покачать головой не мог. Но все же поманил нас к себе и невнятно прорычал:

— Пусть идет сюда.

— Адам, — попытался я остановить его, — но если у тебя уже есть тело андроида, то не можешь

ли ты завершить остальную работу без помощи Калиостро?

Он, похоже, задумался, попытался что-то ответить, но отвечать ему, видимо, было все еще слишком сложно; он поморщился от боли и велел:

— Пусть идет сюда.

Глория согласно кивнула и «перевела» Пранди его невнятный приказ.

Пранди распахнула дверь и пропустила в Дыру Калиостро. Огромный, в красных одеждах, страшно похожий на Мефистофеля, он вошел в Дыру, отвратительно ухмыляясь. На плече он нес огромный мешок — в него можно было спрятать по крайней мере взрослого мужчину.

— Так-так-так, — заметил он, — очень похоже на последнюю главу «Histoire étrange», «Странной истории». Или на первую.

Он сделал несколько шагов и положил мешок к ногам Адама.

— Вот вам тело, месье. Вы готовы продолжать работу?

— Угу, — пробормотал Адам. — Скоро буду готов.

Пранди подошла к нему и нежно взяла за руку.

— А что случилось, дорогой? — спросила она.

— Потом, — буркнул Адам.

Я вышел к Калиостро поближе.

— Давайте пока развяжем мешок, и я помогу вам все подготовить, — предложил я ему.

— Хорошая мысль, — откликнулся он, наклоняясь и развязывая мешок. Там оказалось тело

андроида с самыми зачатками сколько-нибудь конкретных человеческих черт: он был безволосым, бесполом и очень холодным на ощупь. А кожа у него была настолько прозрачной, что казалась раскаленной добела и светящейся. Сквозь кожу виднелись неясные очертания внутренних органов.

— Давайте перетащим его на вспомогательную площадку, и я все подключу, — сказал я Калиостро. — Я мог бы и некоторые составляющие в него ввести, но мне кажется, существует определенный порядок их размещения, верно?

— Безусловно.

Мы подняли тело и понесли; я шел впереди. Тело оказалось удивительно легким. Я устроил его на запасной площадке, посадив в максимально удобную позу. Тонкий ручеек крови струился по самой середине коридора к корме.

Адам наконец покончил с исцеляющими процедурами и присоединился к нам. Лицо у него было все еще несколько опухшим — видимо, ему нужно было бы еще немного отдохнуть.

— Давайте-ка поторопимся, — сказал он.

— Oui, — кивнул Калиостро, потирая руки. Когда же он разъял ладони, между ними оказался маленький старинный свиток. Граф развернул свиток на несколько дюймов и сказал: — Ну что ж, начнем с периферии, да?

— Хорошо, — согласился Адам. — Я буду вам ассистировать. Читайте прямо по списку, и нам по мере необходимости будут подносить нужные компоненты и подготавливать их к внедрению.

Глубоким басом и довольно монотонно Калиостро прочитал первую часть списка. Мы трое — Глория, Пранди и я — засуетились и принялись таскать необходимые для создания Зверя материалы. Некоторые из них были наготове и под рукой, но многие другие Адаму так и не удалось собрать в одном месте.

Адам и Калиостро погрузились в работу, но сперва вроде бы ничего не происходило. Они использовали множество вспомогательных энергетических полей для сообщения Доминоиду необходимых качеств. Так, несколько десятков таких полей было использовано для существенного улучшения его внешности. Наконец его кожа приобрела живой цвет, а пальцы слабо шевельнулись. Процесс активно развивался, незавершенные прежде черты лица становились все тверже и решительнее. На лице появились глаза, хотя пока и закрытые. Маленькая пупочка посреди лица превратилась в крупный и довольно мясистый нос. Да и рот тоже больше не казался всего лишь тонкой трещиной.

Мы продолжали трудиться в поте лица. Через некоторое время грудь Доминоида стала вздыматься, а пальцы — сжиматься и разжиматься. Калиостро громовым голосом требовал, чтобы мы поскорее несли ему требуемые компоненты, и мы буквально с ног сбились, разыскивая необходимое.

— Не уверена, что эта штуковина мне нравится... — задумчиво проговорила Пранди.

Языки пламени взметнулись на ближайшей к

нам стене и тут же опали; следом за ними там появились изображения вращающихся галактик. Доминоид, похоже, еще вырос и приобрел еще более яркие, живые краски. Веки его затрепетали было, но так и не разомкнулись.

Мимо нас промчались какие-то крошечные крылатые существа, похожие на летучих мышей. Потом заухал филин. Закапал мелкий золотистый дождичек, очень напоминавший расплавленное золото. Пелена дождя заслонила звездную перспективу... Глория передала еще что-то из составляющих Адаму, а я — Калиостро. Тот развернул свой свиток дальше и продолжал читать. Кое-что из перечисленного Пранди тут же ему принесла. Доминоид издал тихий плаксивый звук. По Дыре прокатился грохот — точно адский раскат грома.

Время утратило для нас всякий смысл — мы без усталости разыскивали и подносили нужные компоненты. Я не имел ни малейшего представления о том, сколькими уже необходимыми качества обзавелся Доминоид.

— А теперь Библиотеку Конгресса, — приказал Калиостро. Ему принесли чипы, и он стал перегружать информацию в память Доминоида. Доминоид застонал. Калиостро приостановил процедуру, осмотрел свое детище и, вполне удовлетворенный осмотром, зачитал нам следующие пункты списка.

На мгновение Доминоид приоткрыл глаза — ослепительно голубые! — и тут же зажмурился,

сопроводив все это пронзительным нечеловеческим воплем. Кожа его светилась, точно расплавленный металл в тигле, и казалась текучей.

Потом он снова застонал и попытался сесть. Адам и Калиостро продолжали работу. Над поверхностью тела Доминоида стал подниматься пар, потом в воздухе над ним заплясали крошечные искры статического электричества. И между пальцами ног — тоже.

— Как далеко мы уже продвинулись? — не выдержал я.

— Почти закончили, — ответил Калиостро. — Скоро! Скоро!

Доминоиду все-таки удалось сесть; потом он попытался встать. Калиостро толкнул его в грудь и снова уложил на спину. Вдруг Доминоид, широко раскрыв глаза, уставился на графа.

— Oui, mon cher, — промурлыкал Калиостро. — Скоро, мой дорогой, скоро!

Губы Доминоида шевельнулись.

— Мама? — спросил он.

Калиостро рассмеялся.

— Почему бы и нет? Да, я твоя мама, а это, — указал он на Адама, — твоя акушерка. А вот это наши помощники.

Доминоид протянул правую руку и погладил Калиостро по щеке.

— Мама, — повторил он. Потом его взор уперся в Адама, и он взял его за руку и крепко ее стиснул. — Акушерка, — сказал он.

Адам просиял:

— Я чрезвычайно польщен!

Калиостро просунулся вперед и поместил в тело последний, 666-й ингредиент.

— *Maintenant*, ты абсолютно совершенен, *mon petit*, — сказал он, касаясь кончиками пальцев висков Доминоида. — Видишь, малыш, где в этом корабле панель управления?

— Конечно. Прямо и направо, — показал Доминоид. — Я отведу тебя туда.

— Нет. Просто делай, как я. Приложи пальцы к моим вискам — видишь, как я приложил их к твоей голове?

Доминоид тоже коснулся пальцами висков Калиостро, и они стали неотрывно смотреть друг другу в глаза.

— Нет! — вскричал вдруг Адам. — Останови их, Альф! Немедленно! Мне и в голову не приходило...

Но я уже прыгнул.

Все еще улыбаясь, Калиостро сделал правой рукой какой-то чрезвычайно сложный жест — как бы отметая в сторону множество людей сразу — и был несказанно удивлен, обнаружив, что у него после этого оказались сломанными все пальцы. Улыбка тут же сползла с его губ. Я использовал свой коронный захват, а потом швырнул графа через себя на пол.

— Альф, в сторону! Пранди! На пол! — крикнул Адам.

Я отскочил, а Пранди сразу же рухнула ничком. Калиостро, как оказалось, не грохнулся всей спиной об пол, а несколько раз ловко перекувыр-

нулся, вскочил на ноги, и улыбка снова появилась у него на губах.

— Нет, право же... — начал было он и осекся.

В воздухе что-то промелькнуло, послышалось пронзительное жужжание, и что-то темное, сплошь покрытое усиками, село графу на плечо. Испуганного крика, правда, не последовало, но жужжание прекратилось, и обезглавленное тело Калиостро рухнуло на пол. Почти сразу же я услышал знакомый голос Гоми:

— А я все-таки его опередил! Йо-хо-хо! — Потом раздался такой звук, точно кто-то завинчивал канистру, уродливая тень Гоми мелькнула в воздухе и исчезла.

— Иногда все-таки тебе очень здорово удается все рассчитать! — похвалил я Адама.

— Но я же мог все это потерять! — сказал он.

И тут Доминоид встал. Он все еще весь светился, как раскаленное железо, испускал пар и искрил. Затем губы его растянулись в подобии улыбки.

— Слишком поздно, *mes amis!* Слишком поздно, — сказал он и пошел в глубь Дыры.

— Попробуй только! — вскричал Адам и бросился ему под ноги.

Последовала короткая стычка — мне было плохо видно, все закрывала широченная спина Доминоида, — и Адам, отлетев в сторону, сильно ударился о стену слева.

— Я тебя еще раз предупреждаю, — заметил Доминоид, обращаясь к нему. — Иначе ведь и быть не могло! — И он спокойно двинулся дальше.

— Альф! — завопил Адам. — Помоги! Тащи его в «раздевающее» поле, если сможешь!..

Я рванулся вперед — по правой стене, по потолку, — пока не оказался прямо над Доминоидом. Свесившись вниз головой с потолка, я одной рукой захватил его под подбородок, а второй что было силы врезал ему по башке и попытался свернуть ему шею резким движением вправо. При нормальной анатомии человеческая шея такого обычно выдержать не может, а если и выдерживает, то недолго: слишком сильную боль вызывает у противника подобный прием. Однако сопротивления со стороны Доминоида не последовало. Он воспринял мое нападение совершенно хладнокровно и ответил на него целой серией нечеловечески стремительных движений. И благодаря чрезвычайной гибкости пережил мою попытку сломать ему шею без какого бы то ни было ущерба для себя.

Потом он поднял вверх руки и схватил меня за запястья. Поскольку висел я лицом к Дыре, то сразу оттолкнулся, свалился вниз и тут же вскочил на ноги у него за спиной. Руки у него при этом оказались на высоте плеч, и я, ловко освободив свою левую руку из его клешней, схватил его за правую руку, которой он все еще держал меня за второе запястье, и попытался заломить ему руку за спину, а потом рывком бросить его самого на пол. Но он лишь слегка повернулся ко мне, странным образом вывернув правую ногу, присел и шагнул вперед, швырнув меня на свое правое бедро лицом к себе. По-моему, его пра-

вое запястье неминуемо должно было при этом сломаться, но его снова спасла невероятная гибкость суставов. Я почувствовал, как стиснутое моей рукой запястье его вдруг стало мягким, вытянулось, а потом снова восстановило свою прежнюю форму.

Увидев, что он «подставился», я тут же врезал ему правой ногой пониже пояса и, продолжая поворот, почувствовал, как напряглась его рука, однако продолжал пинать его ногой в живот, пока сам не рухнул на пол. Доминоид тоже в итоге потерял равновесие и упал прямо на меня.

Однако мы тут же снова вскочили, и я услышал, как из уст Доминоида донесся смех Калиостро:

— Альф! Так вы, оказывается, Охотник! Прелестно! *C'est magnifique!* Впрочем, никто другой просто не сумел бы этого сделать! Вы подарили мне возможность, о которой я так давно мечтал: увидеть одного из вас в действии!

Я снова бросился на него, теперь уже используя приемы, предназначенные специально для укрощения разрегулировавшихся роботов.

— Но, пожалуй, с меня уже довольно, — заметил Доминоид голосом Калиостро, и его мерцающая кремовая кожа приобрела золотистый оттенок и несколько померкла.

Мой первый удар прошел сквозь него, словно он был из дыма! Как и последующая череда ударов. А он просто отвернулся от меня и заявил:

— Хватит. Мне пора заняться своими делами.

— Это какими же? — поинтересовался я, не-

устанно преследуя его. Мы продвигались вдоль цепочки кошачьих следов и уже миновали тела клонов, по-прежнему валявшиеся как попало прямо на рабочей площадке и в проходе.

Вдруг Доминоид остановился, повернулся лицом к правой стене коридора и, протянув вперед обе руки, словно занавес раздвинул — раскрыл пространственный «карман», и перед ним оказалась весьма сложная панель управления.

— Спроси у Адама, — сказал он мне.

Я повернулся к Адаму и увидел, что он тоже открыл какой-то «карман» в кажущейся пустоте и вытащил оттуда тридцатидюймовую трубку, расширяющуюся на конце и похожую на базуку. Он пристроил ее на правое бедро и жестом велел мне убраться с дороги.

Я убрался. И Адам нажал на спусковой крючок.

Доминоид, как раз наклонившийся над приборной доской, замер, затем по телу его прошли какие-то волны, он весь завибрировал и стал расплываться. Если оружие Адама сперва как бы пело, то теперь оно жалобно визжало. Однако уже через несколько секунд очертания Доминоида снова стали четче, и Адам тут же нажал на что-то еще на боковой панели своей кошмарной «базуки», и тело Доминоида опять пошло волнами. От него столбом поднимался пар.

...Но вскоре первоначальная картина восстановилась: Доминоид сиял по-прежнему, а формы его практически полностью восстановились. Адам еще несколько раз быстро на что-то нажал,

«базука» взвизгнула, потом визг смолк... но больше ничего не произошло. Доминоид окончательно восстановился и сказал голосом Калиостро:

— Я же говорил: слишком поздно! Я могу вибрировать с любой скоростью и в любой момент могу нанести тебе ответный удар. Отложи-ка лучше свое оружие, Адам, если, конечно, не придумал чего-нибудь получше.

Адам облизнул губы, сунул «базуку» в пространственный «карман» и закрыл его. Я подошел к нему и тихо спросил:

— А в чем, собственно, дело? Он же вроде бы делает именно то, чего вы добивались вместе, разве не так?

Адам неуверенно кивнул и покачал головой.

— Так, да не так! — сказал он.

Пранди принялась растирать ему плечи. Глория неподвижно стояла рядом со мной.

— Мне и в голову не приходило, что Калиостро вздумает передать свои представления и свое «я» этому Доминоиду! — сказал Адам. — И, когда тот был еще... не совсем закончен, Калиостро смог проникнуть в его мозг и полностью подчинить себе.

Я ощутил легкое головокружение, и меня охватила странная дрожь. А потом я увидел, что приборная доска вспыхнула яркими разноцветными огнями.

— Ну что ж, — сказал я, — ведь он задает Доминоиду нужный курс, не правда ли? Разве это так плохо?

— Вообще-то обычно демиург в следующей

Вселенной становится богом, — сказал Адам, — и может выражать свою волю самыми различными способами. А также — ставить любые условия, как исходные, так и конечные.

— Ах вот как! — сказал я, и мне показалось, что нас вместе с Дырой вывернуло наизнанку и выплюнуло.

В ушах у меня звенел голос Калиостро:

— Начинаем последнее путешествие!

Я очнулся, чувствуя себя так, словно из меня выкачали весь воздух, да и вокруг воздуха тоже не осталось. Открыв глаза, я увидел распростертые тела Адама, Пранди и Глории — на стене, на полу, на потолке, — и все эти тела, как и сама Дыра, то исчезали, то появлялись вновь, как бы в соответствии с ритмом некой пульсации. Я слышал шипение Глории и мяуканье Пранди. Мгновением позже я услышал отвратительный свист ультразвуковой коммуникационной системы, посмотрел на Адама и увидел, что он садится. Я тоже сел. Потом прыгнул с потолка и оказался с ним рядом.

— В продолжение нашего незаконченного разговора, — начал я, — мне хотелось бы спросить: а почему в нашей Вселенной нет сколько-нибудь заметного присутствия бога? Ты говорил, что боги практически обязательны во всех Вселенных.

— Да, но они через какое-то время все равно ведь устаревают, — отвечал он. — А вообще-то ты ведь уже встречался с нашими богами... Одному даже бутылку вина подарил...

— Ты имешь в виду старого Уртча?

— Его самого. Когда-то он был нашим верховным божеством.

Я вздрогнул, заметив, что Глория, которая лежала, свернувшись калачиком, развернулась и встала на стене параллельно полу. И снова началась та пульсация...

— Мы тормозим, — сказал Адам, осторожно продвигаясь к противоположной стене и помогая Пранди тоже подняться. — Мы приближаемся к тому мгновению, когда я достиг сингулярности и Рая.

— А что потом?

— Он определит наше местоположение, а потом создаст ускорение, которое приведет к конечной сингуляризации. Мы прошмыгнем мимо Великого Хруста и покинем эту Вселенную.

— И что?

— Мы умрем, а демиург, изменив свою форму, будет продолжать существовать. Что ж, по крайней мере, из всего этого выйдет еще одна Вселенная, знакомая с законом энтропии. И, в общем-то, неважно, насколько она получится уродливой. Уже и за одно ее возникновение стоит быть благодарными. Возможно, в ней будут существовать наши аналоги — в какой-нибудь другой форме...

— И мы больше ничего не можем сделать? — спросил я.

— Что-нибудь сделать можно всегда... — сказал он задумчиво и, протянув руку куда-то вниз, растегнул еще один пространственный «карман». —

А пока что нам есть что отметить. У меня тут припасено несколько ящичков отличного шампанского.

Пространство еще раз словно вздохнуло, продолжая неторопливо пульсировать, распахнулось настезь, и оттуда градом посыпались пустые бутылки, а следом за ними появилась обшарпанная фигура Уртча. В руке у него, как всегда, была зажата бутылка с вином.

— Эй! Что тут у вас происходит? — требовательно спросил он.

— Да вот, подлетаем к Омеге минус один, — ответил Адам.

— Мог бы и заранее предупредить! — рассердился древний демиург.

— Я же не знал, что ты сидишь там и пьешь мое шампанское!

Уртч почмокал губами и улыбнулся.

— И очень неплохое шампанское! — сказал он. — «Вдова Клико». XIX век, насколько я понимаю? — Он поднялся на ноги и ловко прошмыгнул мимо нас.

— И ты ни одной нам не оставил?

— Не знаю... Мне как-то в голову не пришло, что оно до сих пор пользуется спросом... — Уртч ткнул пальцем в сторону панели управления. — А кто это там? Новый демиург?

— Что-то в этом роде, — ответил Адам.

— Что ты хочешь этим сказать? Либо он демиург, либо нет!

— Ну, в общем, он был демиургом. Но потом, буквально через несколько секунд после его рож-

дения, его подчинила себе иная личность. И вправду мечтавшая стать демиургом...

— Ну, как это несправедливо! — обиженно сказал Уртч, вытер рот тыльной стороной ладони и слегка рыгнул. — Так не делается!

— Да, я знаю. Но практически ничего нельзя было с этим поделать.

Уртч задумался; глаза его при этом вращались в противоположных направлениях.

— Черт побери! — сказал он, помолчав. — А я-то считал, что с подобными глупостями покончено!.. — Он поправил свои лохмотья и решительно заявил: — Похоже, придется мне все исправлять самому.

— Вряд ли ты с ним справишься, — заметил Адам.

— Опыт ведь тоже кое-что значит, правда? — И Уртч повернулся и, шаркая ногами, двинулся в рубку.

Как только он переступил ее порог, то вроде бы утратил материальность и стал, точно призрак, слабо светиться на более темном фоне. Пульсация еще замедлилась, а потом и совсем прекратилась, когда Уртч коснулся плеча Доминоида и сказал:

— Извини, сынок!

— Что?... — послышался изумленный голос Калиостро.

Уртч ласково его обнял и сказал растроганно:

— Одна семья! Родственники мы с тобой, сынок!

Некоторое время они постояли, обнявшись, а потом от обоих повалил такой пар, что их практически перестало быть видно.

Затем из клубов пара донесся крик Калиостро:
— Нет! Ты не можешь!..

— Да могу я, могу, — отвечал Уртч.

Когда пар наконец рассеялся, перед панелью управления виднелась только одна фигура — Доминоида. Вдруг Доминоид обернулся и приветливо помахал нам рукой.

— Никогда не думал, что придется играть этот спектакль еще раз, — донесся до нас голос Уртча. Я тут же бросился к своему основному телу — Альфа, — а Уртч между тем продолжал: — Вы, ребята, хоть знаете, как назад-то вернуться?

Вытащив из кармана футляр с запонками, я открыл его, выдрал подкладку и обнажил панель управления своей собственной портативной машины времени.

— Это лучшее из того, что я мог захватить с собой! — крикнул я им.

— Дай-ка взглянуть.

Я отнес ему машинку.

Уртч взял ее и принялся внимательно изучать.

— Изящная вещица, ничего не скажешь! Но маловата. Она сможет отправить вас назад, только если вы совершите во времени около миллиарда прыжков, — заявил он.

— Я знаю, — сокрушенно подтвердил я. — Она была предназначена всего лишь для того, чтобы я мог попасть на свой корабль с расстояния не более нескольких столетий.

— Придется мне несколько усилить ее мощность, чтобы вы могли перенестись назад всего за несколько прыжков, — сказал Уртч, сжимая машинку обеими руками, отчего она стала све-

титься. Потом он вернул ее мне и сообщил: — Готово! А теперь поспешите-ка, иначе мне придется все начинать сначала.

— Ой, спасибо большое! — сказал я ему, повернулся и бросился обратно.

Адам стоял на четвереньках в том самом пространственном «кармане», откуда только что появился Уртч.

— Целых две штуки он не заметил, старый пьяница! — услышал я его торжествующий голос. — Так что нам все-таки будет чем отпраздновать!

Я взвалил тело Альфа на плечи — примерно так пожарники таскают тех, кто угорел во время пожара, — и в этот самый миг Адам вытащил пробку из шампанского. А потом мы дружно прижались друг к другу, Уртч сделал нам какой-то странный знак и отвернулся к панели управления. Я же активизировал свою машину времени...

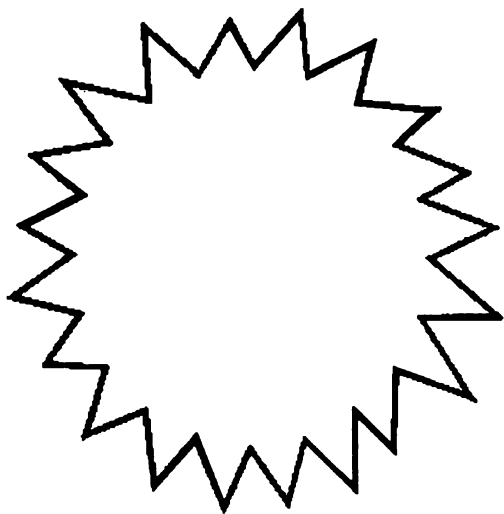
И мы прыгнули! Прочь от Омеги минус один!..

«Коты на крышах, коты — герои!» — распевал Адам, когда мы приземлились на усыпанную снегом темную равнину. Невдалеке слабо поблескивали огоньки полупустынного города. Адам передал мне бутылку, и мы прыгнули снова. «Долг путь до Типперери...»

...Под нами мелькнуло смутно видимое дно Мертвого моря. Совсем рядом был оголенный остов какого-то древнего судна.

То текла священная река Альф.

И свет нашего дня — как отправная точка для всей этой жизни...

ГЛАВА 9

NUOVO BUOCO NERO

Чтобы создать «Новую Черную Дыру», нам понадобилась большая часть года — там, куда мы улетели на двадцать лет вперед по сравнению с моментом нашего отлета отсюда. Пришлось ради конечной цели подавить марсианскую сингулярность, используя мой, пока что невидимый, исследовательский крейсер и присоединив его верповальным тросом к корпусу старой «Черной Дыры». Месяцы ушли на то, чтобы установить необходимое оборудование, в частности Рубильник. Мне даже пришлось кой за чем ненадолго слетать в бу-

дущее — нам необходима была новая многоцелевая мастерская. Я как-то уже успел привыкнуть, что она всегда под рукой. Мы работали все вместе, старательно обустраивая новую меняльную лавку.

Альфред Нуар, Глория М.Е.Дуза,
П.Ранди и Адам Мазер
Конфиденциальные расследования.
В любом месте и в любое время —

вот что гласила вывеска на стеклянной, покрытой «морозным» узором двери нашего офиса. Две боковые двери тоже были украшены такой надписью — одна из них выходила в Сан-Франциско, а вторая — в Нью-Йорк. Я всегда мог передвинуть их и поближе, если бы дела вдруг пошли плохо, но пока что все шло хорошо. Мы вполне успешно провели и закончили дело с Человеком-наседкой, с Голосом броненосца, с шестью с половиной Мертвыми Островитянами, с Королем Электромобилей и с фантомом Напа. Люблю разгадывать тайны!

Адам и Пранди в свободное время завершили работу над коридором; он получился у них странно схожим с прежней Дырой. Я даже спросил, не собираются ли они вновь заняться обменом душ и во второй раз создать универсальный вселенский континуум — не уверен, правда, что мне бы хотелось, например, создать еще одного Зверя, даже если он будет и значительно лучше первого, — но Адам в ответ только пожимал плечами и бормотал что-то невнятное насчет добрых старых времен. Никогда их не поймешь, этих кошек! Коридор, впрочем, идеально подходил для хранения

моего запасного тела. Я пользовался телами как Альфа, так и Пьетро; приятно было порой переключиться и попасть в далекое будущее или далекое прошлое — особенно когда суэта в офисе достигала предела — и дать возможность кому-то другому выспаться за меня, или же привести себя в порядок после пулевого ранения, или просто очухаться после похмелья, или выздороветь от насморка. Все остальные, глядя на меня, тоже решили, что неплохо бы и им обзавестись такими запасными телами.

...А Глория все читает мои стихи! И недавно я написал еще одно стихотворение, в котором отразилось мое неистребимое желание узнать, не отправилась ли все же некая часть наших существ вместе с Уртчем дальше и что там стало с ними.

Извините, но кто-то из клиентов снова стоит у дверей нашей конторы в Сан-Франциско! У него очень странная тень... Но это не страшно — на двери крепкий замок!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Грег Бир. ПСИХОЛАВКА: ФАНТАСТИКА В ДЖАЗОВЫХ ТОНАХ.</i>	
<i>Перевод Ю. Новыш</i>	<i>5</i>
ПСИХОЛАВКА. Роман	
<i>Перевод И. Тогоевой</i>	<i>9</i>

Литературно-художественное издание

Альфред Бестер, Роджер Желязны

ПСИХОЛАВКА

Редактор *И. Тогоева*

Художественный редактор *С. Курбатов*

Технические редакторы *Н. Носова, С. Кладов*

Корректор *В. Викулкина*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.11.99.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 11,7.

Тираж 20 000 экз. Заказ 3579.

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
125190, Москва, Ленинградский проспект,
д. 80, корп. 16, подъезд 3.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Книжный клуб "ЭКСМО" - прекрасный выбор!

Приглашаем Вас вступить в Книжный клуб "ЭКСМО"! У Вас есть уникальный шанс стать членом нашего Клуба одним из первых! Именно в этом случае Вы получите дополнительные льготы и привилегии!

Став членом нашего Клуба, Вы четыре раза в год будете **БЕСПЛАТНО** получать иллюстрированный клубный каталог.

Мы предлагаем Вам сделать свою жизнь содержательнее и интереснее!

С помощью каталога у Вас появятся новые возможности! В уютной домашней обстановке Вы выберете нужные Вам книги и сделаете заказ. Книги будут высланы Вам наложенным платежом, то есть **БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ОПЛАТЫ**. Каждый член Вашей семьи найдет в клубном каталоге себе книгу по душе!

Мы гарантируем Вам:

- Книги на любой вкус, самые разнообразные жанры и направления в литературе!
- Самые доступные цены на книги: издательская цена + почтовые расходы!
- Уникальную возможность первыми получать новинки и супербестселлеры и не зависеть от недостатков работы ближайших книжных магазинов!
- Только качественную продукцию!
- Возможность получать книги с автографами писателей!
- Участвовать и побеждать в клубных конкурсах, лотереях и викторинах!

Ваши обязательства в качестве члена Клуба:

1. Не прерывать своего членства в Клубе без предварительного письменного уведомления.
2. Заказывать из каждого ежеквартального каталога Клуба не менее одной книги в установленные Клубом сроки, в случае отсутствия Вашего заказа Клуб имеет право выслать Вам автоматически книгу – "Выбор Клуба"
3. Своевременно выкупать заказанные книги, а в случае отсутствия заказа – книгу "Выбор Клуба".

Примите наше предложение стать членом Книжного клуба "ЭКСМО" и пришлите нам свое заявление о вступлении в Клуб в произвольной форме.

**По адресу: 101000, Москва, Главпочтамт, а/я 333,
"Книжный клуб "ЭКСМО"**

В заявлении обязательно укажите полностью свои фамилию, имя, отчество, почтовый индекс и точный почтовый адрес. Пишите разборчиво, желательно печатными буквами.

Отправьте нам свое заявление сразу же, торопитесь! Первый клубный каталог уже сдан в печать!

« ЗНАК ЕДИНОРОГА »

СТАРАЯ ДОБРАЯ ФЭНТЕЗИ

Как известно из мифов, тому, кому удалось повстречать Единорога, непременно сопутствует удача во всех его начинаниях. Редким везением для ценителей фэнтези являются книги серии «Знак Единорога».

Лучшие мастера жанра открывают читателям врата в сказочные миры, населенные драконами и людьми, эльфами и гномами, орками, гоблинами и другими мифологическими существами. В этих мирах острый меч, меткий арбалет и горячее сердце могут стоить больше, чем ухищрения самого искушенного мага. Здесь любят и жертвуют, сражаются и ненавидят во имя единственной великой цели. Здесь силы Света и Тьмы сходятся в кровавых битвах, чтобы нарушить сложившееся вековечное Равновесие.

НОВИНКИ СЕРИИ:

Джон Р. Р. Толкиен «Властелин Колец», в 3-х томах
Эрик Ластбадер «Воин Заката», в 2-х томах
Урсула Ле Гуин «Волшебник Земноморья»
Роджер Желязны «Дилвиш Проклятый»

Книги Ника ПЕРУМОВА

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРОЙ ДОБРОЙ ФЭНТЕЗИ

Не только американцы и англичане могут создавать шедевры настоящей классической фэнтези. У Джона Р.Р.Толкиена и Роджера Желязны появился достойный преемник в лице Санкт-Петербургского писателя Ника Перумова. Фэнтези Перумова сочетает в себе все традиционные достоинства жанра, обогащенные безграничными возможностями русского литературного языка. В его книгах волшебство кажется еще изощреннее, мечи – острее, а герои – неутомимее.

НОВИНКИ СЕРИИ:

- «Алмазный меч, Деревянный меч» в 2-х томах**
- «Разрешенное волшебство»**
- «Враг неведом»**
- «Черное копьё»**
- «Эльфийский клинок»**
- «Адамант Хенны»**
- «Черная кровь»**
- «Рождение Мага»**
- «Странствия Мага»**
- «Хроники Хьерварда» в 3-х томах**

Книги Василия ГОЛОВАЧЕВА

ЛУЧШАЯ БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА

На сегодняшний день Василий Головачев является самым популярным российским писателем-фантастом. Его книги пользуются бешеным успехом, любая новинка сразу же становится бестселлером. Отличительные черты его произведений:

- головокружительные сюжеты,
- яркие, запоминающиеся образы героев,
- впечатляющий поток информации, обогащающей даже самого эрудированного читателя.

«СМЕРШ-2»
«ПЕРЕХВАТЧИК»
«РАЗБОРКИ ТРЕТЬЕГО УРОВНЯ»
«БИЧ ВРЕМЕН»
«СХРОН»
«ИЗЛОМ ЗЛА»
«ИСТРЕБИТЕЛЬ ЗАКОНА»
«ПОСЛАННИК»
«ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»
«ХРОНОВЫВЕРТ»
«ПИРАНЬИ»
«РЕЛИКТ» в 2-х томах
«ЧЕЛОВЕК БОЯ»
«ПОЛЕ БОЯ»
«ЛОГОВО ЗВЕРЯ»
«КОРРЕКТИРОВЩИК»
«АБСОЛЮТНЫЙ ИГРОК»

Книги Гарри ГАРРИСОНА

ВЕЛИКИЙ АВТОР – ВЕЛИКИЕ КНИГИ!

Гарри Гаррисон – живая легенда современной фантастики. Первые же строчки его книг служат пропуском в удивительный, полный загадок и тайн мир далеких планет, головокружительных, захватывающих дух космических приключений. Присущий автору тонкий юмор придает его бесстрашным и бесшабашным героям неповторимое обаяние.

ЦИКЛ «СТАЛЬНАЯ КРЫСА»

- «Стальная Крыса отправляется в ад»
- «Стальная Крыса поет блюз»
- «Ты нужен Стальной Крысе»
- «Рождение Стальной Крысы»
- «Мечь Стальной Крысы»
- «Стальная Крыса на манеже»

ЦИКЛ «МИР СМЕРТИ»

- «Мир смерти»
- «Возвращение в Мир смерти»
(в соавторстве с Антом Скаландисом)
- «Мир смерти против флибустьеров»
(в соавторстве с Антом Скаландисом)
- «Мир смерти и твари из преисподней»
(в соавторстве с Антом Скаландисом)

- «Чума из космоса»
- «Плененная Вселенная»
- «Фантастическая сага»
- «Кольца анаконды»
- «Планета проклятых»
- «Спасательная операция»
- «Выбор по Тьюрингу»

ТАЛЬНАЯ КРЫСА

«У АЛЬФРЕДА БЕСТЕРА
БЫЛА ЛЕГКАЯ РУКА.
БЛАГОДАРЯ ЕМУ
НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА
ШАГНУЛА ДАЛЕКО ВПЕРЕД».

Гарри ГАРРИСОН

«РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ —
ЛУЧ СВЕТА ДЛЯ ВСЕХ НАС».

Филипп ФАРМЕР

АЛЬФРЕД
БЕСТЕР
РОДЖЕР
ЖЕЛЯЗНЫ

ISBN 5-04-003711-2

9 785040 037117 >

ЭКСМО

П
В
И
О
А
В
К
А

АЛЬФРЕД
БЕСТЕР
РОДЖЕР
ЖЕЛЯЗНЫ